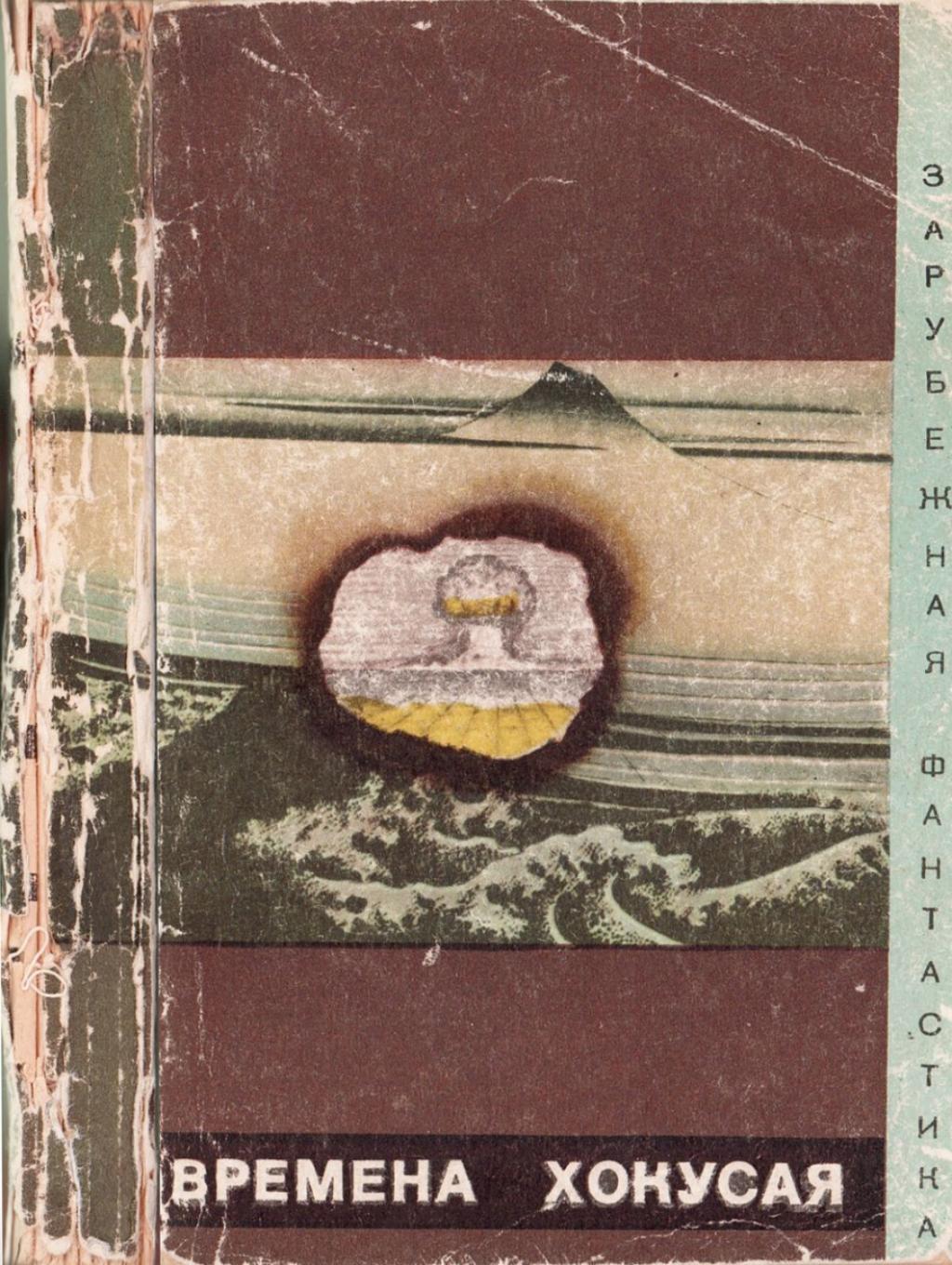
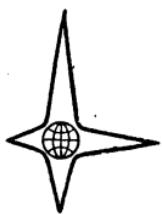

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я
Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К

ВРЕМЕНА ХОКУСАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«М И Р»

**ВРЕМЕНА
ХОКУСАЯ**

СБОРНИК
ЯПОНСКОЙ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

Перевод с японского

Издательство «Мир»
Москва 1967

Составитель
П. ПЕТРОВ

Перевод
З. РАХИМА

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

Предисловие

Первое впечатление, которое может получить от сборника японской фантастики читатель, мало знакомый с современной Японией,— это несоответствие между тем, что он знает, привык знать о Стране восходящего солнца, и тем, что найдет в рассказах. Несоответствие облику страны, звучанию отдельных нот и даже основной мелодии. Япония вежлива — но по рассказам этого не чувствуется. Всему японскому в привычном представлении свойственны утонченность, невозмутимость, спокойное достоинство. Достаточно вспомнить пейзажи японских художников в наших музеях, веками выработанное искусство резчиков по дереву, знаменитые короткие стихотворения — танки:

Все видели на свете
Мои глаза и вернулись
К вам, белые хризантемы.

Столетия поэтической традиции, долгие годы пристального, неторопливого взглядывания в окружающее должны стоять за поэтом, чтобы он мог так, в трех прозрачных музыкальных строчках, изобразить целую жизнь, высказать целую философию. Но вот читатель открывает сборник — и не находит ничего похожего на то, что ожидал. Стиль рассказов поспешен, сюжет то бежит, то, споткнувшись, цепенеет, все линии размыты, все негладко, шероховато.

И не только это. Япония, как мы знаем,— одна из наиболее своеобразных стран на земле, может быть, самая своеобразная. Ее обычаи, аспекты ее культуры уникальны, часто характерны только для нее самой, эндемичны, как говорят о растениях, произрастающих лишь в данной местности и больше нигде в целом свете. Действительно, разве есть еще страна, где существуют праздники «любования луной» и «любования осенними листвами», где в клетках, в комнате, поют кузнечики, где

в специальных школах девушек обучают составлять букеты, где насчитывается пять или шесть различных степеней выражения благодарности?.. Другими словами, Япония — это своеобразие. Но как раз своеобразия, самобытности и не увидишь,— во всяком случае, с первого взгляда — в рассказах японских фантастов. Напротив, в глаза бросается подражательность: там узнаешь Бредбери, тут мелькает Азимов; все тот же привычный любителю фантастики космос, те же «машины времени».

Сомнения одолевают читателя: а может быть, устали его представления о Японии, может быть, она по-просту обезличилась, утеряла сейчас свои национальные черты? Но нет. Туристские поездки, фильмы, фотографии и статьи в японской периодике убеждают, что самобытность осталась. Япония — все та же страна аккуратности, обязательности, особой, только ей свойственной эстетики быта, ремесел, передаваемых из поколения в поколение, «японских» маленьких садиков и вековых карликовых сосен в цветочных горшках. Возникает и еще одно, новое несоответствие. Национальная экономика стремительно идет вперед, выводя Японию на первое место по судостроению, полимерам, электронике. Товары, производимые на островах, успешно конкурируют на мировом рынке с продукцией наиболее развитых промышленных государств. Страна как будто процветает. Но удивительно не сочетается с этим благоденствием отнюдь не оптимистичный, тревожный, озабоченный тон рассказов сборника.

В итоге читатель начинает ощущать необходимость примирить все эти противоречия, найти Японию в лежащей перед ним небольшой антологии японской фантастики. Чтобы сделать это, нам придется остановиться на некоторых вехах истории страны. Два важнейших явления должны тут привлечь наше внимание: бурный расцвет национальной экономики и культуры после так называемой реставрации Мэйдзи (1868) и выход Японии в число передовых научно-технических

государств мира в 60-х годах нашего века. Как известно, XVII столетие застало страну в состоянии феодальной междоусобицы. До этого при хэйнанском императорском дворе уже создалась национальная письменность, в VIII—XI веках в обстановке проникнутого эстетизмом и интеллектуальным началом спокойного досуга расцвели литература, музыка и живопись. Но начиная с XII века на Японию в течение почти четырех столетий обрушились бедствия феодальных войн. С тех пор, кстати, в японской традиции появился культ жестокости, презрения к смерти, беспрекословного подчинения вассалов своему сузерену — тот дух самурайства (рыцарства), который фашистское правительство времен второй мировой войны пыталось возродить и в какой-то мере возродило в фанатических «смертниках», летчиках и подводниках. Отсюда же в японскую литературу пришел образ ниндзя, лазутчика, бесстрашно проникающего в стан врагов, обладающего почти сверхъестественными силами, до конца верного долгу и своему господину.

Лишь в начале XVII века крупный феодал Токугава окончательно объединил страну и от имени утратившего реальную власть императора объявил себя правителем Японии — сёгуном. Таких сёгунов — их были целые династии — Япония знала и раньше, но этот последний более чем 250-летний сёгунат (1614—1868) резко отличался от предшествующих. В XVIII—XIX веках феодальная монархия сделалась пережитком. Господствующее положение в стране формально все еще занимало сословие самураев, но в действительности экономическое могущество перешло в руки развивающейся городской буржуазии. Выросла новая культура, враждебная принципам старой средневековой идеологии, однако старое продолжало цепляться за власть. Над миром уже отгремели «Марсельеза» и революция 1848 года, покатили по рельсам паровозы, телеграфные линии пересекли Европу и Америку, а в Японии рыцари-самураи, как и сотни лет назад, ходили с мечом за поясом. Стремясь

сохранить за феодалами привилегии, правительство Токугавы приняло курс на стабилизацию общественных отношений. Все должно было оставаться как есть. Под страхом смертной казни японцам запретили выезжать за границу. Тщательно разработанными указами была регламентирована вся жизнь населения. Страна, насилиственno задержанная в своем историческом развитии, отставала от мира: для нее назревала опасность превратиться в колонию развитых капиталистических держав. В этих условиях и разразилась в Японии буржуазная революция. Она прошла под флагом реставрации императорской власти.

В апреле 1868 года император Мэйдзи был перевезен в город Эдо, тут же переименованный в Токио, и принес клятву: «Все плохие обычаи прошлого будут уничтожены. Знания будут заимствоваться во всем мире». Самурайские кланы были ликвидированы, и по европейскому образцу введены префектуры. Вместо старого, лунного календаря был принят новый, солнечный. Были упразднены касты отверженных, разрешено стричь волосы и запрещено носить мечи. Способную молодежь послали учиться за границу, ученых привлекли к сотрудничеству с правительством. И произошло «японское чудо»: мощным рывком за сорок лет Япония катапультировала себя в современность.

Дальнейшее известно еще лучше. Русско-японская война, в которой потерпел поражение русский царизм, агрессия против Китая, вступление во вторую мировую войну, национальная катастрофа 1945 года, Хиросима, и после всего этого — вновь экономический взлет, поставивший страну в положение опасного конкурента передовых западных держав.

Возникает вопрос: легко ли дались японскому народу два броска, совершенных менее чем за столетие?

Ответ на это дают — тревожностью, озабоченностью, какой-то нервностью тона — собранные в книге рассказы писателей-фантастов. В таких произведениях, как

«Хаотическая комедия», «Надежда», «Машина времени», «Времена Хокусая», возникает образ современника, обезличенного неустанным монотонным трудом, задерганным спешкой, суетой переполненных улиц, оглушенного прерывистой, неритмичной дробью изменений окружающего мира, к которым он не успевает приспособиться, человека, ослепленного мельканием безличных сил конкурентной борьбы.

И это не только в фантастической литературе. Вспомним, например, как рассуждает Ники Дзюмпей из философского романа Абэ Кобо «Женщина в песках»:

«Лето, полное ослепительного блеска, бывает ведь только в романах и кинофильмах. А в жизни это воскресные дни скромного, маленького человека, который выехал за город, где все тот же запах едкого дыма, и лежит на земле, подстелив газету, открытую на страницах, посвященных политике... Термос с магнитным стаканчиком и консервированный сок... взятая напрокат после долгого стояния в очереди лодка — 150 иен в час... Побережье, на которое накатывается свинцовая пена прибоя, кишащая дохлой рыбой... А потом электричка, битком набитая... уставшими людьми... Все всё прекрасно понимают, но, не желая прослыть глупцами, позволившими себя одурачить, усердно рисуют на сером холсте какое-то подобие празднества. Жалкие, небритые отцы тормошат своих недовольных детей, заставляя их подтвердить, как прекрасно прошло воскресенье...»

Заметим, что эта картина ничуть не противоречит недавнему сообщению «Джэпэн пресс»: экспорт Японии превысил импорт на сумму почти 300 миллионов долларов. Здесь и термос с магнитным стаканчиком, и консервированный сок — свидетельство даже некоторого достатка. И если сфотографировать этот пляж, снимок отлично ляжет на глянцевую бумагу фешенебель-

ного журнала, украсит стенд очередной рекламной выставки. Противоречия нет; только в одном случае речь идет о внутреннем, а в другом — о внешнем.

Нет несоответствия также между успехами японской экономики и той неуверенностью, озабоченностью, которые сквозят в большинстве рассказов сборника. Неуверенность, обезличенность, какая-то человеческая изношенность, стертость и массовидность — вот цена, которой население страны оплачивает ее активный торговый баланс. Напряженность в условиях относительного благополучия. Растираяность под маской спокойствия.

Знакомясь с такими рассказами, как «Кризис», «Бумага или волосы?», «Табак», читатель поймет, что, обогнавшая сегодня большинство передовых стран по темпам развития, Япония опережает их и по остроте конфликта между человечностью и стяжательством, между личностью и капиталистическим государством...

Довольно скоро, вероятно, рассеется и мысль о несамостоятельности рассказов, их зависимости от англо-американских образцов. Это верно, что «Времена Хокусая» или «Мужчина в космосе» представляются поначалу вторичными. Но не будем забывать, как молода японская научная фантастика. Самому старшему из представленных в сборнике авторов — Синити Хоси — только-только исполнилось сорок лет, и в области научно-фантастической новеллы он, как и Сакё Комацу и Абэ Кобо, не имел предшественников в Японии. Лишь совсем недавно, в 1957 году, начали выходить первые японские научно-фантастические журналы. Кроме того, так богата сама более чем тысячелетняя японская культура, что не всегда легко понять истоки тех или иных явлений. Подобно тому как в японской живописи некоторые крайне стилизованные, уже омертвевшие традиционные формы смыкаются сейчас с современным западным абстракционизмом, так и в литературе образ ниндзя, например, — существа, способного делаться невидимым, вызывать пожары, насыпать дождь и туман,— значитель-

но предшествует американскому фантастическому «супермену». Что же касается рассказа «Времена Хокусая», то довольно скоро приходишь к выводу, что именно гражданин страны, на теле которой до сих пор горит незаживающий шрам Хиросимы, имеет больше права считать этот сюжет своим и так написать об атомной трагедии.

Но главное даже не в этом. Уступая господствующей сейчас в западном мире американской фантастике в отношении мастерства формы, японские писатели берут верх над ее массовой продукцией искренностью тона и серьезностью содержания.

Остается еще вопрос о японской фантастике как зеркале национального своеобразия. Конечно, при внимательном чтении можно уловить тут и там конкретные детали бытия в Стране восходящего солнца. То это «радар, похожий на пагоду», то «уродливая урна на станции» (определение «уродливая» подчеркивает постоянно присутствующую в сознании японца эстетическую оценку окружающего). Но в целом — бог с ней, с самобытностью. Вероятно, авторы сборника попросту выносят ее за скобки: человек, который десять раз на дню видит колокольчик, колеблемый ветром у входа в жилище, не будет писать об этом колокольчике, предоставив делать это туристам в своих очерках. Японская фантастика, стремящаяся к решению острых проблем современности, претендует на большее — отразить те заботы и размышления, которые объединяют, а не разнят японских крестьян, рабочих, интеллигентов с тружениками всего мира.

Конечно, всегда трудно расставаться со сложившимися представлениями. Испытываешь какое-то эгоистическое разочарование, когда убеждаешься, что то или иное явление совсем не таково, каким мыслилось. Но, с другой стороны, не имеет никакой ценности литература, которая лишь подтверждает то, что и так известно. Этого не получится с нашим сборником японской фантастики.

Он заставляет думать. Верно, что характеры в некоторых рассказах не всегда выпуклы и сюжет не всюду гармоничен. Но странное дело: если наложить эти порой размытые контуры один на другой, они, при взгляде напрочь светят, тем не менее дают нечто очень определенное — образ современной японской жизни. Поэтому можно предположить, что небольшая антология заинтересует и удовлетворит разные группы читателей. Те, кто ищут в этом жанре занимательность, найдут ее. Те, кто ожидают от научной фантастики большего, услышат шепоты, тревожный говор, соприкоснутся с опасениями и надеждами японского народа.

С. ГАНСОВСКИЙ

Сакё Комацу

ВРЕМЕНА ХОКУСАЯ

В отделе редких книг одной из библиотек мы с женой случайно нашли старинный альбом репродукций, изданный еще в двадцатом веке. В альбоме среди других работ были картины Хокусая. Они произвели на нас колоссальное впечатление.

— Потрясающе! — восторженно воскликнула жена. — Это же Фудзияма! Увидеть ее — моя мечта!

— К сожалению, неосуществимая, — возразил я. — В двадцать третьем веке, после страшного извержения, Фудзияма осела и деформировалась.

— Можно съездить в более отдаленную эпоху, до извержения, скажем в двадцатый век.

— В Японии двадцатого века стали вовсю развивать промышленность. Из-за дыма они там, вероятно, не видели дальше собственного носа, не то что Фудзияму. Ты же просматривала фотографии тех времен. Разве они сравняются с этими репродукциями? Если судить по книгам путешественников, Япония тогда была ужасным местом: перенаселенным, с диким количеством автомобилей и никудышными дорогами.

— Но я решила и поеду в девятнадцатый век, во времена Хокусая, — неколебимо стояла на своем жена. — Неужели тебе не хочется увидеть эпоху королевской династии Эд.. Эд... Эдвардов?

— Какой династии? Каких Эдвардов? Сёгу-

ната Эдо!* — поправил я. Жена вечно все путала.

Было решено: отпуск мы проведем в Японии девятнадцатого века. Честно говоря, я побаивался этой поездки. Жена сравнительно недавно получила права управления машиной времени, да и то, мне кажется, лишь потому, что воздействовала на экзаменатора чудесным способом, доступным только женскому полу. В старину, если не ошибаюсь, этот способ назывался «чарами». Водила она машину средне и свободно могла ошибиться на два-три столетия. Но главное, взятая нами напрокат машина с вездеходным устройством оказалась подержанной и ненадежной.

— Положись на меня! — весело подбадривала меня жена. — Интервью с Хокусаем у нас в кармане!

Я был далек от оптимизма.

Но вопреки моим опасениям машина благополучно села на водную поверхность какого-то пустынного залива, и я, честно говоря, вздохнул с облегчением. Здесь было спокойно: ни реактивных тихоокеанских лайнеров, ни турбовинтовых катеров, ни моторных лодок.

— Смотри, Фудзияма! — крикнула жена, прильнув к смотровому стеклу.

Вдали, окутанный тяжелым нависшими облаками, тянулся сине-фиолетовый хребет японского архипелага. И где-то там, между небом и землей, точно какой-то фантастический мираж, парил конусообразный контур легендарного вулкана. Его пологие, длинные склоны

---

* Сёгунат (от слова «сёгун» — полководец) — период правления династии сёгунов. Здесь речь идет о сёгунах из дома Токугава (1603—1867). — Здесь и далее примечания переводчика.

таяли в голубом мареве, а вершина сверкала, как алмаз.

Онемев от восторга, я долго любовался почти неправдоподобной строгостью пропорций Фудзи. До самой последней минуты я был уверен, что Хокусай и Хиросигэ идеализируют действительность и в их картинах реальный мир произвольно сочетается с творческой фантазией. Но нет, они были подлинными реалистами, эти художники! И все же это походило на сон.

— Гляди: дома! — замирая от восторга, произнесла жена. — Деревянные... из бамбука... с соломенными крышами... А вон сосновый лес... Ну совсем как на картинах Хокусая!.. Правда?

Нет, должен сказать, Хокусай все же несколько приукрасил растительный мир. Мне вспомнились могучие сосны на его картинах. На самом деле деревья были чахлые, чудовищно искривленные и их юрьевые ветви почти стлались по земле. И все же они были прекрасны.

— Пересядем в лодку, — благоговейным шепотом произнесла жена, — и подъедем к берегу. Мне хочется посмотреть на людей эпохи Эдо.

Мы спустили лодку на воду и с приглушенным мотором, чтобы не нарушать священной тишины, двинулись в глубь залива по ровной, словно залитой маслом, водной глади.

По мере приближения лодки к берегу на нас медленно надвигались горы во всем своем древнем величии. Однако конусообразный контур Фудзиямы продолжал возвышаться над ним, точно мы стояли на месте.

Девственная, почти первобытная тишина родила во мне подозрение, что мы промахнулись и попали в более отдаленную эпоху.

Я посмотрел в телебинокль и увидел на бе-

регу людей, одетых в коротенькие куртки-безрукавки и в плавки, называемые фундоси. Именно такими изображал своих современников Хокусай. На головах у них были намотаны какие-то тряпки.

Вскоре перед нашими глазами выросло огромное оранжевое плато. Вдали за ним простиралась бескрайняя холмистая равнина. По обе стороны залива, храня гробовое молчание, тянулись горы, вершины громоздились одна на другую. Они тонули в далеком мареве. А над ними по-прежнему, точно смеясь над расстоянием, возвышался величественный контур Фудзиямы.

Горизонт за равниной был слегка вздыблен едва различимой горной цепью.

Мертвая, первозданная тишина. Ни единого звука. Ни одной птицы.

— Здорово!.. Потрясающе здорово!.. — всхлипывая от восторга, прошептала жена. — Вот она — Япония Хокусая!.. Какая строгая тишина!.. Теперь я знаю, что такое «горчичность»!..

Она имела в виду «горечь и грусть», присущие старояпонскому искусству, но я не стал поправлять и просто крепко обнял ее за плечи.

Чуть в стороне от плато мы увидели устье реки и направили лодку туда. Низкое плато, простирающееся на десятки километров, оживляло этот суровый пейзаж. Вдоль узкой кромки берега, среди редких, худосочных деревьев, стояло несколько домишек, крытых почерневлой соломой. За камышами виднелись вытащеные на берег лодочки, изогнутые, точно слоновые бивни.

Ожившая картина Хокусая!

В устье реки мы заметили еще несколько лодочонок, а в верховьях даже белели паруса.

Вода в реке была удивительно прозрачная — на дне виднелись рыбы.

Полуголый мужчина в треугольной соломенной шляпе, стоя в лодке, закидывал в прозрачную воду темную, словно нарисованную тушью сеть.

Мужчина, казалось, ничуть не удивился нашему появлению.

— Здравствуйте, — сказала жена, нажав предварительно на кнопку портативного электронного переводчика. — Что вы тут ловите?

Сеть казалась пустой.

— Рыбу, — ответил мужчина глухим голосом, не поворачивая головы, — белую рыбу. Слыхали? Ну такую махонькую, прозрачную, ее едят сырой.

Мы улыбнулись. В этой фантастической тишине человек на борту причудливо изогнутой лодочки, ловивший сетью прозрачных маленьких рыбешек, казался персонажем из волшебной сказки.

— Можно здесь где-нибудь остановиться? — спросил я.

— Заезжих дворов поблизости нет, — ответил мужчина. — Только деревня. Но народ там лютый, чужих не любит...

— А как называется деревня? — спросила жена, указывая рукой на домишко.

— Эдо.

— Эдо?! — она даже подпрыгнула от удивления. — Неужели Эдо?! А где замок сёгуна?

— Чего?.. Отроду не слыхал про такое. Деревня — Эдо, а река — Сумида, — повторил мужчина глухим голосом и, махнув рукой в сторону плато, добавил: — Вон там... когда-то стоял город... Большущий! Чуть ли не самый большой в мире. Токио назывался... Не то он

сгорел, не тё завалило его... Теперь тут ничего нет — одна земля.

Я схватил жену за локоть. Тоже мне водитель — на два столетия ошиблась.

— Может, рыбки отведаете? — спросил рыбак, повернув к нам лицо со странной, застывшей ухмылкой.

Мы ахнули. Чудовищный рот от уха до уха. Его лицо было отмечено явными признаками наследственного вырождения. Типичнейшие последствия радиации.

К нам протянулась трехпалая рука. В ней билось что-то скользкое и блестящее.

— Вот это и есть белая рыба, — снова услышали мы, — а еще ее зовут трехголовкой, от того что у нее три головы... Только в наших местах водится.., Вкусная — страсть!..

Сакё Комацу

БУМАГА ИЛИ ВОЛОСЫ?

Прежде чем начать повествование, предупреждаю вас: читайте как можно быстрее! С такой скоростью, на какую вы только способны! Иначе я не могу поручиться, что вам удастся дочитать эту историю до конца.

Только не перескакивайте, не читайте по диагонали. Ведь я умею рассказывать лишь по порядку, и, если вы пропустите много, от вас наверняка ускользнет то, на что я хочу обратить ваше внимание. Ах, как было бы хорошо, если бы вы узнали, чем кончится эта история... Во всяком случае, я очень, очень надеюсь... Ведь в конце... Словом, я страстно желаю успеха одному человеку, ибо его опыт... Что? Вы говорите, чтобы я не тянул и сразу выложил суть дела? Но я же предупредил, что умею рассказывать только по порядку. Такой уж у меня характер. Я и сам мучаюсь. Один раз я чуть не сломал себе шею и чуть не вылетел с работы из-за своего проклятого характера. И если бы не одно скандальное происшествие, не бывать бы мне больше репортером...

Так с чего же начать? Даже не знаю. Впрочем, всегда надо начинать с самого начала. В тот вечер, когда это случилось... Ну, пожалуйста, не подгоняйте меня!

Так вот, в тот вечер я был у моего приятеля Номуры. Мы пили до утра. Номура — молодой, очень способный биохимик. Он заключил контракт с одной крупной фирмой и теперь

работает для нее над какой-то проблемой. Рazuмеется, за солидное вознаграждение. Хотя вообще-то он не от мира сего, маловато у него здравого смысла. С сумасшедшинкой человек.

В тот вечер приглашение мне передала его сестра Маяко. Они собирались провести сеанс гипнотического ясновидения.

Надо сказать, что эта девица под стать своему братцу. У нее тоже не все дома. Она увлекается спиритизмом и, как говорят, обладает даром медиума. Ну, меня-то все это нисколько не интересует — всякие там души и ясновидение. В доме Номуры меня интересовало другое — «Джонни уокер», виски с импозантной черной этикеткой. О, у Номуры всегда есть запас спиртного! Бывало, за ночь мы с ним высыпали бутылки три «черного Джонни». Это дорогой напиток, он не по карману какому-нибудь репортеришке, вроде меня.

У Номуры была странная привычка пить, закусывая бесконечной болтовней своей сестры. Маяко впадала в транс и начинала нести несусветную чепуху. Но что поделать — у каждого своя причуда. Говорят, в былые времена одна куртизанка, любовница князя Оути Фурути с Икэнохаты, засыпала только тогда, когда князь щелкал крышкой своих золотых часов. Потом она заболела, и мудрый старец Оути ежедневно ломал не один десяток золотых часов, щелкая крышкой у ее изголовья...

Так что в сравнении с этим привычка Номуры, пожалуй, не казалась странной. И все же ясновидящая девица Маяко основательно раздражала меня. Представьте себе: ни с того ни с сего впадает в транс и начинает предсказывать. И несет околесицу всю ночь. Ужас! Чтобы не быть голословным, приведу пару при-

мерчиков: «...Марсиане питаются капустой, квашенной по-корейски, то есть с чесноком. У них дурно пахнет изо рта. Можно заработать большие деньги, если экспортировать на Марс ароматическую жевательную резинку...» Или: «...Будущее принадлежит тараканам-prusакам...» Послушаешь часок этот бред, и начинает трещать голова.

В тот вечер, уже пропустив изрядную порцию виски, я спросил Номуру:

— Скажи, а предсказания Маяко-сан сбываются?

— Как бы не так! — живо отозвался Номура. — Да тебе-то что? Пусть болтает. Слушать ее — все равно что слушать LP... * Ну, бывает, что одно из ста... Правда, на всякую гадость у нее есть нюх. Когда предскажет что-то плохое, так и жди какого-нибудь свинства...

— Случится ужасное! — крикнула вдруг Маяко странно изменившимся, замогильным голосом.

Я вздрогнул и посмотрел на нее. Она вперила вдаль невидящий взор. Мне стало страшно: вдруг она возьмет да и предскажет, что я на ней женюсь!

— А что именно случится? — спросил я.

— Это имеет отношение к научным изысканиям брата...

Теперь настала очередь Номуры испугаться.

— Что случится с моими изысканиями?

— ...Утром... рано... — вещала Маяко. — На улицах никого, пусто... Вот появился разносчик молока... Ставит у дверей бутылки со странны-

---

* LP — радиовещательная компания.

ми, узкими горлышками... Вот оно! Вот оно!..
Вон идет странный человек с тачкой... В ней
что-то похожее на листы жести...

— Как, это жестянщик?

— Н-нет... кажется, нет... Он засовывает под
каждую дверь по жестяному листу... Что же
это? Что же?

Внезапно голова Маяко бессильно опусти-
лась и она громко захрапела. Теперь будет
спать остаток ночи, все утро и весь день. Про-
снется только к обеду. Я повернулся к Номуре.
Его лицо было кислым.

— Над чем ты работаешь? — спросил я.

— Не могу сказать. Это секрет фирмы, —
ответил Номура, выливая в рюмку остатки вис-
ки. — Если газетчики узнают, над чем я рабо-
таю, так не оберешься хлопот... Ну, что ж, по-
жалуй, нам тоже пора на боковую, а?

— Подумать только, уже утро, — ответил я,
взглянув на часы. — Скоро первая электричка.
Поеду домой и выплюсь хорошенько.

— Ну, конечно, ты ведь можешь заснуть
только под своим засаленным одеялом. — Но-
мура, потягиваясь, поднялся. — Что ж, добро-
го тебе утра и спокойного сна.

Было самое обыкновенное утро. Безлюдную
улицу окутывал туман. Мелькнул неясный си-
луэт собаки. На перекрестке стоял молочный
фургон. Шофер, разинув рот, смотрел на пол-
ки, залитые молоком. Очевидно, от встряски
повалились бутылки.

По дороге на станцию я встретил мальчиш-
ку — разносчика газет. На боку у него болта-
лась пустая сумка. Наверно, он уже доставил
подписчикам все газеты. Только вид у парень-
ка был какой-то странный: походка неуверен-
ная, рот широко открыт, на глазах слезы. Но я

пошел дальше, не придав этому никакого значения. Голова гудела от ночной пьянки.

На станции тоже было пусто. До первой электрички еще оставалось несколько минут. Контролер стоял на месте. Когда я, как обычно, протянул ему свой сезонный билет и хотел пройти на перрон, контролер вдруг схватил меня за руку повыше локтя.

— Эй, вы! — сказал он не очень-то вежливо. — А сезонка где?

— Да вы что, ослепли, что ли?! — возмутился я и сунул ему под нос футляр с сезонкой.

Он глянул на меня как-то боком.

— Ничего не вижу!

— А вы протрите глаза!

Но тут я увидел, что сезонки в футляре не было. Что за черт! Вчера вечером, когда я сошел на этой станции и отправился к Номуре, сезонка, как всегда, лежала в футляре, под слюдой.

— Спьяну выронил, что ли?.. — пробормотал я, пытаясь скрыть смущение. Исчезла не только сезонка, но и все визитные карточки и билеты метро.

— Берите билет, — сказал прыщавый контролер и отвернулся.

Мне было нелегко вынести его презрение, но еще труднее — пережить пропажу. Ведь сезонку я купил на днях. А среди визитных карточек лежали талоны на обед в столовой нашей газеты. Их я тоже приобрел совсем недавно. Вернуться к Номуре, что ли? Но уж больно хочется спать. Поеду домой, а там видно будет, решил я.

Кассу еще не открыли, и я подошел к автомату. Вдруг мне показалось, что станция изменилась. Я никак не мог понять, в чем дело, но

что-то было не так. Опустив в автомат тридцатиеновую монету, я нажал ручку. Автомат щелкнул и выбросил горстку пыли. Ничего похожего на билет.

— Эй, ты! — крикнул я контролеру, окончательно разозлившись. — Чем придиরаться, следил бы лучше за своими автоматами! Человек тратит деньги, а автомат испорчен.

— Как это испорчен? Быть не может! — заявил он.

— Может или не может, но он не работает. А если не работает, какого черта горит лампочка?! Только людей обманываете!

Вероятно, мой свирепый вид подействовал на контролера. Он раздражённо крикнул:

— Эй, вы там! Откройте кассу!

Но кассу не открыли. Было только слышно, как за опущенным окошечком кто-то взволнованно говорит по телефону:

— Да, да, все до одного! Что? У вас тоже? Что же делать-то? Как теперь быть?

Между тем на станции скопилось довольно много народу. Некоторых, так же как меня, задержал контролер, другие, пошарив по карманам, мчались домой. Человек пять-шесть безнадежно пощелкали ручкой автомата и, убедившись, что он испорчен, обступили окошечко кассы. Они барабанили кулаками и орали:

— Эй, что вы там, заснули, что ли? Давайте билеты!

И тут меня вдруг осенило. Ну, конечно! Недаром мне показалось, что станция как-то изменилась. Оказывается, исчезли все плакаты. Тут же было полно плакатов, рекламирующих туризм! А теперь — ни одного. Схема пути, нарисованная масляной краской на железном листе, осталась. А пестрые веселые плакаты

исчезли бесследно. На зеленой доске объявлений торчали только кнопки. Вглядевшись внимательнее, я обнаружил внизу, на раме, то-ненький слой пыли.

— Господа пассажиры, спокойно, спокойно! — визжал за моей спиной контролер.

Я обернулся. У контрольно-пропускного пункта уже назревал скандал. По сезонке не прошел ни один человек. У билетной кассы бушевала толпа.

— Да что это за безобразие! Мы же опаздываем на работу! — кричали люди. — Открывайте! Вы уже двадцать минут морочите нам голову!

Окошко поднялось с громким стуком.

— Не устраивайте скандала, господа! — громко сказал кассир. — Мы немедленно примем меры... Электричка все равно запаздывает. Я сейчас как раз звоню по телефону, запрашиваю, как быть...

— Да наплевать нам, что вы там запрашиваете! Билеты, билеты давайте!

— Билетов нет. Ни одного нет... — кассир чуть не плакал.

— Ах, билетов нет?! А мы при чем? Сажайте нас без билетов!

— Да не можем мы без билетов! Поймите! Езда без билетов запрещается!..

— Бюрократы! — заорал кто-то. — Тогда выдайте нам свидетельство о неполадках на транспорте!

— Но, но... — кассир вскочил с места; он почувствовал, что сейчас его будут бить. — Но как же я дам вам свидетельства, когда нет...

Тут раздался грохот электрички. Первый поезд опоздал больше чем на полчаса. Огромная толпа пассажиров с ревом бросилась к конт-

рольно-пропускному пункту. Люди совсем ошалели. Деревянная перегородка с треском рухнула. Посыпался вонь контролера. Так тебе и надо, нахал, подумал я и вскочил на прилавок какого-то киоска. Во мне заговорил репортер. Я начал щелкать маленьким фотоаппаратом, который всегда носил с собой. Великолепные будут кадры! Потом я выбежал на дорогу, поймал такси, плюхнулся на сиденье и назвал адрес нашей редакции.

— Что там за шум, не знаете? — встревоженно спросил шофер. — То же самое творится и на другой станции.

— Билеты не продают, вот и скандалят, — ответил я.

— Гм... А почему не продают?

— Да сам не пойму. Но что-то неладно...

Тут я подумал, что эта поездочка на такси порядком подорвет мой бюджет. За такое-то расстояние придется заплатить больше тысячи иен. Я поспешно полез в карман, вытащил бумажник и хотел пересчитать мои капиталы. Но... бумажник был пуст! На лбу у меня выступил холодный пот. Еще бы! Ведь я отлично помнил, что там лежала добрая половина моего жалованья. Куда же девались все деньги?! Ведь было, было же несколько тысяч иеновых купюр, и несколько пятисоточных, и одна — моя гордость, моя радость — купюра в десять тысяч иен... Но все они исчезли. Лишь на самом донышке осталась крохотная горстка сероватого порошка, похожего на пепел. Я потряс бумажником, и на мои колени посыпалась пыль. И только тут я понял: что-то творится с бумагой. Она исчезает...

Почему, отчего — я не знал. Но факт — бумага исчезала! Бесследно. Вот в чем дело! А мо-

жет быть, ее вообще уже больше нет?.. Чушь! Чтобы за несколько часов... Наверное, это ло-
кальное явление. Но я невольно содрогнулся.
А что, если действительно на земном шаре
исчезнет вся бумага?! И надо же как раз тог-
да, когда я отщелкал чуть ли не целую пленку
сенсационных снимков... Значит, их нельзя бу-
дет опубликовать. Да что там опубликовать —
отпечатать не удастся: ведь фотобумага тоже
исчезнет...

Когда мы подъехали к редакции, я помчался
в будку вахтера.

— Старина, одолжи-ка мне денег. Всего ты-
сячу иен. Я сразу тебе верну! — с трудом пере-
водя дух, проговорил я.

— Смеётесь, что ли? — ответил вахтер. —
Денег-то нет, все бумажные деньги исчезли,
все до единой бумажки!

— Значит, все-таки... — я почувствовал, что
бледнею. — Ну, давай тогда серебро, медяки...

— Шутите! — вахтер посмотрел на меня в
упор воспаленными глазами. — Металлические
деньги теперь единственная ценность. Только
и остались монеты в десять и сто иен...

Я досадливо крякнул и отдал шоферу, стоявшему
у меня за спиной, свои часы.

— Когда расплачусь, вернете часы, — пре-
дупредил я. — Они у меня хорошие, с календа-
рем.

— Поднимитесь в редакцию, — сказал мне
вдогонку вахтер, — посмотрите, что там творит-
ся. Настоящий конец света. Что-то дальше
будет?..

Когда я вошел, моим глазам открылось ужа-
сающее зрелище.

Одни метались по комнате, как звери, попавшие в клетку, и издавали нечленораздельные звуки, другие толпились по углам, размахивали руками и, выкатывая налитые кровью глаза, ожесточенно спорили. Телефоны захлебывались. Кто-то орал в трубку и строил такие рожи, словно хотел укусить человека на другом конце провода. Кто-то всхлипывал, кто-то икал, кто-то заливался идиотским смехом. Некоторые сидели на стульях, бессмысленно уставившись в пространство. Сумасшедший дом! Содом и Гоморра!

Да, рехнулись наши сотруднички! Оно и понятно. Ведь для газетчиков вся жизнь в бумаге. Мы оживляем мертвые белые листы, и они начинают говорить. С утра до ночи мы утопаем в бумаге, и вдруг, словно по мановению волшебной палочки, она исчезает.. Бесследно. Все, все исчезло — документы, рукописи, папки, словари, книги, верстки, подшивки. И бумажный хлам тоже — обрезки, забракованые статьи, валявшиеся на полу, не умещавшиеся в мусорных корзинах... Ничего нет. Только горстки пыли... На проволоке, протянутой под потолком, на электропроводах грустно висели зажимы; нечего им было больше держать, а еще недавно здесь сохли фотографии... Кто-то с остервенением швырял на пол пустые пластмассовые коробки, в которых раньше хранились рукописи.

Я стоял на пороге совершенно ошеломленный. Вдруг на меня налетел здоровенный, свирепого вида детина. Он споткнулся и больно стукнул меня.

— Гон-сан! — воскликнул я, хватая этого богатыря за руку.— Неужели все... бесследно?!

— Как видишь. Теперь — лапки кверху! — он дохнул на меня винным перегаром.— Пострадала, кажется, вся бумага — и та, что была в отделах, и запас тоже. Мы затребовали с фабрик, из аварийного фонда, но... не довезли... По дороге, в грузовиках, все превратилось в пыль.

— Но почему? — срывааясь на фальцет, зорал я.— Что же это делается, а? Сам черт не разберет!

— Откуда я знаю? — ответил Гон-сан и покачнулся.— Одно только мне известно: вся бумага превратилась в пыль, в пепел... Так что нам, газетчикам, крышка...

Тут он извлек здоровенную бутыль, которую до сих пор прятал за спиной, и хлебнул прямо из горлышка. Потом поднял бутыль над головой.

— Вот, смотри,— этикетка тоже исчезла. Ни черта не разберешь, что там внутри: сакэ высшего качества, или экстра, или вообще какая-нибудь дрянь...

И в наборном, и в печатном цехе, и в отделе отправки творилось нечто невообразимое. Совсем недавно люди здесь чувствовали себя, как на фронте, трудились до седьмого пота... А теперь все словно с цепи сорвались, того и гляди начнут потасовку.

Вернувшись в свой отдел, я тоже отхлебнул сакэ из какой-то бутылки и бессильно опустился на стул. Телефоны трезвонили без конца, но сотрудники не обращали на них внимания.

— Везде, везде...— бормотал один, словно в бреду.

— Как, по всей Японии? — спросил я.

— Да, по всей стране одновременно,— про-
бормотал он.— Точнее, в течение полутора ча-
сов, с трех двадцати ночи.

— А телеграммы из-за рубежа? — спросил
я.— Что говорят в иностранной редакции?

— Телетайп не работает. Пробовали на ко-
ротких волнах слушать... Кажется, во всем
мире...— он схватил телефонную трубку.— Да,
да! Что? Да, знаю. Что, что-о? — не дослу-
шав, он со всего маху швырнул трубку. Она
раскололась пополам.

— Объявлено осадное положение, форми-
руется отряд самообороны,— сказал он.— Нет,
подумать только, какое величайшее свинсто-
во — такое творится, а написать нельзя!

— Осадное положение?! Отряд самооборо-
ны?! Да зачем это? — изумился я.

— Ну, как зачем? Ведь ужас что творится.
Начинается бунт! Толпа напала на банк. Ты
только подумай, из банков исчезли все бумаж-
ные деньги. И банковые книги, и сберкнижки
тоже... Магазины не продают товаров, боятся...
Впрочем, все это объяснимо, было бы странно,
если бы при таких обстоятельствах сохраняли
спокойствие.

— А как же наше жалованье?

— Какое там еще жалованье! Тут не до это-
го, когда газета издохла. Тьфу ты, свинство!
Нет, подумать только, теперь вся слава перей-
дет к работникам радио и телевидения!

— Дай-ка закурить,— попросил я.

— Пожалуйста, если ты это можешь курить,
на здоровье! — он хохотнул и вытащил из кар-
мана табачное крошево, завернутое в серебря-
ную фольгу.— Предупреждаю, что рыскать по
табачным лавкам бесполезно: все трубы рас-
проданы... Одолжи-ка мне твой платок.

Я протянул ему свой носовой платок, и сотрудник исчез.

— Эй, кто-нибудь помнит телефон химической фирмы КК? — крикнул репортер экономической редакции, появляясь в дверях. — Я слышал, они там собирались выпускать пластмассовую бумагу. Теперь, поди, от радости до потолка прыгают. Ну, кто помнит их телефон?

— Не ори, и так тошно! Неужели у тебя не записаны номера телефонов? — нервно ответил один из сотрудников.

— Ха! Записаны! Конечно, были записаны номера. Да записная книжка-то исчезла!

— Ну, посмотри в телефонной книге.

— Поди ты... От телефонной книги осталась кучка пыли.

Он начал звонить в справочную, и, когда наконец соединили, ему ответили, что ничем помочь не могут: ведь они тоже смотрят по книгам, а книги-то исчезли.

Ну, да разве тут сразу сообразишь, что к че-му... Сотрудник экономической редакции решил сам отправиться туда и выскочил из комнаты.

— Ох, уж эта репортерская жилка! — вздохнул кто-то. — Ведь знает, что писать не на чем, а все-таки побежал.

Тип, который взял у меня платок, вернулся.

— Давай мой платок! — потребовал я.

— Тю-тю... — спокойно сказал он. — Туалетная бумага тоже ведь, того, исчезла... Соображаешь?

— Эй, ребята! На телевизоре изображение появилось! — крикнул кто-то, и все мы бросились к голубому экрану.

Почему-то до этого не работали ни радио, ни телевидение. Впрочем, естественно: ведь и у них все передачи записаны на бумаге, а бумаги-то больше нет. Значит, должно было пройти некоторое время, пока они там соберутся с мыслями. Даже радиосвязь прекратилась. Говорили, что в радиоаппаратуре тоже используется бумага, правда в очень незначительных количествах. Ну, например, изоляционный фибр, бумажный конденсатор. А теперь все это тоже исчезло и аппараты вышли из строя. Надо было чем-то срочно заменить бумажные детали. Но, когда заработал телевизор, оказалось, что он онемел. Пострадали фибровые изоляторы репродукторов. Растряянный диктор, то появляясь на экране, то исчезая, смешно размахивал руками и тыкал пальцем в классную доску. Ничего не поймешь. Довольно нелепая и смешная картина. Но было не до смеха. Постепенно выяснялось, что бедствие приняло огромные масштабы.

На заседании кабинета министров было *устно* объявлено чрезвычайное положение. И все из-за бумаги! Но ничего другого не оставалось — ситуация беспрецедентная! Затем правительство издало указ о бесплатном пользовании железнодорожным транспортом и распорядилось выбросить на рынок продукты первой необходимости. Государственные учреждения, финансовые органы и органы управления промышленностью находились в начальной стадии паралича. Диктор, призывавший народ к спокойствию, сам дрожал, как в лихорадке.

— Слушай! — ко мне подскочил главный редактор и потряс меня за плечо.— Лети в научно-исследовательский институт микроорганизмов. Кажется, там один ученый, мой знакомый,

установил причины этого явления. Сенсация, милый!

— А что вы будете делать с этой сенсацией?! Ведь газеты-то больше нет? Совсем нет, понимаете?

— Да к черту бумагу! Напишем на фанерном листе и вывесим на дверях редакции! — заорал он, стукнув себя кулаком в грудь. — Вот где живет истинный дух газетчика! А бумага... не помирать же из-за нее, понятно? Ладно, нечего болтаться без дела. Сходи в институт, да поживей поворачивайся!

Я помчался вниз по лестнице. У выхода меня поймал один наш обозреватель, молодой, породящий большие надежды писатель.

— Послушайте, что будет, с моим гонораром и с моими рукописями, которые я недавно передал в редакцию вашей газеты? — сказал он. — Ведь я зарабатываю на жизнь писанием. Что же мне теперь делать?

Он был очень бледен.

— Даже и не знаю, что вам посоветовать... Ах, да! Научитесь петь!

Я отмахнулся от него и выскочил на улицу.

Итак, в институт микроорганизмов! Я опустил стекло машины и стал наблюдать, что творится на улицах. Да, картина не очень утешительная. Люди совсем потеряли голову. Одни бродили как неприкаянные, другие, сжимая кулаки, готовы были ринуться в драку.

Служащие, прия на работу, не знали, за что приняться. В бюро и конторах не осталось и следа документов. Правда, можно было опоздать или вообще прогулять: ведь табели

и карточки табельных часов тоже бесследно исчезли. Часть промышленных предприятий, кажется, еще работала. Но на фабриках и заводах, перешедших на систему нарядов, царила полная неразбериха. Зато улицы выглядели чистенько и приятно: ни плакатов, ни объявлений, ни бумажного мусора.

Я смотрел то в окно, то на экран микротелевизора, установленного на спинке переднего сиденья. Сейчас, когда пострадали все продюкторы, единственным средством вещания стал немой телевизор. Я читал фразы, написанные мелом на классной доске. Судя по этим сведениям, обрушившееся на нас бедствие принимало все более грандиозные размеры.

Во-первых, пропали все банкноты. Опустели банки, сейфы, кошельки. Несколько десятков тысяч триллионов превратились в прах. А много ли у нас звонкой монеты — кот наплакал. Нетрудно догадаться, что на финансовом фронте назревала невиданная до сих пор катастрофа. Кроме того, исчезли все ценные бумаги, все акции. Что творится на бирже? Как жевести деловые операции?! Как урегулировать вопрос владения предприятиями?! Как установить, кому принадлежат акции, продающиеся на биржах и переходящие из рук в руки?! А банки-то, банки... Ведь наверняка возникнут конфликты между администрацией и вкладчиками. Невозможно восстановить по памяти суммы отдельных вкладов, а верить на слово тоже нельзя. Можно было бы успокоить вкладчиков, выдав им какую-то часть их сбережений наличными, но бумаги не было.

— Да, пожалуй, теперь не позавидуешь богачам,— сказал шофер.— Ну, мне-то наплевать, какие у меня деньги!

Передали глупое сообщение, что известный фальшивомонетчик, за которым долго и безуспешно охотилась полиция, покончил жизнь самоубийством. Он написал на фанере, что существование стало для него бессмысленным. Врут, наверно, самая обыкновенная утка, и все.

Вторым серьезным ударом было полное исчезновение почты. Растиали все письма, телеграммы, денежные переводы. Но, как ни странно, почтовое ведомство ликовало. Подумаешь, пропали письма! Зато официальное обещание покончить с задержкой почтовых перевозок было выполнено на два года раньше.

Государственные учреждения и многие фирмы бездействовали. Чиновники переживали настоящую трагедию: заявления, прошения, предписания, ведомости, циркуляры, памятки, приказы, счета, накладные больше не существуют. Не на чем писать резолюции и ставить свои подписи. Прости-прощай, милый сердцу бюрократизм! Среди государственных служащих началось массовое помешательство. Многие бросались из окна, правда больше все с первого этажа.

Более серьезным было положение в судебных органах и нотариальных конторах. Уже возникли споры о самых различных документах на недвижимость. Сразу нашлись сотни ловкачей, заявивших права на чужую собственность. Наиболее наглые и предприимчивые вторгались в чужие особняки, пытались вышвырнуть на улицу законных владельцев и грозили им судом. Но что сейчас мог сделать суд? Тюрьмы бушевали. Закоренелые преступники, приговоренные к многолетнему заключению, прикидывались невинными овечками и требовали пересмотра дела.

Таким же безотрадным было положение на всех предприятиях, где незадолго до этого про-исшествия начались забастовки. Лишившись протоколов собраний, зафиксированных на бумаге требований и деклараций, а также анонимок и доносов, люди уже не могли разобраться, что к чему.

Но самый тяжкий, самый сокрушительный удар обрушился на учебные заведения, научно-исследовательские институты и издательства.

О фирмах, производивших бумагу, не стоит и говорить. Они агонизировали. Правда, среди их руководства находились такие идиоты, которые радовались, что цены на бумагу подскочат. Потом выяснились истинные размеры бедствия: процесс производства бумаги, начиная с первичной обработки сырья, стал химерой. Тут-то уж они окончательно скисли — вешайся, да и только!

А издательское дело! Ведь на прилавках и полках книжных магазинов не осталось ничего, абсолютно ничего! Ни одной книги, ни одного журнала, ни одной самой завалящей брошюрки! Я вспомнил пестрые разноцветные обложки, пахнущие свежей типографской краской страницы, и мне стало дурно... Впрочем, мы, газетчики, тоже умерли. Кое-как еще держались лишь редакции, оборудованные коротковолновыми приемниками.

И тут я подумал: что же будет с человечеством? Ведь вся наука, вся культура безвозвратно исчезли. Не только в Японии, но и во всем мире опустели библиотеки. Превратились в прах все многотомные издания, все письменные документы, астрономическое число словарей, справочников, научных работ, исследований...

Нет, я не могу этого вынести! Фу-ты, как кружится голова! К горлу подступила тошнота, я закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья.

Бумага!

Подумать только, на каком хрупком материале базировалась человеческая культура! Более четырех тысяч лет, с тех пор как изобрели папирус, люди доверяют свои знания, свои духовные достижения этим ничтожным листочкам, с поразительной легкостью поддающимся разрушению. На них запечатлевались самые дерзкие вспышки мысли, тончайшие движения души... И вот бумага исчезла. И человечеству не на что опереться, человеку нечем подтвердить, что он человек. Он снова голый и примитивный, пещерный житель, беспомощный перед устрашающими силами природы. Только сейчас я начал понимать, как велико значение крошечной газетной заметки и клочка простой оберточной бумаги...

...А немой телевизор продолжал работать. На экране популярный обозреватель тыкал указкой в черную доску, испанную неровными, неуклюжими буквами.

«Дорогие зрители, просим вас сохранять спокойствие! Причины этого необычного явления еще не установлены. Однако правительство срочно принимает все необходимые меры. Бумажные денежные знаки пропали, но работники министерства финансов, основываясь на памяти друг друга, подготавливают проект выпуска новых денег в звонкой монете... Вклады сохраняются и обеспечиваются в тех случаях, когда расхождения в сумме, указанной вкладчиками и названной банками, не превышают пяти процентов. Правительство пол-

ностью берет на себя обеспечение вкладов. Дорогие телезрители, помните, что на этот раз вам не остается ничего другого, как только поверить обещанию правительства...

...Дорогие зрители! Мы обращаемся к вам! Речь идет о восстановлении утраченной культуры. Напрягите вашу память. Она единственный источник знаний. Все, что вспомните, запишите на чем угодно — на стене, столе, на вашей рубашке, на спине соседа...»

В институте микроорганизмов меня уже поджидал ученый, приятель моего шефа. Я удивился, увидев, что он ни капельки не подавлен,— наоборот, весело улыбается и потирает руки. Радуется, дурак, что установил причину явления. Да что с них взять-то, с ученых! Они же все чокнутые.

— Мне ясно! — сказал он, идиотски хихикая. — Это шалости одного вида бактерий.

Ничего себе шалости! Ишь, ты, скалится, синий чулок! Так бы и дал по очкам!

А он уже тараторил дальше и тянул меня за рукав к микроскопу.

— Крайне интересная и крайне редкая бактерия. Она гостья у нас на Земле. Ее привезли с Марса, очевидно после полета первой ракеты. Да, молодой человек, преинтереснейший вид, преинтереснейший — *Bacilla Cilcis Majoris*.

— Но... если эта самая бацилла такая опасная, почему же сразу не приняли надлежащих мер?

— Да что вы! Она совершенно безвредная. На человеческий организм совсем не действует. На Земле тысячи подобных ей бактерий паразитируют на волокнах хлопчатобумажных тканей... Я думаю, она хорошо акклиматизирова-

лась в наших условиях и смешалась с земными видами.

— Но как же такая невинная крошка вызвала этот чудовищный скандал?

— А-а, моя бацилла здесь ни при чем! Это виноват искусственно выведенный вид.

— Что-о?! Искусственный?! — я поперхнулся. — То есть вы хотите сказать, что кто-то нарочно... вывел?..

— Вот именно. В наших условиях такой страшный вид не мог появиться сам по себе. Разумеется, это искусственно улучшенный образец. Так сказать, элита. Во-первых, такая бацилла размножается в двести раз быстрее, чем основной вид, — за одну десятую долю секунды. Во-вторых, такое деление происходит еще на стадии споры. Для этого бацилла избирает поверхность бумаги и, как только делится, тут же поедает бумагу. Очевидно, незадолго до сегодняшнего происшествия вся бумага земного шара уже была заражена спорами этой бациллы.

— И сегодня утром все споры превратились в бациллы и... и... — голос у меня дрожал. — Но кто же... Кому понадобилось выводить такой ужасный вид?

— Не знаю. Это уж ваше дело — установить мотивы. — И ученый опять припал к своему микроскопу. — Споры бациллы *Cilcis Majoris* хранятся в институте космической биологии. Все ученые, работающие над ее изучением, получают споры в этом институте. Так что можете проверить по картотеке, кому их выдавали.

Но, разумеется, никакой картотеки не было. Да что там картотека! Со стеклянных проби-

рок и ампул с культурами различных космических бактерий исчезли наклейки. Ученые были в ужасе. Невозможно предвидеть, что еще произойдет. Обливаясь слезами, они сжигали ценные космические микроорганизмы.

Я хватал за полы белых халатов всех подряд и спрашивал про *Cilcis Majoris*. Проводились ли у вас опыты с этой бациллой? Ответ гласил: нет, не проводились. А получал ли кто-нибудь посторонний споры *Cilcis*? Да, получали. Но кто — не знаем, не помним, и вообще не мешайте, не путайтесь под ногами, не лезьте со своими дурацкими вопросами, не то выльем на голову грибок венерианской сыпи. А уж он распространится по всему телу...

Но молоденькая секретарша из канцелярии оказалась более любезной. Ей удалось вспомнить, какие организации получали эти проклятые споры.

— Эта бактерия не представляет особого интереса, так что брали ее мало, — девушка немного подумала. — Ну, кто запрашивал? В основном лаборатории университетов. Я думаю, там строго соблюдались все правила...

Я быстро записал названия лабораторий на манже сорочки.

— Ах, да! — воскликнула она, когда я уже был на пороге. — Вот, еще вспомнила. Однажды брали в научно-исследовательскую лабораторию какой-то фирмы. Собственно, даже не в лабораторию, а для ученого, работавшего по соглашению с фирмой.

— Что-что? — я молниеносно обернулся, сердце у меня бешено застучало. — А фирма, фирма какая? Названия не помните?

— Какая-то большая химическая фирма. Кажется, называется КК или что-то в этом роде...

И тут словно молния пронзила мой мозг! Так и есть! Все сходится! Я бросился к телефону и прежде всего позвонил к нам в газету, в экономическую редакцию. Вызвал того репортера, который собирался посетить фирму КК. К счастью, он уже вернулся. По его словам, там, как и везде, творилось нечто невообразимое и посторонних не принимали. Я дал ему адрес Номуры и попросил немедленно лететь туда. А сам позвонил моему приятелю. Ведь человек, который вел исследовательские работы для фирмы КК, был не кто иной, как Номура!

— Это ты? — сказал он сонным голосом. — Что ты, с ума сошел, что ли, звонить в такую рань?! Ведь еще только десять часов...

— Неважно! Покрепче запри все двери и никого к себе не впускай, пока мы не приедем. Да, позвони еще в полицию и потребуй, чтобы у твоего дома поставили охрану.

— Что ты мелешь?

— Бацилла Сицис Majoris, вот что! Надеюсь, это тебе понятно?!. — Я услышал, как он глотает воздух. — Очень возможно, что люди, поручившие тебе эту работу, теперь попытаются заставить тебя замолчать навсегда. Они же боятся последствий. Потому что, если это выяснится...

Когда я примчался к Номуре, репортер экономической редакции уже ждал меня. Номура был очень бледен.

— А они и правда приходили,—сказал он.— Очевидно, хотели меня похитить... по поручению фирмы... Но подоспел полицейский патруль...

— Что ты наделал?!—я схватил его за грудки.—Какого черта тебе понадобилась эта мерзкая бактерия?!

— Произошел несчастный случай,—задыхаясь, пролепетал Номура.—Я совсем не собирался выводить это страшилище... Они просили вывести такую бактерию, которая бы чуть-чуть портила бумагу... И чтобы на нее не действовали обычные антибактериальные средства...

— А ты знал, зачем она им нужна?

— Н-нет... Я думал, для уничтожения бумажного мусора...

— Эх, вы, ученые! —вмешался репортер из экономической редакции.—Ничего-то вы не смыслите в жизни! Вам нет дела до практического применения ваших открытий. Хочешь, я тебе разъясню, зачем им понадобилась твоя бацилла? Все дело в пластмассовой бумаге. Компания КК совместно с одним крупным иностранным трестом разработала технологию производства этой бумаги и мечтала наводнить ею рынок. Но как они ни старались, себестоимость пластмассовой бумаги оставалась очень высокой по сравнению с обычновенной бумагой. Следовательно, и рыночная цена была бы значительно выше средней, да и качество ее не такое уж хорошее, если не учитывать водоупорности и антибактериальности. А они затратили массу денег, и к тому же сырьем для нее служат отходы химической промышленности. И КК в расчете на будущую прибыль от этой бумаги уже сейчас снизила цены на свою основную продукцию, которая наводняет все рынки. И, если их бумага не получит широкого сбыта, им снова придется поднять цены на химические товары. А это означает, что фирма

не выдержит конкуренции и лопнет. Понятно? — Репортер насмешливо посмотрел на Номуру. — Ученому что? Он получает свои дежушки, корпит над всякими там проблемами, а на остальное ему наплевать. Но нельзя забывать, что большой бизнес ни перед чем не останавливается. Вот хотя бы взять случай с патентом на люминесцентные лампы. Ведь тогда крупнейшая заграничная электрокомпания положила этот патент под сукно. Она выжидала, пока оккупится их недавно построенный электроламповый завод. Да и лампочки накаливания, которые сейчас в продаже, раньше горели тысячу триста часов, а в последнее время — вот к чему привел технический прогресс — горят всего тысячу часов. А почему? Да потому, что поднялся спрос на люминесцентные лампы, а эти почти не имеют сбыта...

— Понял, что ты наделал?! — я еще сильнее встряхнул Номуру. — Раскрой глаза пошире! Не то заставят работать над новым видом чумы или над ядовитыми газами... Ведь за океаном десятки тысяч ученых уже работают над новым оружием для полного истребления человечества...

— Да разве я знал? — Номура жалко хлопал глазами. — Разве я мог подумать, что получится такая стойкая, жизнеспособная бактерия? Я уже понял, в чем тут дело. Виновата лабораторная установка для очистки воздуха. Она плохо работала.

— Хочешь сказать, что ты ни при чем?

— Повторяю, я не собирался выводить такой страшный вид. Но в воздухоочистительной установке используются гамма-лучи кобальта-60, потому что это дешево.

— Ну и что?

— Да ведь на Марсе, где воздух очень разрежен, космическая радиация гораздо сильнее, чем на Земле. Следовательно, марсианские бактерии более устойчивы к облучению, чем земные. Вот этого мы и не учли. Значит, какой-то процент бактерий выжил и проник за пределы лаборатории... А может быть, облучение кобальтом-60 привело к мутации, появился новый, совершенно неизвестный вид, и... и...

— Как бы там ни было, а ты — главный виновник этой катастрофы! Это ты уничтожил культуру человечества! — крикнул я. — Что ты намерен делать? Конечно, потерянного не вернешь... Но дальше-то что? Как выходить из положения?

— Существует ли какой-нибудь способ для полного уничтожения этой бактерии? — спросил репортер. — Вероятно, в дальнейшем писать будут на металлических пластинках и синтетических пленках. Но лучше всего была бы, конечно, бумага. Ведь недаром же человечество пользовалось ею в течение четырех тысяч лет и достигло таких вершин! Подумать только, какая огромная потеря для будущего, если навсегда исчезнет этот легкий, удобный и такой дешевый материал! Ох, как бы мне хотелось еще раз вдохнуть запах свежеотпечатанной газеты...

— Полное уничтожение *Cilcis* невозможно, — заикаясь, сказал Номура. — Даже чумные бактерии существуют в различных углах земного шара, за пределами лабораторий. А эта бактерия чудовищно устойчива, и не так просто ее уничтожить...

— Значит, ничего нельзя сделать?

— Да нет, пожалуй, я что-нибудь приду-

маю. Ведь ни один ученый в мире не знает эту бактерию так хорошо, как я. Может быть, мне удастся создать бумагу, способную противостоять бацилле *Cilcis*. Чтобы искупить свою вину, я сейчас же примусь за работу.

— Немедленно приступай! — я подтолкнул Номуру. — Если не добьешься успеха, мы выдадим тебя толпе. Так и знай! Ох, с каким удовольствием я' бы спел тебе песню «Дерево висельника»! Милая песенка, не правда ли?

— Дай мне сначала выпить, — заискивающим тоном попросил Номура.

— Еще чего! — отозвался я, окинув взглядом внушительный ряд бутылок. — Еще чего! Ты наказан. Обойдешься без «черного Джонни». Работай, детка, работай, а мы выпьем за твоё здоровье.

Вдруг на пороге появилась Маяко. Ее тусклый взгляд блуждал в пространстве.

— Избавишься от одной беды, накличешь другую! — изрекла она пророческим голосом.

Мне страстно захотелось дать под зад коленкой этой паршивой, тощей девчонке.

Ну, вот... Вы прочитали до этой страницы? Пока вы читали, книга не развалилась, не рассыпалась прахом? Что ж, очень хорошо, если вы добрались до этого места! Хорошо и для меня, и для ВАС. Думаю, вы догадались, что Номура добился некоторого успеха. Он сам делал бумагу. Сначала пропитывал бумажную массу каким-то раствором, способным защитить ее от свирепого нападения *Cilcis Majoris*. Первое время бедная бумага выдерживала всего два часа. Потом ее жизнь увеличилась

до шести часов. Ох, и потрудился же Номура! Надо отдать ему справедливость — терпение у него адское. И вот наконец он растянул этот срок до ста часов, потом до трехсот. Но еще не известно, удастся ли вернуть бумаге ее бытую долговечность.

Ох, как я разволновался, когда снова взял в руки чистые белые листы! Я прямо весь дрожал. Хочу писать! Ну, еще бы, я ведь газетчик. А о чем писать — это же само собой разумеется. О самой грандиозной сенсации — обо всей этой истории!

И вот я написал. То, что вы сейчас читаете. И только кончил, как тут же меня охватило бешеное желание напечатать написанное. Вместе с моим товарищем репортером мы отпечатали эту брошюру на старомодном, покрытом пылью линотипе в ближайшей типографии. Я вижу, вижу, как вы, мой дорогой читатель, дрожа от волнения и восторга, принююетесь к краске, впитываете каждую строчку, чуть не облизываете страницы. Еще бы, ведь все мы, современные люди, отправлены печатным словом, мы жаждем его, как какой-нибудь наркоман — щепоточку опиума. Держу пари, что моя брошюра — первая книга, которую вы держите в руках за последние три месяца. Уж если она дошла до вас, миновав все стадии от написания до доставки в книжные магазины, значит, антибактериальное средство Номуры обрело практическую ценность. Будьте спокойны! Скоро опять наступит эра бумажного потопа. А сейчас мы в газете готовим материалы для предания суду большого бизнеса.

Ну, вот. Теперь я подошел к самому главному. К тому, о чем обещал сказать в начале

моего повествования. Внимание, дорогие читатели! Средство, которым пропитана бумага, видоизменило *Cilcis Majoris*. Эта бактерия стала безвредной для бумаги, но... передаваясь через прикосновение, поражает волосы... Волосы человека! Говоря начистоту, и я, и Номура, и Маяко абсолютно лысые. Ну, ей-то так и надо. Пусть не предсказывает всякие гадости! А вот вас мне жаль. Так что, как только прочтаете мой рассказик, немедленно продезинфицируйте руки. Хотя, если во время чтения вы почесывали голову, тогда уже поздно.

Но что значат волосы по сравнению с культурой человечества?!

Вы что предпочитаете?
Бумагу или волосы?..

Рю Мицусе

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЕВ

Девять мужчин покинули Землю, а вернулись только восемь. У погибшего была жена. Она никак не могла понять, почему он не вернулся.

Погода была ясной и безоблачной. А потом небо вдруг затянулось бледно-желтыми тучами. На их фоне вырисовывался космический корабль, устремивший свой заостренный нос в небо.

Вдали, на крыше главного диспетчерского пункта, высился ажурный радар, похожий на диковинную иноземную пагоду.

Сначала вокруг него, как муравьи в растревоженном муравейнике, сновали тысячи людей. Потом они разошлись и к кораблю со всех сторон устремились автокары. Они подкрадывались не спеша, словно стая голодных гиен.

Я стоял на железной бочке. Мимо нее к выходу катились последние волны толпы. Все были возбуждены. Щеки и лбы пылали. Звенели взволнованные голоса. Говорили вновь и вновь об успехе экспедиции, о тяжком труде, о муках, которыми пришлось оплатить этот успех.

— Какие молодцы!

— Потрясающие! Человечество завоевало еще одну неизведанную область Вселенной!

— А уж как им досталось!

Все говорившие так или иначе выражали эту мысль. Что ж, они правы. Я-то все знал. Знал, что никакие похвалы не вознаградят этих ребят за страдания и лишения, которые им пришлось перенести.

Наверно, уже сегодня вечером министерство космологии опубликует захватывающие дух снимки — пейзажи далекой планеты. Телевизионные волны распространят их повсюду. А потом пройдут еще дня три-четыре, и на нежно-зеленом газоне, раскинувшемся за воротами космопорта, появятся девять бронзовых статуй. Чтобы мы никогда не забыли. Чтобы все помнили о девяти членах третьей экспедиции на Плутон и ее главе — Хино. Иначе как же вознаградить героев?

С высокой бочки я еще раз оглядел громаду космического корабля. Вероятно, в этот момент я сам походил на статую, водруженную на пьедестал. Особенно если вот так поднять руку...

— Эй, кто там взобрался на бочку! Немедленно сойдите!

Пришлось слезть. Я поплелся к выходу. И только тут ко мне снова вернулась саднящая боль. Словно от ожога. Перед моими глазами стоял Машу, который не вернулся.

Полтора года назад, когда они вылетели с этого космодрома, их было девять. А сегодня вернулись только восемь. Машу не вернулся. О его гибели мы узнали шесть месяцев назад. Но я не верил. Не мог поверить, пока собственными глазами не увидел, что из люка корабля вышли только восемь человек.

Так уж всегда бывает. Тех, кто дерзнул проникнуть в космос, кто бросил вызов неизвестному небесному телу, на каждом шагу подстерегает смерть. Она таится где-то в пустоте бесконечности, а потом хватает смельчака. И тогда — все. Не знаю, как она выглядит. Наверно, не так, как на нашей планете. Но не все

ли равно. Как правило, останки погибшего не привозят на Землю.

Я хотел бы встретить хоть душу Машу. Но его душа не вышла из люка. И ничего от него не осталось, только сверток с вещами в руках одного из членов экспедиции. Машу не вернулся, вернулись только восемь. Вон они стоят на летном поле, покрытом мелкими осколками сухого льда. На электробанденионе исполняют торжественный гимн «Возвращение героев», специально написанный знаменитым композитором. Под высоким-высоким небом медленно шествуют восемь мужчин. У одного в руках сверток с вещами Машу. Восемь далеких фигурок на ослепительно сияющем летнем поле...

Они прошли через толпу, через музыку, через восторженные крики и скрылись в здании космопорта.

Я не последовал за ними. Ведь Машу среди них не было. А его вещи... какое мне до них дело.

...Мы с Машу учились на одном курсе в Инженерно-технологическом институте космических кораблей. Четыре года подряд сидели рядом на лекциях. Я с ним отлично ладил, с этим огромным шоколадно-смуглым детиной. Машу приехал с другого континента. Тамошнее правительство здорово его обеспечило — стипендия да к тому же талоны на карманные расходы. А кроме того, он еще получал посылки — разные вещи, которые нельзя было достать на Сахалине, где находился наш институт. Кто-то, а уж Машу-то умел получить все, что захочет.

Мы всегда сидели на лекциях вместе, но я

не мог угнаться за Машу в учебе. По окончании института его тут же зачислили в штат инженеров — специалистов по космическим кораблям при Союзном космическом министерстве. А я устроился на должность космонавигатора в местную организацию по развитию Марса. И то с грехом пополам. Куда мне было тягаться с Машу. Он учился, а я был баклушки. В этом все дело. Потом мы встречались в космопортах Южной Родезии и Киргизии. И все так же дружили. Грубовато, по-мужски. Но за этим скрывалась настоящая теплота.

За воротами широко, как море, раскинулся зеленый газон. Справа, у автобусной остановки, еще стояли группы встречающих. К выходу поспешно шагали служащие и посетители.

— Рю!

Голос догнал меня. Коснувшись моего слуха, он улетел вперед и растворился во влажной зелени травы.

— Я ждала вас.

Только тогда я обернулся. Кажется, я понял, каково зверю, которому некуда бежать: над головой неправдоподобно широкое небо — и больше ничего. Ее лицо. Думалось, я навсегда позабыл его. Но сейчас оно приближалось.

— Как давно мы не виделись, Рю! Если не ошибаюсь, последний раз это было в Самаринде...

Мое сердце не могло противиться. До него еще доносился этот голос легкий, как шелест ветра в траве.

Как она смеет! К горлу вдруг подкатил комок. Я медленно, с большим трудом, проглотил его.

...Пылеуборочные машины, на поле! Пылеуборочные машины, на поле!..

Вдали говорил репродуктор. Между зданиями промелькнули оранжевые пылеуборочные машины.

— Не повезло Машу...

Я сказал эту чудовищную глупость или что-то в таком роде. Не умею я утешать, да и никто в мире не умеет. Ну, что скажешь, когда человек умер...

Я выдохнул весь накопившийся в легких воздух, и постепенно глаза мои начали вновь различать окружающее.

...Девятая электрогенераторная машина, свяжитесь с главным диспетчерским пунктом!
Девятая электрогенераторная машина, свяжитесь с главным диспетчерским пунктом!..

Ну, конечно! Ведь она — жена Машу. Я выдавил улыбку и поклонился.

— Амнэ, вашему мужу было бы приятно, что вы пришли на космодром!

Еще одна идиотская фраза, но ее я выпалил без запинки.

Амнэ бессильно опустила голову. В ее волосах вспыхнула темно-зеленая капля — драгоценный камень. Я отвел глаза. Старался не думать, но мозг не повиновался.

Этот зеленый цвет был цветом гор и моря Самаринды. Тогда, на Борнео, в красивом городе Самаринде, Машу купил эту вещь. Если бы я знал, чью прическу украсит эта дорогая безделушка!

А я-то думал, что подобные истории случаются только с другими. Но однажды Машу и Амнэ появились передо мной вместе. Очень тихие, они стояли рядышком.

После этого в течение трех лет мое начальст-

во считало меня примерным работником и давало мне важные задания. Еще бы, я стал одноким! И все эти три года я проторчал на Марсе. Ни разу не побывал на Земле.

— Рю, мне надо с вами поговорить.

Ее глаза — глаза утопающего, который хватается за соломинку. Во мне что-то дрогнуло.

— Поговорить? О чем?

На щоссе показалась колонна тяжелых грузовых транспортеров. Они шли в нашу сторону.

— Мне необходимо с кем-нибудь посоветоваться. А у меня никого нет, ни одного близкого человека.

Между серпами ее бровей — глубокая тень усталости.

Гм, никого нет... Что ж, очевидно, так, но мне-то что...

— Я вас слушаю.

Колонна транспортеров приближалась. На крыше головного сверкнул красный свет. В уши ударили пронзительный вой сирены. Я схватил Амнэ за плечи, и мы отступили на обочину дороги. Красный свет ослепил нас. Транспортеры, тяжелые и огромные, как горы, медленно въезжали в ворота космопорта. Амнэ тихонько высвободилась. Мои ладони вспомнили мягкую упругость и тепло ее тела. Перед глазами запрыгали белые цифры номера транспортера, замыкавшего колонну.

— Вы хотели поговорить, — напомнил я ей.

Скорее бы покончить с этим, не то мое сердце станет совсем беспомощным, жалким обрывком ткани.

— Рю, он в самом деле погиб от несчастного случая? Никак не могу в это поверить.

Последние слова я едва рассышал. Ну, вот,

начинается, подумал я и даже языком приспелкнул от досады.

— Я вас понимаю. В это трудно поверить. Близким всегда кажется, что человек не может умереть. Что он жив. Где-нибудь на другой планете.

Амнэ едва заметно покачала головой. Краешки ее губ были скорбно опущены.

— Да, да, все это мне уже говорили. Многие говорили. Но у меня другое. Конечно, я понимаю, семьи погибших всегда так думают. Но все это не то, не то... Я не об этом хотела сказать... Рю, но ведь так не бывает. Не бывает, чтобы в космосе погиб только один человек. Один из целой экспедиции. Ведь, если катастрофа, гибнут все. А уж если возвращаются, то все возвращаются. Сейчас все вернулись, все, кроме него. Как же могло случиться, что погиб он один? Вот этого я не понимаю.

Я не знал, что ей сказать. Глупый вопрос. Я-то откуда знаю.

— Видите ли... ну, просто так принято считать. Что если гибнет, то вся экспедиция. А на самом деле разве можно предвидеть случайности? Сколько угодно бывает, что несчастье подстерегает одного из тысячи, хоть они и отправились все вместе

— И об этом мне говорили. Но ведь в экспедиции-то было всего девять человек. И каждый страховал и контролировал другого. Как же он оказался вне контроля?

— Но...

— А если он один попал в какую-то аварию, тогда все остальные, не сумевшие помочь, виноваты. Они все равно что убийцы!

В певучем голосе Амнэ звучала такая ненависть, что просто невыносимо было на нее смотреть.

реть. Ненависть женщины, у которой отняли мужа. Я просто видел, как эта ненависть стала самостоятельным существом и иссиня-черной тенью поднялась над хрупким телом Амнэ, над нежной зеленью газона.

— Вы так считаете? Ну и что же?

Я неуклюже пытался сопротивляться тому, что излучала Амнэ. Я не был уверен, что долго смогу делать это.

— Рю, я хочу, чтобы вы установили причины его смерти, — очень спокойно сказала она.

Мне показалось, что протекли тысячи лет, пока ее слова дошли до моего сознания.

— Я? Установить причины?..

— Да! — Она упрямо, как девочка, кивнула.

Амнэ была очень далеко от меня, где-то совсем в другом мире.

Сейчас она выбрала меня. Почему бы и нет? Я был жив и был здесь, и я должен был установить причины его смерти. Она не подумала, что я-то уже давно умер. Кто же из нас более везучий, он или я?

— Я должна знать, как он умер. Я всегда считала, что его смерть будет и моей смертью. Наверно, в этом есть что-то ребяческое. Но я и сейчас так думаю.

Ну, это уж меня совершенно не касалось. Значит, ей еще мало. Оказывается, она отвела мне место в своих планах.

Наверно, у меня было страшное лицо.

— Нехорошо, что я прошу об этом тебя, да? Так уж получилось. Прости.

Амнэ подняла голову и вдруг улыбнулась. Той самой улыбкой, которая была одним из самых мучительных моих воспоминаний. По-

том Амнэ отошла от меня. Отошла удивительно тихо и смиренно.

— Подожди! Я же не отказываюсь. Я только думаю, как это сделать. Это будет очень трудно.

Я сказал не думая. Но, наверно, если бы и обдумал свой ответ заранее, сказал бы то же самое.

— Спасибо. Ты согласен. Я рада.

Больше не могло быть никаких разговоров между нами.

Мои глаза сфотографировали темно-коричневую юбку и бледно-кремовую блузку. Фигура Амнэ удалялась. Она двигалась в сторону главного диспетчерского пункта. Вдова пошла за вещами, оставшимися после умершего. Теперь она будет обнимать вещи, а не тело Машу. Это я подумал без всякого злорадства. Сейчас я был полон сочувствия.

Я почти побежал от ворот. Поражение. Полное поражение.

Около трех месяцев я был занят по горло и почти забыл о просьбе Амнэ. Мы разрабатывали новый проект спутников. Несколько флотилий под моей командой непрерывно курсировали между спутниками и Марсом. Наши корабли были устаревшей конструкции и по эксплуатационным качествам никуда не годились. Зато — полная надежность и безопасность. Я выполнял свои скучнейшие обязанности с точностью хорошо отрегулированного механизма. Флотилия тяжелых межпланетных извозчиков, битком набитых оборудованием, бочками с сырьем, продуктами питания, аквариумистилляторами и прочей ерундой, с примерным упрямством тащилась по первозданной звездной пустыне. В этом мире не допускалось

никаких движений человеческой души. Для души там просто не было места. Тихие и холодные, пронизанные бесконечным покоем дни.

Однажды, в тот день, когда над марсианским космопортом Восточные Каналы прошел хилый, реденький дождь, даже не дождь, а изморось, я услышал об Амнэ. Пустынные окрестности ожили, но им долго придется ждать следующего дождя, может быть целый месяц. Весть об Амнэ капелькой воды упала на сухую почву. Я узнал, что после смерти Машу ее перерегистрировали и включили в списки несемейных, одиноких космонавтов. Мы всегда быстро узнаем все новости друг о друге. Они растекаются, как вода. И сейчас эта весть — скучая капля с марсианского неба — дошла до нас. Пилоты обсудили ее, как и все, что связано с вопросами семьи, личной жизни. Их это постоянно волнует. Однако в моем присутствии они замолкли. Но я вспомнил свое обещание и подал заявление об отпуске. Служащий навигационного управления подошел к стене, где висели таблички с именами космонавтов, и молча перевернул табличку с моим именем.

Дождь все-таки сделал свое дело. Пустыня за окном посвежела, цвет ее стал гуще и тяжелее. Небо, обычно такое бледное, сейчас стало глубоким, темно-индиговым. Если смотреть на него долго, казалось, что оно засасывает.

Я летел на Землю. На рейсовом корабле было мало пассажиров. За всю дорогу я лишь раз открыл заслон иллюминатора. Марс, окруженный разреженной атмосферой, висел ком-

ком жирной, красноватой глины. Его края постепенно затягивались дымкой и наконец растворяли в звездном море. Где-то там остался город Восточных Каналов. Я не находил себе места, волновался, как ребенок, которого впервые взяли в космическое путешествие. Раньше мне и в голову не приходило, что может быть так неспокойно, когда вручаешь свою жизнь постороннему человеку — пилоту.

И все-таки я незаметно уснул. Видел какой-то сон, но, проснувшись, ничего не помнил. Наверно, возраст уже не тот, когда видят незабываемые сны.

Прибыв на Землю, я сразу отправился в космическое министерство. Молодой служащий Комитета планирования мучил меня полдня. Мне пришлось написать добрый десяток заявлений. Потом потребовали удостоверение личности, биографические данные — возраст, место работы, занимаемая должность, фамилия и адрес моего поручителя. Потом пришлось объяснить, для какой цели мне нужны материалы. Все эти сведения молодой служащий выбивал компостером на специальных бланках, входивших в специальную картотеку. Каждая процедура занимала не менее двадцати минут. Я просто бесился от нетерпения, а время тянулось и тянулось. Наконец мне вручили тоненькую, не больше тридцати страниц, брошюру — «Проект и отчет третьей экспедиции на Плутон».

Я пошел в зал напитков, находившийся в соседнем здании. Брошюрку взял с собой. Пробил у входа продовольственный талон и во-

шел. Зал был битком набит. За каждым столиком веселые компании — мужчины и женщины, работающие в министерстве. В дальнем углу я увидел свободное место. Правда, там сидела парочка. И он и она в форменных куртках с эмблемой — причудливые, стилизованные первые буквы названия Союзного космического министерства. Девушка прижалась щекой к щеке мужчины. Но мне не было до этого дела. Пожалуй, я даже нарочно сел за их столик. По залу, облезжая все препятствия, медленно двигалась автоколяска-раздатчик. Я нажал на кнопку и взял пакет с напитком Ж-13. По телу, уставшему от нудной и скучной работы, сразу разлилось приятное возбуждение. Я начал читать брошюру.

Третья экспедиция на Плутон! Исторический документ о славном третьем походе! Две предыдущие экспедиции были неудачными. Первая вернулась, не пролетев и половины пути, и совершила вынужденную посадку на Марсе. Подвели двигатели ионной ракеты нового образца. Вторая попытка была предпринята через шесть лет. Звездолет пропал без вести. В последний раз его сигналы принял радар космонавигационной станции на Юпитере. Комиссия по расследованию причин катастрофы установила, что авария произошла из-за неполадок в работе контрольных приборов термоядерного реактора. В дальнейшем это предположение подтвердилось: корабль космофизической лаборатории, проводивший исследования на трассе Марс — Юпитер, обнаружил дрейфующие куски титановой стали, по-видимому осколки бортов звездолета.

А вот третий поход оказался почти успеш-

ным. Почему «почти», можно понять, если полистать брошюру.

I. Тип корабля — транспортный, переоборудованный для длительных космических исследований. Вес 22 000 тонн.

II. Двигатель — фотонная ракета на мягких рубиновых мазерах типа BB-21.

Другими словами, это был звездолет новейшей конструкции. Принцип движения — световые волны, отталкивающиеся от пустоты. Пучок фотонов концентрировался, проходя через мазеры. Отражатель представлял собой особое зеркало, отбрасывающее поток концентрированных лучей в направлении, обратном движению корабля. Интересная конструкция.

Пойдем дальше.

III. Цель — мягкая посадка на Плутон и всестороннее изучение его физических условий.

IV. Порядок исследований.

Здесь были подробные графики работ. Я их пропустил, сейчас они меня не интересовали.

V. Состав экспедиции.

1. Начальник экспедиции и командир корабля Хино Хино (вице-директор Института космической физики, исследователь первого класса, специализация — небесные тела).

2. Первый штурман Содзи Данаэ (штурман класса А, инженер-специалист Союзного космического министерства).

3. Второй штурман Машу Саса (штурман класса А, инженер-специалист Союзного космического министерства).

4. Пилот Кому Луис (космонавигатор класса А, инженер-специалист Союзного космического министерства).

5. Геофизик Тангэ Тангэ (научный сотрудник)

ник Союзного института геофизики, специализация — исследование атмосферы).

6. Ответственный за фотосъемку, изучение космических излучений и радиоволны Гарри Таксен (научный сотрудник Союзного мадагаскарского заповедника).

7. Врач Сан Лин-хяо (сотрудник Второй городской больницы Восточных Каналов).

8. Ответственный за контрольные приборы двигателя Хаку Су-ки (работник Союзного пекинского завода космических кораблей).

9. Радист Сугимура (радист класса А, инженер-специалист Союзного космического министерства).

Да, здесь были собраны все лучшие специалисты по изучению космоса. Я знал, что это значит — «инженер класса А Союзного космического министерства». О таком звании можно только мечтать.

Средний возраст экспедиции был двадцать девять лет — сравнительно немного. Исключение составлял Хино Хино: ему исполнилось сорок пять. Не случайно для экспедиции подобрали высококвалифицированных специалистов примерно одного возраста. Собрать на одном корабле зеленую молодежь и стариков было бы ошибкой. Обязательно возникли бы конфликты между горячностью юности и уравновешенностью старости. А кроме того, у самых молодых не было еще знаний и опыта, необходимых для такой трудной экспедиции.

На Машу, второго штурмана, ложилась огромная ответственность. Он вместе с первым штурманом Данаэ и пилотом Комо отвечал за успешное осуществление экспедиции. В их руках была жизнь всего экипажа. Они должны были вести гигантский, тяжелый корабль точ-

но по курсу, не отклоняясь ни на одну долю градуса.

Все члены экспедиции, за исключением Сугимуры и Сан Лин-хяо, были женаты.

Я перевернул страницу.

VI. Траектория полета.

Это я знал и пропустил.

VII. Ход работы.

Тут меня заинтересовал один момент.

В электронно-счетных приборах для расчета траектории полета и курса корабля были обнаружены неожиданные неполадки, из-за которых оказалась невозможной мягкая посадка корабля. Экспедиция изменила первоначальный план: корабль вышел на орбиту над экватором Плутона на высоте 127,25 км и совершил семнадцать оборотов. Отсюда были проведены все возможные наблюдения и исследования физических условий планеты.

VIII. Результаты.

Это я тоже пропустил, сейчас меня интересовали не результаты.

IX. Человеческие потери — один человек, второй штурман Машу Саса.

На семнадцатом обороте вокруг орбиты корабль попал в поток космической пыли, в результате чего на отражателе фотонного двигателя образовалась маленькая вмятина. Максимальная скорость снизилась до 86,47% первоначальной. Машу вышел из корабля для исправления повреждения. Когда он произвоздил за бортом нужные работы, кислородный баллон его скафандра повредил электронный молот. Второй штурман умер от удушья. Помощь пришла слишком поздно. Другие члены экипажа закончили работу, начатую Машу. Скорость удалось повысить до 92,88%. Ко-

рабль покинул орбиту спутника Плутона и сумел лечь на обратный курс.

Сухой, немногословный отчет. Но я читал между строк. Маленькая брошюра говорила языком боли и пламени. Буквы жгли меня. Ох, и досталось ребятам! Они прошли по самой черточке, по грани между жизнью и смертью. Полтора года борьбы со смертью чего-нибудь да стоят. Никакая самая растрагическая трагедия, изложенная хватающими за душу словами в многотомном сочинении, не могла сравниться со скучными строками документа. Понятно это не многим: только людям, целиком отдавшим себя космосу. Только тем, кто ежеминутно рискует жизнью в вечном космическом мраке, забывая близких и любимых.

Я читал и перечитывал — и верил каждому слову, каждой цифре. Все это было мне известно по собственному опыту. Амнэ глубоко заблуждалась.

Я очень долго просидел неподвижно. Передо мной лежала брошюра. Зачем только я взял этот отпуск и вернулся на Землю? Амнэ с ее нелепой просьбой... И я, круглый идиот, согласился. Кто посмеет обвинить членов экспедиции в смерти Машу?

Мои соседи по столу поднялись. Обнявшись, они двинулись к выходу. Я смотрел на изящные линии бедер удалявшейся девушки, и внезапно меня кольнула остшая боль. Слова брошюры обрели иной смысл.

Около выхода стоял большой киоск. Под стеклом прилавка переливался ультрамарином полупрозрачный шарф. Я купил его, отдав де-

сять талонов, предназначенных для свободного потребления. Кажется, эти воздушные, мягкие шарфы были сейчас в моде у космонавтов Земли. Я обмотал шею, погляделся в зеркало. Продавец поправил на мне шарф. Он засунул его под воротник моей куртки, а сзади выпустил уголок. Очевидно, так полагалось носить эту штуку. Настроение у меня немного исправилось. Все-таки приятно чувствовать себя этаким стильным парнем. Зато в кармане осталось всего несколько талонов. Я вышел на улицу. Снова стало неуютно. Словно сердце прошло сквозняком.

Надо добиться свидания с начальником экспедиции Хино. Я позвонил в космическое министерство и спросил, где он сейчас находится. Мне ответили: болен, лежит в лечебном центре, на берегу Японского моря.

Я отправился туда. Добраться было нетрудно: к моим услугам — динороторная дорога местного сообщения. Стояла холодная погода, в разрывах снежных туч изредка проглядывало солнце. До самого горизонта тянулась темная, свинцовая гладь Японского моря. Среди песчаных холмов выселились здания из стекла и стали — лечебный центр. На его обширной территории почти не было видно людей.

Прямо с холода я попал в теплынь и тишину. На лбу выступил пот. Я подошел к окошечку администратора. Дежурная поговорила с кем-то по телефону и очень учиво отказалася мне. По-видимому, Хино был в тяжелом состоянии.

— Что с ним?

Девушка подняла голову. Черные бесстрастные глаза встретились с моими. Твердый взгляд способного и умного человека.

— Мы не даем сведений о состоянии здоровья больных, — отрезала она.

— Почему?

— У нас такие правила. О ходе болезни и состоянии больного мы сообщаем только тем, кому считаем нужным сообщить.

Странный ответ. Впрочем, может быть, так и надо. Хотя...

— Странные у вас правила.

— Знаете ли, у нас на излечении находятся люди, занимающие видные посты.

Мне стало неловко, но я задал еще один вопрос:

— Скажите хотя бы, когда заболел начальник экспедиции Хино?

Глаза девушки стали совсем холодными, и я поспешил добавил:

— Я специально ради него прилетел с Марса. Скажите! Ну, пожалуйста!

Очевидно, подействовала моя форма космического техника. Девушка чуть-чуть смягчилась. Она помедлила немного, потом достала журнал, полистала его.

— Он у нас с двадцать седьмого сентября.

— Что?! С того самого дня, как вернулась экспедиция?

Ответ на самый простой, не преследовавший никакой тайной цели вопрос вдруг вызвал у меня смутные подозрения.

— Значит... он заболел еще на корабле.

— Простите, больше я ничего не знаю.

Девушка явно насторожилась. Теперь уж от нее ничего не добьешься.

В 'брошюре ни одним словом не упоминалось, что Хино заболел. Какой же недуг обрушился на начальника экспедиции, что его пришлось госпитализировать немедленно по

возвращении на Землю? Или он заболел, как только корабль совершил посадку? Во всяком случае, об этом должны были написать в брошюре.

Я отошел от окошка администратора. Как человек, знакомый с космосом, я чувствовал, что здесь что-то не так.

Член экипажа космического корабля прямехонько с космодрома попадает в больницу, — значит, состояние его здоровья внушает серьезные опасения. Видимо, это нервное расстройство. Такие случаи бывали. Постоянное напряжение, ежеминутное ожидание смерти нередко наносили страшный удар по нервной системе, и человек навсегда выходил из строя. Даже в наши дни совершенная техника, в какой-то степени гарантирующая физическую безопасность, не может защитить душу от потрясения. Вот и случается, что тело продолжает жить, а разум умирает.

Может быть, и с Хино произошло то же самое. Ведь он беспокоился не только о себе — обо всем экипаже, о ценных данных, которые нужно было доставить на Землю. Вот и не выдержал. Печальное завершение экспедиции: с космодрома — в больницу у свинцового моря.

Об этом не написали в брошюре. Уважение и любовь к своему начальнику не позволили его подчиненным упоминать о таких вещах. У кого поднялась бы рука написать: «Начальник экспедиции в пути потерял рассудок»? Хотя в то же время подобное упоминание послужило бы важным и одновременно безжалостным предупреждением для всех последователей. Но члены экспедиции не сделали этого, отдав последнюю честь своему великому и несчастному старшему товарищу.

В моих ушах засвистел холодный, обжигающий ветер. Он дул с бескрайних просторов свинцового моря.

Я решил повидаться с первым штурманом Danaэ. Мне повезло: он находился в космопорте на севере Гренландии. Я воспользовался транспортно-грузовой ракетой, курсирующей над Северной Америкой, и прибыл в Нью-Онтарио, а там пересел на динамоплан.

Прибыв в гренландский космопорт, я тут же пошел в канцелярию. Солнце, отражавшееся от гладкой поверхности ледяного поля, резало глаза. Белое поле без единого темного пятнышка, без единой тени. Ослепительный свет. Впечатление угнетающее.

Начальник порта, пожилой седой мужчина, при моем приближении поднял голову. На его столе я увидел кучу каких-то пожелтевших бумаг. Словно они лежали здесь с незапамятных времен.

— Вы по какому вопросу?

— Я хочу повидать Danaэ.

Глаза мужчины смотрели в пространство.

— Danaэ. Так, так...

— Да, мне нужно с ним повидаться.

— А его уже нет.

— Как нет? Уехал?

— Да, и очень далеко.

— Далеко? На Сатурн? На Юпитер?

— Нет, гораздо дальше.

Я взбесился и перешел на высокие ноты:

— Да что вы мне голову морочите?! Куда уехал Danaэ?

— Какой у вас, однако, громкий голос...
Danaэ...

— Ну, что Danaэ?

— Он умер.

— Умер?!

— Да.

Начальник погрузился в море желтых бумаг.
Ему не было до меня дела. Но я не сдавался.

— Когда он умер?

Человек за столом чуть поднял голову.

— Да дней десять назад. Во время испытания ракетного двигателя взорвалось сопло, и...
Не повезло ему...

Больше он ни разу не взглянул на меня.

Я вышел на покрытое ледяной коркой поле.
Что ж, бывает и так. Жизнь, которую ты сумел сохранить в звездном полете, вдруг обрывается на Земле. Во время самого обычного опыта. Верно, судьба. Уж лучше умереть так, чтобы товарищи привезли твои вещи на Землю. Конечно, если считать, что в вопросе смерти тоже бывает везение или невезение.

Я поднял воротник электротермической шубы, взятой напрокат в космопорте Нью-Онтарио, и зашагал к динамоплану.

Через три дня мне удалось попасть на грузовой транспорт, отправлявшийся на базу «Луна». Обычно в таких случаях мне помогало то, что я был служащим организации по развитию Марса и космическим техником. Так сказать, профессиональная солидарность. На корабле меня встретили шуточками, как человека, наконец-то решившего вернуться к своим пенатам и неожиданно в спешке перепутавшего направление.

База «Луна» находилась на южных склонах горной гряды Сьерра, на самом краешке тоскливой равнины, ограниченной с юга и востока гигантскими трещинами. На севере —

острая, серебрящаяся до боли в глазах пила Сьерры. Обычный лунный пейзаж, лишенный атмосферы: слепящие пятна света — и рядом вечная чернота. В пустоте нестерпимо красное, как расплавленная медь, солнце, огромное на фоне немигающих звезд.

Надев скафандр с большим прозрачным шлемом, я встал на эскалатор и спустился вниз, в лунные недра. База была там. Пройдя несколько воздушных люков, я очутился в отсеке с надписью «Космослужба». База «Луна» была не городом, а обыкновенной базой по использованию природных ресурсов планеты. Впрочем, это явствовало из названия. Условия жизни на Луне куда хуже, чем на Марсе или Венере. Вот здесь и не строили городов.

Эта база была выдолблена в метаморфических горных породах южного склона Сьерры. Она уходила этажей на пять вглубь.

Я огляделся. Тесновато. Все помещения битком набиты какими-то ящиками и контейнерами. По потолку тянулись металлические трубы и бесчисленные провода, к бетонным стенам лепились коробки с регуляторами атмосферного давления. По стальным рельсам двигались подъемные краны. Словом, негде было ступить. Все подчинено одной цели — освоению богатств природы.

Мне сказали, что Кому находится на третьем этаже, в астрографическом кабинете. Этажи здесь считали от поверхности вглубь. Я спустился туда на лифте прямого сообщения. В огромном, словно корабельный док, зале, под яркими лампами дневного света работали десятки навигационных счетных машин. Я пошел к одному из пультов управления.

— Где найти пилота Кому?

Человек со значком службы навигации на рабочей блузке кивнул в сторону соседней площадки. Там несколько сотрудников возились с авторегистрирующим прибором. Темно-желтая форма пилота Союзного министерства ярким пятном выделялась среди серо-голубых комбинезонов персонала базы. Вот он — Кому. Крупный мужчина с могучими, крутыми плечами.

— Вы пилот Кому?

Мужчина удивленно взглянул на меня. Потом оставил свою работу и подошел.

— Да, я Кому. В чем дело?

— Я друг Машу, входившего в состав третьей экспедиции на Плутон. Меня зовут...

— Неважно, как вас там зовут. В чем дело?

Тускловатые, словно затянутые дымкой глаза внимательно смотрели на меня.

— Я хочу знать подробности смерти Машу.

— Подробности смерти Машу?

— Вот именно.

— Что, собственно, вас интересует?

— Я читал ваш отчет. Там написано, что корабль попал в поток космической пыли, на отражателе образовалась вмятина. Машу вышел наружу, чтобы исправить повреждение, во время работы кислородный баллон его скафандра был поврежден электронным молотом, и Машу моментально умер от удушья.

— Правильно, так оно и было,— кивнул Кому, щелкая зажимом логарифмической линейки.

— Но как могло случиться, что электронный молот ударил по кислородному баллону? Ведь баллон укреплен за спиной.

Кому глубоко засунул руки в карманы брюк, втянул голову в плечи и замигал.

— Как могло случиться... — он запнулся. — Точно не знаю, я ведь не видел. Кажется, пока Машу работал электронным молотом, взорвался его термоизлучатель. Ну, вот, осколок и шарахнул по кислородному баллону...

— Да. Но ведь электронный молот очень важный инструмент. Как же никто из экипажа не проверил его термоизлучатель?

— Наверно, Машу забыл открыть клапан.

— Разве его не страховали другие? Ведь, если кто-нибудь ведет работу в космосе, вне корабля, полагается следить за ним по телевизору и срочно сигнализировать о малейшей опасности.

— Электронный молот был в исправности...

— Значит, надо было провести рентгеноанализ сплава, из которого сделан кислородный баллон.

Комо глянул на меня исподлобья.

— Ты что, собираешься подать на нас в суд?

— При чем здесь суд? Просто жена Машу попросила меня узнать подробности гибели мужа.

На лице Комо появилось сложное выражение. Кажется, он что-то решал для себя.

— Кстати, ты еще не сказал, как тебя зовут.

— Неважно, как там меня зовут.

— Послушай, тут ничего нельзя было поделать. Не думай, я не собираюсь уходить от ответственности, нет! Но ему ничем нельзя было помочь. Неужели ты не понимаешь? Против неизбежности не попрешь... — устало произнес Комо.

— К сожалению, я не признаю неизбежности.

— Это твое дело. Но ты же знаешь, что члены семей погибших часто подозревают тех, кто

выжил. И, если ты действительно друг Машу, лучше оставь в покое его кости.

Комо скривил губы, словно от боли.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Ничего. Только то, что сказал. Просто говорю, брось копаться в этом деле и задавать глупые вопросы. Ведь горю уже не поможешь.

— Ладно, так и запомню.

Комо ничего не ответил и, повернувшись ко мне спиной, собрался идти на свою площадку.

— Погоди, у меня к тебе еще один вопрос.

— Ну, что еще?

— Чем болен начальник экспедиции Хино?

Комо медленно повернулся ко мне.

— Этого я не знаю.

— Он заболел на корабле?

— Нет, что ты!

— Интересно... Получается, что Хино заболел, едва ступив на Землю... И прямиком попал в лечебный центр.

Комо молча смотрел на слепящие рассеиватели света.

— Скажи-ка, а этим он не страдал? — я покрутил пальцами возле лба.

Жест оскорбительный, но мне хотелось, чтобы этот медведь наконец вышел из себя. Чтобы в нем вспыхнула злоба. Иногда из такой вспышки можно выудить что-нибудь существенное. Но Комо только вздохнул.

— Не знаю. Я не виделся с ним с того самого дня, как мы приземлились.

Он был просто великолепен.

— Ладно, пока. Мы еще увидимся, и очень скоро, — сказал я холодно.

Немногое удалось узнать. И все же в словах Комо был один существенный момент: «Ты со-

бираешься подать на нас в суд?» Так он спросил. Подать в суд... А что выдвинуть в качестве обвинения? Значит, за что-то можно притянуть их к ответственности? Не уследили за работавшим вне корабля товарищем? Но страхование друг друга — дело добровольное. Ведь у каждого члена экипажа есть свои обязанности. Такими вопросами суд не занимается, это дело совести. Значит, он имел в виду что-то другое. У меня возникло такое ощущение, что туман вот-вот рассеется.

Я попытался привести в порядок свои мысли.

Семьи погибших испытывали смутное недоверие к оставшимся в живых членам экипажа. Я начинал понимать их чувства.

Я подумал, что обязательно надо повидаться с Сан Лин-хяо. Он медик, следовательно, больше других знает о причинах смерти Машу.

В медицинском секторе базы «Луна» мне сказали, что Сан Лин-хяо возглавляет медицинский отдел базы «Зеленый камень» на Венере. Рейсовый корабль на Венеру уйдет только через десять дней. Что ж, пока можно повидаться с Кваем, начальником здешней навигационной службы.

Я нашел его в тесном архивном отделе. Паршивое помещение. Похоже на мышиную нору. Квай, мой старший коллега по Инженерно-технологическому институту, копался в каких-то пыльных материалах. Я узнал его по спине. Заслышав мой голос, он оторвался от толстенной подшивки. Обернулся. Мне стало смешно: точь-в-точь как в былые годы, на его лице появилось выражение удивления — челюсть отвалилась, физиономия вытянулась.

— Кого я вижу! Никак это ты, Рю?!

— Он самый. Как вам здесь работается?

— Да работаю помаленьку. Каким это ветром занесло тебя в наши края?

— Да есть причины. Вот сейчас жду рейсового корабля на Венеру.

— На Венеру? — он свистнул. — Что тебе делать на Венере?

Мне захотелось рассказать ему обо всем. Интересный он человек, Квай. Со странностями.

— Мне надо с вами поговорить кое о чем.

— Знаю я твои разговоры! Небось опять женщина?

— Нет. На этот раз — нет.

— Удивляюсь! Да, кстати, как твоя жена, здорова? Хлебнул я с тобой горя, когда ты женился.

— В данный момент моя жена овдовела.

Его чёлость еще больше отвалилась. Потом все лицо сморщилось, словно он собирался заплакать.

— Ладно, выкладывай, что у тебя там.

Квай хлопнул меня по плечу и потащил в глубь мышиной норы. Глядя на его спину, я подумал, что он постарел. Он привел меня в комнату отдыха. Голые стальные стены. Те же провода и трубы. Стол из легкого металлического сплава, складные стулья. Он позвонил — велел принести напитки.

Я сел к столу.

— До вас — из неофициальных источников — не дошли слухи о третьей экспедиции на Плутон? — начал я.

— Третья экспедиция на Плутон?.. Ах, да, что-то припоминаю. Это где начальником был Хино...

— Да-да!

— А что, разве что-нибудь такое там было?

— Видите ли, один из членов экспедиции, Машу, погиб при неясных обстоятельствах. А сам Хино сейчас тяжело болен, лежит в лечебном центре. Я хотел выяснить обстоятельства смерти Машу. Поговорил тут с одним человеком, а он решил, что я хочу подать на них в суд.

— В суд? Весьма странно.

— Вот именно. Вы тоже так считаете?

— Ну-да... Может, они его съели?

Мне стало нехорошо, я замахал руками.

— Ну, что ты, я пошутил! — усмехнулся Квай. Потом лицо его помрачнело. — Ладно, шутки в сторону. Экспедиция на Плутон... По-моему, тебе нужно поговорить с корабельным врачом. Может быть, удастся что-нибудь выяснить.

— Думаете, он скажет?

— Ну, потрясешь его немного, так скажет.

— Но как?

— Как-как! Возьми за глотку или что-нибудь в этом роде...

— Такие штучки не для меня!

— Эх, ты, слабак! Тогда пригрози, что пойдешь в суд.

— Это можно.

— Да, язык у тебя всегда был хорошо подвешен, а вот драться ты не умел и, как видно, не научился.

Молодой рабочий принес пакеты с напитками.

— Ты бы до отъезда поработал тут. Помог бы мне, — сказал Квай.

— А что делать?

— Да мало ли что. У нас не хватает рабочих рук. Молодые, способные ребята предпочитают Марс, Венеру, Юпитер.

— Что ж, мне это, пожалуй, кстати. Я израсходовал все потребительские талоны.

— Вот и отлично. На, держи книжечку.

Целая книжечка! Это здорово! В ней сорок талонов. А я на Марсе получал двадцать талонов за тот же срок. Видно, здесь высоко ценили труд.

На следующий день я начал работать в мышиной норе. Надо было систематизировать и каталогизировать материалы исследования. Работа легкая, только уж больно скучная.

Так и прошли дня три. Однажды мое внимание привлек разговор двоих служащих.

— Ты не слышал, говорят, списали космический корабль третьей экспедиции, тот, что на Плутон летал.

— Да? А почему?

— Не знаю подробностей, но кажется, из-за инфекционного заболевания.

— Да ну?

— Точно. Иначе разве списали бы такой корабль...

Я не выдержал и вмешался в разговор:

— Говорите, списали? А куда же дели корабль?

Они охотно ответили:

— Как куда? Конечно, на космическую свалку. «Звездную пустыню» знаете? Ее еще называют кладбищем космических кораблей. Туда выбрасывают посудины, зараженные радиоактивностью, с которыми уже ничего нельзя поделать.

— Да, я что-то слышал.

— Корабль оттащили туда на ракете-тягаче и выкинули. Мне рассказывал водитель ракеты.

...Почему выбросили корабль? Почему? Почему? Вероятно, у меня было отчаянное лицо.

Ребята недоуменно замолчали. Заметив это, я постарался улыбнуться.

— Вот транжиры! Лучше бы уж уступили какому-нибудь частному лицу. Хотя бы мне.

Ребята тоже заулыбались. На этом наш разговор закончился. Но меня охватило подозрение. Как ни крути, а тут дело нечисто. Случилось что-то ужасное. Такое, что хочется скрыть от посторонних глаз.

Наконец я занял свое место на рейсовом корабле, отправлявшемся на Венеру. Это был новейший корабль весом двадцать тысяч тонн, с фотонным двигателем. Да, неплохие машины курсировали на больших магистралях. Чтобы стать членом экипажа такого корабля, надо быть специалистом класса А и служить в штате инженерно-технического персонала при Союзном космическом министерстве.

Места для пассажиров оборудованы — будь здоров. Я с удовольствием пощупал роскошное, как королевский трон, гравитационное кресло. Перед отлетом я купил в киоске флягу, из которой можно пить при любом изменении атмосферного давления, и особое космическое белье — мою давнишнюю мечту. Белье, разумеется, надел на себя, так что мой багаж составляла одна только фляга. Стюардесса с любопытством оглядела такого легкомысленного пассажира.

Рейсовый корабль под действием нестерпимо ярких лучей солнца бесшумно рассекал черную пустыню. Скорость — девяносто тысяч километров в секунду. В гравитационном кресле было очень удобно. Я проспал почти всю до-

рогу. Давненько мне не приходилось так крепко спать в космосе.

Корабль скользил, отбрасывая гигантскую треугольную тень на слоистые облака, образовавшиеся от чрезмерного нагрева воздуха. Мы уже проскочили орбиту спутника и шли на снижение. Внешняя оболочка корабля раскалилась до двух тысяч градусов, но внутри температура не колебалась ни секунды — 21° С. Что ни говори, хорошая посудина.

Восьмидесятикилометровый слой облаков кончился, мы продолжали снижаться. Теперь над головой разливалось матовое, молочно-белое сияние. Внизу смутно желтела грязноватая железистая равнина.

Это была Венера.

Я ступил на осколки метаморфических пород. Мое тело, закованное в броню антитермического костюма, двигалось легко. Впереди, в опаловом свете, словно между небом и землей, маячила призрачная, как мираж, база «Зеленый камень». Слабо поблескивал высокий купол из антитермического стекла.

Миновав защитные люки, я очутился внутри базы. После стодвадцатиградусной жары мне стало холодно. Тело покрылось гусиной кожей. Под гигантским куполом громоздились низкие, наполовину уходившие под грунт здания. Со стеклянного потолка непрерывно падал мелкий, как изморозь, сухой лед. Микроскопические кристаллы, коснувшись рук, плеч, шеи, мгновенно таяли, как дым.

Сан Лин-хяо был в медицинском корпусе. Я спустился туда на нескольких лифтах. Постучал в окошечко со светящейся надписью

«Администрация» и сказал, что мне нужно по-видаться с Сан Лин-хяо. Минут через пять в дверях появился высокий человек.

— Я Сан Лин-хяо.

— А я...

— Рю!

— Быстро узнали.

Лин-хяо выдавил улыбку. Ярко блеснули очень белые зубы на фоне коричневого, загорелого лица.

— Сообщили друзья с Земли. Кажется, вы что-то проверяете? — Лин-хяо смотрел сквозь меня.

— Да нет, просто я хотел узнать подробности смерти Машу...

— Прочтайте отчет третьей экспедиции.

— Из отчета ничего не узнаешь. Просто, знаете ли, не верится, что вдруг взорвался термоизлучатель электронного молота, осколок угодил в кислородный баллон, баллон лопнул, кислород вытек и... в результате Машу умер. Не верится, и все...

— Может быть, вы хотите сказать, что были другие причины его смерти?

— Нет, почему же, наверно, причина его смерти указана правильно. Но это не простая случайность, вот в чем дело. Как же получилось, что никто не проверил электронный молот? Это непростительная халатность.

— Ну, электронный молот меня не касается, в этой области я не специалист. Но Машу умер именно так, — угрюмо, словно убеждая самого себя, ответил Лин-хяо. Он зашагал вдоль стены. Я медленно последовал за ним.

— А чем болен начальник экспедиции?

Лин-хяо резко обернулся.

— Это не имеет отношения к смерти Машу.

— И все-таки, чем он болен?
— Не знаю. Кажется, его чем-то ранило.
— Хватит врать! Ведь его прямо с космодрома отправили в лечебный центр. А экспедицию распустили только через десять дней.

Лицо Лин-хяо исказила страшная ярость. Глаза запылали, как два черных огня.

— Ты! Какого черта ты к нам привязался? Идешь на поводу у родственников погибшего, а еще космический специалист! Неужели не понимаешь! Адский труд, лишения и муки всей экспедиции — этого тебе мало! Выискиваешь, к чему бы прицепиться? И ради чего? Ради того, что кому-то взбрело в голову невесть что! Ну, говори прямо, чего тебе надо от нас?

— Ничего особенного. Просто собираюсь подать на вас в суд.

— В суд?! — Лин-хяо широко раскрыл глаза и как-то весь обмяк.

— Да. Вы совершили убийство и, чтобы скрыть его, составили этот отчет, подтасовали факты.

Очевидно, что-то в моих словах задело Лин-хяо. Он надвинулся на меня.

— Рю, ты просто спятил! Я не допущу этого, слышишь! Да какое ты имеешь право...

Я рассмеялся. Рассмеялся тем отвратительным смехом, который всегда старался подавлять. Мне говорили, что, когда я так смеюсь, мое лицо делается похожим на морду ящера.

— Я это сделаю, Лин-хяо! Я могу это сделать, один я. А по какому праву, не собираюсь тебе объяснять.

Лин-хяо отвел глаза. Его яростный взгляд потухал, агонизировал.

Зазвучала тихая, простая мелодия. Она коснулась моего слуха и рассказала о дале-

ком-далеком чужом мире . Она обрывалась и ускользала, и я не мог понять, откуда она пришла. А потом понял: она звучала во мне...

...Я снова приехал в лечебный центр на берегу Японского моря. В прошлый раз между облаками иногда проглядывало бледное солнце. Сейчас его не было. Свинцовые волны секли мелкие колючие снежинки. Каблуки глубоко вдавливались в мокрый, тяжелый песок. Я вошел во внутренний двор. Все та же обширная, пустынная территория. Ни человека, ни тени. В коридоре тоже ни души. Широкие окна, стены из легких сплавов с серебристыми дверями. Я читал таблички: «Первый радиационный кабинет»... «Второй радиационный кабинет»... Они мне не были нужны. Я шел от двери, к двери. Бесчисленное количество дверей. На встречу мне беззвучно, как белый призрак, двигалась медсестра. Она прошла мимо, не подняв глаз, словно я был невидимкой. Странно. Почему она не задержала постороннего? Хотя я не чувствовал себя посторонним. Я знал, что мне нужно. За окнами валил снег. Невидимое отсюда море бушевало. Шум волн, белый холод снега леденили душу. «Кабинет карточки больных»... Взглянув на тускло поблескивавшую табличку, я толкнул дверь. Она распахнулась, издав тихий, щелкающий звук. До самого потолка высился стеллажи с папками. В центре комнаты за письменным столом сидел мужчина в форме медика.

— Покажите карточку Хино, начальника третьей экспедиции на Плутон.

Мужчина вздрогнул и уставился на меня. Потом перевел взгляд на дверь.

— Карточку Хино, быстро!

— Вы... вы кто? Я не имею права... Карточки выдаются только медицинскому персоналу, обслуживающему центр.

Он навалился на стол, широко расставив руки, словно пытаясь защитить свою драгоценную картотеку.

— Знаю. Но дело срочное. Я отвечаю.

— Но... Я не могу!

У меня не было времени на бесполезные препирательства. Если кто-нибудь сюда войдет, меня просто вытолкают взашей. Что ж, надо действовать по способу Квая. Из заднего кармана брюк я выхватил космический сигнальный пистолет. Пуль там не было, когда нажимаешь на курок, из дула вылетает белый язык пламени натрия. Но этот олух испугался — пистолет выглядел грозно. Я легонько приподнял дулом его подбородок.

— Ну, давай карточку Хино! Да поживей!

Если этот медик не трус, мое дело плохо. Критический случай. Прошло несколько секунд, показавшихся мне тысячелетиями. Кажется, я боялся чуть ли не больше его.

— Сейчас. Пусти! — выдавил он наконец. Его лоб покрылся мелкими капельками пота.

— Умница! Ясное дело, из-за какой-то там карточки не стоит терять жизнь, — развязным тоном сказал я. Это прозвучало внушительно. Я вел себя, как заправский бандит. Но вся спина у меня взмокла от пота.

Мужчина взял с полки папку и вытащил несколько карточек.

— Давай! Сиди и не двигайся!

Выхватив карточки, я принялся жадно читать.

I. Больной № К 371.

II. Больной выполнял обязанности началь-

ника третьей экспедиции на Плутон. На пути к Земле начал жаловаться на резкие головные боли, головокружение и тошноту. Медик экспедиции поставил диагноз: острое воспаление печени и нарушение обмена почек. По прибытии на Землю больной был срочно госпитализирован.

III. Лечение проходит нормально. Состояние больного улучшается.

IV. Интерес представляет радикальное изменение группы обмена печени и почек больного (результат анализа на инфраосциллоскопе) по сравнению с группой обмена, зарегистрированной до отправления в экспедицию (см. карточку ЦД). Очевидно, причина болезни кроется в этих изменениях. Однако многое еще остается неясным.

V. На кожном покрове спины и живота больного обнаружены следы разрушения структуры тканей. Длина пораженного участка 30 см.

Группа обмена... Под этим подразумеваются индивидуальные особенности обмена веществ во внутренних органах.⁹ Одни и те же органы у всех функционируют по-разному. Например, у некоторых наблюдается быстрое усвоение кальция, или моментальная реакция на витамин В, или еще что-нибудь... Такие индивидуальные особенности организма приводят в конце концов к весьма существенным различиям в поглощении и отдаче энергии внутренними органами. И вот у Хино функциональная деятельность печени и почек полностью изменилась, когда он вернулся из космоса.

Предположение, что начальник экспедиции страдал психическим расстройством, было

опровергнуто. Однако мои подозрения только усугубились.

— Прочитали, так давайте назад, — мужчина протянул к карточкам дрожащую руку.

Я молча свернул их в трубку и сунул в карман.

— Я беру их с собой.

— Но...

— Советую тебе не возражать. Учи, что море холодное, не очень-то приятно там очутиться.

Я вышел в коридор. За окнами все так же струился снег. Я уже не слышал шума волн — меня захлестнул белый поток тишины.

Кое-что начало проясняться. Еще немного — и я пойму все.

В тот же вечер я прибыл в Токио и пошел прямо в Геофизический институт, к Тангэ. Институт помещался в огромном стодвадцатиэтажном здании Центра точных наук. Я долго ждал в приемной на шестидесятом этаже. Наконец ко мне вышел Тангэ. Наши взгляды скрестились, как обнаженные шпаги. Над густыми бровями этого человека лежала тень чудовищной муки.

— Кто я такой, вы, конечно, уже знаете. И знаете, что меня интересует. Прошу вас объяснить, что произошло на вашем корабле.

Тангэ откинул со лба непокорные пряди волос. Его глаза бегали. Это был хрупкий, очевидно, не очень сильный физически человек. Впрочем, все ученые казались мне такими. Трудно найти с ними общий язык.

— Очевидно, вы слышали историю о космо-

навтах, съевших своего товарища. Если не знаете, могу рассказать.

Я впился в него, словно клещ. Теперь уже не отцеплюсь. Тангэ слабо улыбнулся. Все его существо излучало такую откровенность и покорность, что просто больно было смотреть.

— Да нет, эта история здесь ни при чем, — тихо произнес Тангэ. Он походил на ребенка, который наконец-то может излить взросому свои горести. — Понимаешь, Хино, командир, внезапно заболел...

— Ну?

— Печень и почки совсем вышли из строя. Сказался возраст. Да и духовно он сильно сдал.

Через приемную прошла группа молодых сотрудников с рулонами кальки. Они весело переговаривались. Тангэ проводил их глазами.

— Если говорить откровенно, наша экспедиция тоже провалилась: ведь нам не удалось совершить посадку на Плутон.

— И что же?

— Ну, вот... Надо было возвращаться на Землю. Конечно, у нас были прекрасные штурманы и пилот, но без командира мы бы не добрались...

— Разумеется.

— И нам надо было спасти его жизнь любой ценой... Мы тянули жребий. Хино, конечно, ничего не знал.

Я молча отошел от него. Загадочный рисунок, над которым я долго ломал голову, сразу стал четким и простым. Много дней он жил во мне и мучил, как боль. А теперь, прояснившись, вдруг отделился от меня и начал удаляться. Он менялся на глазах, его очертания вновь стали расплывчатыми.

Передо мной сиял залитый светом огромный город. В вышине мерцало море звезд. Рисунок поднимался туда, к беспределному небу, и на конец слился с серебристым свечением звездного пространства.

Там кончается слава. Туда, в пустоту, выбрасывают отслужившие свою службу космические корабли. Беспределность — недостижимая мечта. Беспределность — кладбище мечты. Сейчас там носятся обломки металла, бывшие некогда совершенными машинами, в плотившими ум и волю человека. Носятся и отражают свет мириадов звезд. Сколько вдохновения и порыва! Сколько несчастий и крушений! Космические корабли... Некогда они гордо рвались ввысь, побеждали вечный мрак и холод. В них бушевали человеческие страсти. Потом все постепенно старело — и корабли, и страсти... Неизменными оставались только звезды. Вот они — близкие, как пылающие цепи иллюминации, далекие, как светящиеся точки. Откуда-то с других планет и Земля кажется такой же светящейся точкой. И кто-то мечтает о ней. Кто-то отдает свою жизнь, чтобы приблизиться к ее влажной зеленой поверхности...

В море звезд плавают прозрачные рыбки, некогда называвшиеся космическими кораблями. Здесь есть и огромные, как акулы, корабли в пятьдесят тысяч тонн, и маленькие, легонькие, как плотва. Вот они, пионеры, некогда проложившие путь к Сатурну, Юпитеру, Марсу. У некоторых корпус изодран, помят, покрыт ранами. Другие заражены радиоактивностью. Не все ли равно? Теперь они погружены в поток разрушительного времени...

Когда-то они возвращались на Землю из межпланетных странствий. И люди, ранее заботившиеся о них, как о любимом детище, с горечью убедились, что они обречены, и выбросили их на космическую свалку, в этот уголок неба, далеко отстоящий от основных трасс. Этот кусочек пространства стал их кладбищем.

Я скользил на малогабаритной ракете между могилами. Перед моими глазами начали вырисовываться контуры корабля, который я искал. Не верилось, что его списали, — настолько совершенными были его формы. Засветились зеленоватые буквы на корпусе: «Союзное космическое министерство. Экспедиционный корабль». Я так и не мог понять, почему его списали после одного-единственного полета.

Вот из мрака выплыл огромный фотонный отражатель и заслонил весь горизонт. Я описал на ракете круг вдоль бортов корабля. Так и есть, можно не проверять: никаких следов ремонта. Он и не получал вмятины. Значит, Машу не выходил из корабля, электронный молот не взрывался. Но они придумали правильно: самое естественное — свалить все на электронный молот.

Я подвел ракету вплотную к люку и вошел внутрь корабля. Здесь чувствовалось запустение. С трудом отрывая магнитные ботинки от пола, я поднялся на мостик. Контрольные лампочки бесчисленных приборов были мутны, как глаза мертвых рыб. От этого мостика, еще недавно согревшего мечтой девяти человек, сейчас веяло холодом небытия. Я спустился вниз по трапу и толкнул дверь медицинского отсека.

Потом прошел в операционную. Посреди комнаты сверкал неправдоподобной, никелевой белизной операционный стол. Я положил на него карточки начальника экспедиции Хино. Огляделся, вынул из шкафчика скальпель и нацарапал на этом ледяном металлическом ложе: «Смотри карточку ЦД!»

«Мы тянули жребий...»

В моих ушах звучал голос Тангэ. Что они почувствовали, узнав, что командир безнадежно болен? Они знали, что без него не попадут на Землю. Был только один выход — вернуть командира к жизни. И они это сделали.

Они тянули жребий. И вот Хино сейчас поправляется. Умер другой. Только один из девяти. Восемь вернулись на Землю.

Что ж, они были правы. Другие поступили бы на их месте так же...

Родственники погибшего могут испытывать недоверие и неприязнь к тем, кто остался в живых. Это вполне естественно. Но им нельзя рассказать о подробностях смерти. Этого они никогда не поймут.

Я вышел из медицинского отсека. И только сейчас заметил надпись на двери:

«Этот корабль посвящается тебе. Пусть он будет памятником, который никто никогда не увидит. 1992 год».

Подписи не было. Но я чувствовал теплоту людей, понимающих, что такое героизм.

Меня приветствовали звезды, которые теперь, кажется, сияли еще ярче.

Звезды были очень далеки.

Синити Хоси

ПРЕМИЯ

В углу комнаты стоял изящный аппарат серебристого цвета. В нем что-то потрескивало и пощелкивало. Казалось, он загадочно бормочет какие-то странные слова и тихо посмеивается своим мыслям.

— Ох, и надоел мне этот проклятый аппарат! — проворчал хозяин дома господин Раш и растянулся на диване.

Впрочем, господин Раш зря сердился на аппарат. В нем не таилось ничего опасного. Наоборот, он приносил огромную пользу семье господина Раша. Да и не только его семье, но и любой другой. О, это совершенно незаменимая установка! Она обеспечивает стабильность семейного бюджета.

Но что поделать! Господин Раш никак не мог полюбить аппарат. Да, в его сердце не было ни капельки нежности к этой умной машине. Мало того, ему казалось, что жена вошла в сговор с аппаратом и они вдвоем задались целью полностью подавить волю хозяина дома. Еще бы! Они крутят им, как хотят!.. А иногда господин Раш думал, что он просто отсталый человек, этакий обломок двадцатого века...

Действительно, жизнь современной семьи совершенно немыслима без этого аппарата. Он заменил все. Девочек еще в школе обучают управлять им, а когда они подрастают и выходят замуж, то появляются в своем новом доме в обнимку с этой очаровательной установкой. Невеста без аппарата — это просто шокинг. Фирмы, торгующие этими установка-

ми, бесплатно вручают каждой покупательнице подвенечное платье...

Господин Раш вздохнул и перевел взгляд на милый его сердцу, но ужасно вульгарный и немыслимо устаревший радиоприемник. В этот момент в комнату вошла его жена. Она только что вернулась с супербазара, где можно купить все что угодно за десять минут.

— Вот и я! — сказала она, сияя улыбкой. — Ой, сколько всего накупила! Еле донесла.

Ну, разумеется, накупила кучу всякой всячины. И не десять минут потратила, а по меньшей мере три часа. Женщины ведь всегда так: делать покупки для них просто счастье. А тут еще в квартире торчит этот самоуверенный аппарат — тоже источник удовольствия.

— Что же ты купила? — спросил господин Раш не вставая.

— Во-первых, набор косметики. Ты только взгляни, какая прелестная губная помада, все оттенки, от шоколадного до лилового... Потом мороженое мясо, кость небольшая, так что будет тебе на обед твой любимый бифштекс. Ведь у тебя, милый, такие старомодные вкусы... — жена ласково погладила его по волосам.

Господин Раш вздохнул. «Господи, кто же делает бифштекс из мороженого мяса?» — с грустью подумал он.

— Ну вот, — продолжала она, — еще купила питательную витаминизированную смесь, конфеты... Но главное — смотри, сколько я получила премиальных талонов!

Она вытащила из сумки похожую на пухлую колоду карт стопку разноцветных премиальных талонов разных фирм и танцующей походкой направилась к аппарату. Привыч-

ным жестом опустила талоны в многочисленные отверстия.

Аппарат, словно голодный, набросился на добычу. В его брюхе залязгали шестерни. Сейчас он все рассортирует, подсчитает и доложит о результатах.

Потом в серебряном ящике что-то щелкнуло и раздался скрипучий голос:

— Фирма «Мороженые продукты» — девяносто пять талонов. До сотни осталось пять талонов. Еще пять талонов, и вы получите премию.

Внутри снова что-то щелкнуло, и зазвучала рекламная песенка.

— Ах, ты, моя радость! — сказала жена и погладила аппарат. — Что бы мы без него делали? Нет, правда, без него мы терпели бы такие убытки, что уже давно пошли бы по миру. Чудесная машина!

Она опустила в отверстия новую пачку талонов. Раздался мелодичный звонок.

— Боже! — воскликнула сияющая женщина. — Мы набрали комплект талонов косметической фирмы «Тело ваше — краски наши». Что бы такое нам взять?

Она нажала на кнопку, и аппарат ответил:

— Электронная сушилка... Хрустальная ваза... Трехдневная путевка на курорт...

— Электронная сушилка у нас есть, хрусталь вышел из моды еще в прошлом веке... Знаешь что, поедем отдыхать, а? Хочешь? Ты в последнее время такой мрачный. Перемена обстановки пойдет тебе на пользу.

— Лучше уж взять гроб! — пробормотал господин Раш. Но он говорил очень тихо, и его слова не долетели до ушей жены.

— Не хочешь? Ну, что бы нам взять? — про-

должала она. — Может быть, реактивное охотниче ружье?.. Или ангорскую кошку. Они очень миленькие. И потом, по желанию заказчиков их красят в лимонно-желтый цвет. В нынешнем сезоне это модно... Нет, ты подумай только, какая чудесная машина! Ведь мы приобрели массу вещей, и все даром. Аппарат не допустит, чтобы пропал хоть один талон. Ну, что ты молчишь?! Ведь все, все, что у нас есть, мы получили благодаря этому аппарату, начиная с дивана, на котором ты сейчас валяешься, и кончая крышкой для унитаза из ароматической пластмассы...

Женщина достала чистый носовой платок и принялась протирать части аппарата с такой нежностью, словно касалась личика грудного младенца. Господин Раш повернулся на другой бок и прикрыл глаза.

Через некоторое время он открыл глаза и приподнялся. В его взгляде светилась решимость.

— Я знаю, чего я хочу! — четко проговорил он. — Есть одна такая вещь.

— Да-а?! Что же это?

— Полное собрание сочинений Хемингуэя.

— Хемин... А что это такое?

— Книги. Когда-то, давным-давно, я их читал... А сейчас, сейчас... мне так хочется перечитать все снова!

— Ну, что ж... — ответила жена с некоторым сомнением. — Погоди минуту, я спрошу у аппарата.

Она нажала несколько кнопок. Господин Раш понятия не имел, когда и какие кнопки надо нажимать. Для него это было слишком сложно. Пусть уж жена возится с машиной!

Аппарат щелкнул и сказал:

— Хемингуэй выдается в качестве премии кондитерской фирмой «Сладкие слюни». Для того чтобы его получить, вы должны купить еще пять коробок конфет или три банки какао этой фирмы.

— Слышал? — спросила жена. — Значит, скоро получим.

— А я хочу читать сейчас! Не-мед-лен-но! — ответил господин Раш. В его голосе звучал металл.

— Господи, ну что с тобой поделаешь! — жена снисходительно улыбнулась. — Ладно уж, схожу еще раз на супербазар. Ничего, какао всегда пригодится.

Она направилась к двери, но господин Раш вдруг повысил голос:

— Стой! Кто тебя просил?! Я хочу читать! А Хемингуэй как премия за покупку конфет — это... это... отвратительно. Я пойду и куплю книги. Поняла — куплю!

— Что за глупости ты говоришь! Покупки не мужское дело. Ну-ка, припомни, кто из твоих приятелей ходит за покупками? Это всегда поручается женам. Так положись на меня! И потом, неужели ты не понимаешь: просто неприлично покупать то, что можно получить в качестве премии! Это же прямое нарушение общественного порядка! А кроме того, где ты видел книжные магазины? Их вообще нет. Правда, на супербазарах продаются ежемесячные и еженедельные журналы, но книги можно получить только по премиальным талонам.

Но господин Раш уже лихорадочно переодевался. Он крикнул:

— Замолчи! Меня просто тошнит от всех этих фокусов с талонами! Чудовищно! Неслы-

ханно! Книги — премия за покупку жратвы или каких-нибудь там подтяжек и бюстгальтеров! Ведь, если книги вообще существуют, значит, где-то их делают. Так я найду это место и потребую! Быть не может, чтобы не продали за деньги! И не уговаривай меня, пожалуйста. Я решил и не отступлюсь!

Господин Раш полистал телефонную книжку, удовлетворенно хмыкнул и выскочил за дверь.

— Упрямец, сумасшедший! — крикнула ему вслед жена.

— Ну, видела?!

Сияющий господин Раш положил на пол солидную стопку книг, перевязанную бечевкой. Это было полное собрание сочинений Хемингуэя.

— Что ж, значит, твое желание исполнилось, — сухо ответила жена.

— Да! Исполнилось! Уф-ф! Даже дышится легче! Так сказать, съездил по морде этому паршивому жизненному укладу, где на каждом шагу обман и всякие идиотские штучки.

— И что же, так тебе сразу и продали?

— Какое там — сразу! На меня пялили глаза как на помешанного и говорили: неужели вы еще не усвоили из телепередач, что книги получают даром, по премиальным талонам? И при этом смотрели осуждающе: мол, ну и ну, что это за семья, где совсем не едят кондитерских изделий...

— А ты что?

— Ну, я сказал, что все это мне известно. Но книги как премия за обжорство мне противны. Я хочу их купить... И знаешь, старик,

который со мной разговаривал, вдруг страшно обрадовался. Даже посветел весь. Какое счастье, говорит, что в наше время еще встречаются такие люди! Чего там, говорит, берите книги так, даром. Я дарю вам.

— Какой милый стариочек! — проворковала жена. — Разумеется, ты взял?

— Да нет же, как ты не понимаешь?! Я объяснил ему, что хочу купить, только купить, за собственные деньги. Он прямо расстроился. Я бы с удовольствием продал, говорит, но у меня договор с кондитерской фирмой, так что продать могу лишь по очень высокой цене. Такие уж у нас условия... Но цена для меня не имела значения. И, как видишь, я купил.

Когда господин Раш назвал сумму, жена подскочила от ужаса.

— Нет, ты просто потерял совесть! Потратить столько денег, и на что?!

— Ладно, теперь уж ничего не поделаешь. Я поступил так, как хотел. Считай, что это моя прихоть...

Жена надула губы.

— Ну, не сердись! — продолжал господин Раш. — Я так доволен, так доволен! А стариик... О, как он был тронут! Долго пожимал мне руку и даже адрес записал. Эх, и почитаю я сейчас!

Господин Раш радостно рассмеялся. Давно уж он не был таким веселым.

Вдруг раздался звонок. Жена пошла открывать.

— Кто там?

На пороге стоял посыльный.

— Скажите, пожалуйста, это вы только что купили полное собрание сочинений Хемингуэя?

— Да, а в чем дело?

— Издательство поручило мне доставить вам вот это в качестве премии за покупку книг...

И посыльный завалил всю переднюю коробками всевозможных конфет в радужных упаковках.

Синити Хоси

МУЖЧИНА В КОСМОСЕ

— Дай-ка мне посмотреть в видеоскоп. Наверно, Земля стала еще ближе,—сказал старик, потягиваясь в тесном пассажирском кресле.

Он подолгу спал и, просыпаясь, каждый раз просил об одном и том же.

— Пожалуйста, прошу вас! — улыбаясь, ответил молодой пилот.

В маленькой ракете межпланетной связи находились только эти двое. На пульте управления мигали сигнальные лампочки. За иллюминатором расстилалась черная, безмолвная ночь. А вдали — звезды. Мириады звезд, больших и маленьких, ярких и бледных. Они были всех цветов и оттенков, эти звезды. Словно кто-то раздробил замороженную радугу и рассыпал осколки в необозримом пространстве.

— Я думаю, на Земле уже можно различить моря и горы, — сказал старик. — Да, давненько я там не был... Пожалуй, уже лет сорок прошло.

Он склонился к пульту управления и заглянул в видеоскоп. Но тут же оторвался от прибора и, понурившись, пробормотал:

— Ничего я не вижу. Наверно, подводит зрение. Еще бы, когда долго пробудешь в космосе, обязательно у тебя в организме что-нибудь выходит из строя...

Он достал из кармана пузырек с каплями, пипетку, оттянул морщинистое веко и запрокинул голову. В глаз скатилось несколько бисеринок прозрачной едкой жидкости.

Пилот, до сих пор сдерживавший смех, прыснул.

— Ну, разумеется, вы ничего не видели! — сказал он. — Ведь на выходной трубе был чехол! — и он снял чехол с внешней линзы.

— Ах, ты, щенок! Опять меня купил! — зарорал старик и треснул молодого человека кулаком по спине.

Однако старик не рассердился. Он любил и ценил шутку. Большую часть жизни провел он на космических базах, а там все шутили — старые и молодые, ветераны и новички. И каждый старался превзойти другого в находчивости и остроумии. Правда, иной раз люди перебарщивали и невинные проделки превращались в грубое озорство. Но никто никогда не обижался. Такое уж там было правило — не терять чувство юмора. Ведь человеку надо хоть как-то развлекаться, а какие развлечения в космосе? Если не хочешь окончательно заиснуть, то выбирай себе роль по вкусу — либо незадачливого пьера, либо развеселого комика. Старайся любой ценой разыграть ближнего и не сердись, когда сам попадешься на удочку.

Это правило неукоснительно соблюдалось не только на базах, но и в ракетах. Если бы молодой пилот оказался угрюмым и неразговорчивым, любой пассажир уже через сутки умирал бы со скуки. Так что старик нисколечко не обиделся. Он с интересом ждал, какую еще штуку выкинет этот парень. И вообще, они отлично ладили. Старик почувствовал симпатию к пилоту в первый же день, как только они вылетели с Марса. Он узнавал в нем свои черты — сам был таким же в юности.

— Ну, вот, теперь все в порядке, — сказал пилот. — Теперь увидите. — Он отрегулировал

видеоскоп и направил его на голубовато-зеленую звезду, мерцающую во мраке.

— О-о! Вижу, вижу! Вот она, Земля! Наконец-то! Синие пятна... это океаны. И зеленые—материки... И белые облака вижу... Сколько нам еще осталось лететь?

— Я же вам недавно говорил. Два дня до космодрома на Луне. А оттуда до Земли всего один день. Совсем уже мало осталось. Ишь, как вам не терпится!

Не отрываясь от видеоскопа, стариk ответил:

— Да ты не сердись. Ведь я не был на Земле около сорока лет...

— Так долго? Почему? — удивленно спросил пилот. — Ведь каждые десять лет полагается отпуск. Обычно его проводят на Земле. А вы, значит, как попали в космос, так ни разу и не были дома?..

— Да, выходит так.

— А на каких базах вы работали?

— Сначала на лунной. В то время как раз начали осваивать Марс. Ну, я и записался добровольцем. Еще бы, такой случай представился! Очень уж хотелось забраться подальше от Земли...

— Это я понимаю. Вот взять меня, например. Моя ракета курсирует между Марсом и Землей. Неплохо, конечно. Но страсть как хочется перейти на дальние космические трассы. Черт его знает, чем объяснить такое желание... Не то космос притягивает, не то Земля подговаривает. Но ничего с этим не поделаешь. Так все время и сосет какой-то червячок.

Стариk понимающе кивнул.

— Да, все мы одинаковые. Все одержимы космосом. Помню, начал я работать на Мар-

се. Первое время ходил как угорелый, от радости, значит. А прошло десять лет, кончился первый этап освоения, и заскучал. Попросился в разведотряд, на малые планеты. Тоже интересно было. Несколько раз открывал там месторождения ценных металлов. Большие деньги зарабатывал. Только что с ними делать в космосе? Как вернусь на марсианскую базу, так и спущу все до последнего медяка. Азартными играми я увлекался. Все-таки какое-то разнообразие. Ну, проиграюсь, отдохну немнога и снова на малые планеты. И так без конца...

— А потом?

— Потом? Опять пошел добровольцем. В разведотряд на Юпитер. Сначала у нас там была маленькая база, рядом с Юпитером, на искусственном спутнике. Холод, пустота, кругом голубой лед. Перед глазами огромное полушарие, закрывшее полнеба.

— Как вы только все это вынесли! — сказал молодой пилот. Но голос его звучал восторженно, глаза светились мечтой.

Старик помолчал немного, потом продолжал:

— Тогда мне только что исполнилось сорок лет. И я попросился назад, снова захотел работать на маленьких планетах.

— Почему?

— Не знаю. Захотелось быть ближе к Земле.

— Да, странно... Это, наверно, из-за возраста.

— Может быть. Конечно, в мире сплошного льда все остается неизменным, но для людей время идет... Ну, вот... а потом я вернулся на нашу старую марсианскую базу. И вдруг

затосковал по Земле. Прямо места себе не находил. Все в телескоп смотрел...

Пилот с сомнением покачал головой.

— Этого я не понимаю.

— Поймешь когда-нибудь. Придет время, и поймешь. Видишь ли, вдруг появляется такое ощущение, словно Земля притягивает тебя к себе, а космос отталкивает. Наверно, когда становишься старым, космос перестает в тебе нуждаться.

Старик часто заморгал. Пилоту показалось, что глаза у старика заблестели.

— И тогда, — продолжал он, — хочется вернуться на Землю. В общем, это не так уж плохо: прожить остаток жизни на Земле и вспоминать о звездных мирах. Пожалуй, даже естественно.

— Да, конечно. Но в то же время не хочется расставаться с космосом. У меня все время такое чувство, что звезды совсем родные, ну, как члены семьи, что ли... — тихо сказал пилот и замолчал.

Старик кивнул, но, кажется, он не до конца понимал юношу. У него было на этот счет свое мнение.

Потом они открыли коробки с питательной смесью и принялись за свой незамысловатый обед. Отсчитывая секунды, громко тикали часы, и с каждым «тик-так» ракета приближалась к Земле.

Вдруг раздался оглушительный удар. Снаружи что-то завыло и заскрежетало. Корпус ракеты содрогнулся и затрясся, как в лихорадке. За иллюминатором в бешеной пляске завертелись звезды, сливаясь в сплошные серебряные полосы.

Старик вылетел из своего кресла и стукнул-

ся о стенку. Некоторое время он не мог даже шелохнуться. Однако все это длилось не больше минуты. Потом снова наступила мертвая тишина.

Постепенно старик приходил в себя. Он стряхнул прилипшие к лицу остатки пищи и, потирая плечо, плачущим голосом сказал:

— Эй, пилот! Брось-ка свои идиотские штучки! Тоже мне — вздумал страшать пассажира. Еще немного, и я бы подавился последним куском. Ну, погоди, прибудем на Землю, я тебе покажу! Тут же, на космодроме, напишу жалобу и заставлю тебя вернуть часть денег за проезд. Чтобы и тебе и другим неповадно было!

Конечно, старик прекрасно знал, что пилот тут ни при чем. Произошла какая-то авария. Но он также знал, что хныкать в космосе не положено, да и бесполезно.

Пилот тоже не проявлял никаких признаков страха.

— Ага! — сказал он с усмешкой. — На этот раз даже вы перепугались!

— Ты цел? — спросил старик. — Я здорово треснулся плечом.

— Какое там цел! Я весь изранен. Истекаю кровью. Вот только один рот и остался невредимым. Хоть говорить могу, и то ладно.

— Плохи дела! — воскликнул старик, бросаясь к пилоту.

Парень расхохотался.

— Да вру я! Все в порядке! Целехонек.

Действительно, кроме небольшой царапины на лбу, никаких повреждений у него не было. А лоб — ерунда, наверно, стукнулся о приборы.

Старик улыбнулся.

— Ах, ты, такой-сякой! Опять купил... А что это было, как ты думаешь? Метеорит?

— По всей вероятности, да. Решил поздороваться с нашей ракетой.

Пилот посмотрел в иллюминатор. Положение звезд совершенно изменилось. Потом заглянул в видеоскоп: голубовато-зеленая Земля исчезла. Значит, они сошли с курса. Радио не работало. Он вызвал все ближайшие базы — никакого ответа. Очевидно, отказалось питание.

— Кажется, от удара испортились батареи. Связь прервана.

Старик прищурился.

— Надеюсь, на этот раз ты меня не разыгрываешь?

— К сожалению, нет. Очевидно, больше мне уж никого никогда не придется разыгрывать...

С этими словами молодой человек нажал на одну из кнопок. Послышался рев мотора, за иллюминатором выдвинулся длинный металлический стержень с зеркалом на конце: надо было осмотреть обшивку ракеты.

Зеркало медленно поворачивалось под разными углами. Сначала в нем отразилась носовая часть.

— Кажется, серьезных повреждений нет...

Но когда в поле зрения вошел хвост ракеты, оба они изменились в лице. Часть сопла была совершенно изуродована метеоритом. Она походила на пустую жестянку, расплощенную тяжелым молотом.

И старый и молодой долго молчали. Потом старик сказал:

— Кажется, нам придется закрывать свою лавочку!

— Да... но я постараюсь сделать все, что в

моих силах. — Пилот начал колдовать над пультом управления. Но искалеченная ракета агонизировала. Пламя больше не гудело в сопле, оно задыхалось и едва мерцало, как бессильный огонек догорающей свечи. Еще удавалось чуть-чуть повернуть ракету вправо или влево, но нечего было и думать о том, чтобы вывести ее на прежний курс.

— Я выйду наружу и посмотрю, насколько велико повреждение.

Молодой человек надел космический скафандр и через двойной люк вылез из ракеты. Когда он вернулся и снял шлем, выражение его лица было яснее всяких слов. Но старик все же спросил:

— Ну, как?

— Ни малейшей надежды. Да еще и антенну вырвало с мясом, так что даже сигнала бедствия нельзя послать... Я виноват перед вами... Ведь Земля была совсем близко...

Он закусил губу. Старик молчал. А часы тикали и тикали, отсчитывая секунды, и с каждым «тик-так» ракета удалялась от Земли. И люди ничего не могли сделать...

— Ну, что ж, — сказал старик, — чему быть, того не миновать. Наверно, на меня рассердились звезды. Что, мол, это такое?! Жили-жили одной семьей, и вдруг бежать надумал, словно от чужих...

— Нет, звезды не правы! Ведь вы всю жизнь проработали в космосе и наконец решили вернуться на Землю. И вот — на тебе! Не ожидал я от звезд такого свинства. — Парень грустно опустил голову.

— Ну, что ты! Я неплохо прожил свою жизнь. Выстоял. А ведь бок о бок со мной был вакуум и абсолютный холод. Мне еще повез-

ло. Ведь большинство моих коллег исчезли в космосе... Все правильно, я последую за ними. А вот ты действительно влип в нѣхорошую историю. Ты ведь еще такой молодой. И все из-за меня. Старый дурак! Закапризничал! Вишишь ты, на Землю захотелось!

— Ну, это уж вы зря. Я же на службе. И вообще, я всегда был готов к такому концу. Еще тогда, когда только мечтал о космосе.

На некоторое время воцарилось молчание. Казалось, даже воздух в ракете стал мертвым. Она мчалась, но мчалась в никуда.

Не к теплой, уютной Земле, о которой мечтал старик, не к далекой, неизвестной планете, о которой грезил юноша...

В беспредельную пустоту, где только холод, ночь и... смерть.

— Ну, ладно, — сказал наконец старик. — Чем бы заняться? Интересно, что делают другие в подобной ситуации?

— Не знаю. Такие случаи, как наш, — большая редкость. Ведь обычно при столкновении с метеоритом конец наступает мгновенно.

— Выходит, нам неслыханно повезло. Ну, что ж, это тоже утешение...

— На курсах нам говорили, — продолжал пилот, — что, если уж стряслся что-либо подобное, надо принять анабиозин и ждать помощи... Наверно, у нас в ракете тоже есть анабиозин, — он порылся в аптечке. — Вот он.

Стариk недоверчиво покачал головой.

— Хм... Но ведь на спасение все равно нет никакой надежды.

— Да, пожалуй, лучше не надеяться. Радио вышло из строя, подать сигнал бедствия мы не можем. А искать наугад... в бесконечном про-

странстве... Ну, это все равно что охотиться за одной крохотной рыбешкой в океане.

— Я тоже так думаю. Значит, нам нечего торопиться, успеем заснуть непробудным сном. Надо что-то делать. Давай в картишки, что ли, сыграем. У меня много денег. Накопил за годы службы.

Молодой человек рассмеялся.

— Это здорово! Великолепно вы придумали! Наверно, никому на нашем месте не пришло бы в голову играть в карты на деньги. Только я не умею. Никогда этим не занимался.

— Эх, ты! И чему вас только учат на курсах!.. Ладно, тогда выпью. Жалко оставлять-то.

Старик откупорил бутылку и начал пить. А пилот взял чистый лист бумаги, портативную пишущую машинку и застучал по клавишам...

— Что это ты выступаешь? — с любопытством спросил старик.

— Да вот, вспомнил о малогабаритной ракете для корреспонденции. Хочу послать вес точку на Землю.

— А-а... Знаю я эти ракеты. Но вызвать помощь все равно не удастся. Ведь ракета попадет на Землю через три дня, не раньше. И даже если они сейчас же вышлют спасателей, на перелет потребуется еще три дня. А нас за это время занесет в такую даль, что сам черт не сыщет. И на Земле это известно. Так что они и посыпать не будут...

— Конечно. Но я не собираюсь просить помощи. Я пишу завещание. Если вы тоже хотите что-нибудь сообщить, продиктуйте, я отпечатаю, — ответил пилот, продолжая стучать по клавишам.

— Нет, мне нечего сказать Земле. У меня ведь там никого нет. Ни родственников, ни друзей... Но мне очень интересно, что ты пишешь. Прочти, пожалуйста! Конечно, если тебе не будет неприятно... Да, а кому ты это посылаешь?

— Отцу и матери... Вот... я кончил. Хотите прочитать? — Он протянул старику исписанный лист.

«Дорогие папа и мама! Моя ракета сейчас столкнулась с метеоритом и получила серьезные повреждения. Никакой надежды на спасение нет. Что ж поделать, значит, не судьба нам увидеться... Только прошу вас, не очень горюйте. Я навсегда остаюсь в космосе, о котором мечтал с детства. Моя мечта исполнилась, и я доволен. Берегите себя. Прощайте!»

Прочитав письмо, старик вернул его молодому человеку, а когда увидел, что тот собирается положить его в ракету, с недоумением спросил:

— Ты так и положишь его?

— А в чем дело? Что вас смущает?

— А где же подпись?

— Да зачем она? Без подписи лучше.

Старик заволновался.

— Как же так — лучше?!

— А очень просто. Сколько молодых людей потерпели катастрофу в космосе и пропали без вести...

Старик перебил его:

— Конечно! Многие мои друзья и коллеги погибли в космосе... Но почему ты не хочешь подписать письмо?

— Я думаю, родители всех этих юношей, — продолжал пилот, — до сих пор не теряют надежды на их возвращение... А когда они сов-

сем уж перестанут надеяться, тогда, наверно, им захочется узнать, о чем думал их сын в последние минуты, вспоминал ли о них, о доме... И стоят они на Земле, и смотрят в звездное небо, и думают, думают... И вдруг прилетает к ним ракета с письмом... Последняя весенка. Конечно, слабое это утешение, но все-таки... Вот и выходит, что подпись тут не нужна...

— Понятно... — пробормотал стариик. Но, кажется, он понял не до конца. — Конечно, всем родителям приятно верить, что письмо послал именно их сын... Но все же... О своих собственных родителях ты подумал? Нехорошо получается. Ведь им-то нужна твоя подпись!

— Да ничего им не нужно! — улыбаясь, ответил пилот.

— Как же так — не нужно?! Неужели ты такой черствый?

Стариик неодобрительно покачал головой, а парень расхохотался.

— Да нет, нет у меня родителей! Я же сирота!

Стариик уставился на него, а потом тоже начал смеяться.

— Ну и ну! Ох, и хитрец! Купил, опять купил. Пожалуй, это самая лучшая твоя шутка. Знаешь что, я кое-что добавлю к твоему письму.

— Пожалуйста! А что?

— Припиши-ка в конце одну фразу: «Вместе с письмом посылаю деньги, накопленные за время работы в космосе».

И вот ракета с письмом без подписи и с деньгами понеслась в сторону Земли...

Два человека посмотрели в иллюминатор,

проводили взглядом крошечную звездочку с огненным хвостом, которая должна была отыскать в черном ледяном пространстве теплую голубовато-зеленую Землю, и одновременно произнесли одну и ту же фразу:

— Дай бог, чтобы она долетела!

Сияющий хвост все удалялся и наконец исчез совсем.

Старик взглянул на бутылку — она была уже пуста.

— Ну, что ж, — сказал он, — пить больше нечего. Да и шуток, кажется, уже не осталось в запасе. Ладно, давай примем этот самый анабиозин...

Они заняли свои места и приняли анабиозин. Пилот повернул выключатель на пульте управления. Стало темно. Температура в ракете начала падать. В иллюминатор лился слабый, призрачный свет далеких звезд. Старик заплетающимся языком сказал:

— Ох, как хочется спать... Мне почему-то начинает казаться, что ты мой сын...

— И мне начинает казаться, что вы мой... Нет, не буду больше шутить. Я ведь не знаю, что такое отец...

Потом кто-то из них прошептал:

— Прощай!..

Морио Кита

МАШИНА ВРЕМЕНИ

1.

Я решил произвести один любопытный опыт. Вернее, меня просто увлекла эта игра. Дело в том, что я убедился в абсолютной нормальности Микита.

Сам я врач и работаю в государственной психиатрической клинике. В нашем стационаре около четырехсот пятидесяти больных. А врачей всего шесть, не считая главврача. Да еще некоторые из них работают в университете и в клинике бывают только два раза в неделю. Короче говоря, у меня чуть ли не сто пациентов.

Веселого мало. Ведь приходится и амбулаторный прием вести, и научной работой заниматься, так что тех, кто госпитализирован, мы лечим спустя рукава. А что делать? Если внимательно осматривать каждого больного, по всем правилам, с вызовом в кабинет, то за день в лучшем случае пропустишь пять человек. Получается, что каждому врачу требуется месяц, чтобы осмотреть всех своих подопечных. Так и есть на самом деле.

И ничего удивительного, при таком-то положении, что этот самый человек, Микита, в нормальности которого я был абсолютно убежден, застрял в нашей лечебнице.

Микита не был моим больным. Его диагноз — мегаломания, параноидная форма шизофрении. Пожалуй, нет ничего труднее, чем диагностика мегаломании. При этом заболе-

вании человек одержим определенной маниакальной идеей. Во всем остальном он совершенно нормален. Вот и разбирайся сам как знаешь. Возьмем, например, женщину, утверждающую, что ее изнасиловал врач-гинеколог. В конце концов, это может оказаться правдой — бывают же такие случаи. Конечно, если она утверждает, что все мужчины подряд ее насилуют, тогда другое дело. А вообще у мегаломанов бывают самые фантастические идеи. Скажем, какая-нибудь девица заявляет, что она невеста кронпринца. Или скромный конторский служащий с пеной у рта доказывает, что он был мужем Элизабет Тейлор. В этих случаях все ясно. Бери такого человека и прameхонько вези в сумасшедший дом. Даже близкие родственники ничего не скажут.

Микита утверждал, что он может построить машину времени. К этому и сводилась его навязчивая идея. Если говорить по чести, мы, врачи, не в состоянии определить, болезнь это или нет. Кто ее знает, может быть, действительно можно сконструировать такую машину? Но доцент одного университета, притащивший Микита в больницу, заявил, что идея сама по себе бредовая и воплотить ее в жизнь нельзя. Бедняге не повезло; его признали больным и поместили в наше заведение. Я-то подозреваю, что все объяснялось проще: Микита, человек лет тридцати с лишним, был ассистентом физической лаборатории и потихоньку начал конструировать свою диковинную машину, используя казенные материалы.

В любой психиатрической клинике сколько угодно таких больных, как Микита. Навязчивые идеи и слуховые галлюцинации — в наше время явление распространенное. Темп сегод-

няшней жизни очень этому способствует. Раньше больным, страдавшим манией преследования, убийцы мерещились на чердаке, или в подвале, или в уборной, или еще где-нибудь. А теперь, когда повсеместно распространены радиоприемники и телевизоры, больные утверждают, что мститель наблюдает за ними с экрана или шепчет угрозы по радио. Есть и такие, которые жалуются, что они постоянно подвергаются облучению. Некоторые воображают себя пришельцами из космоса. Научная фантастика, ставшая в последнее время особенно модной, тоже немало способствует возникновению психических заболеваний. Люди с расшатанной нервной системой принимают мир фантастики за действительность. Следовательно, конструктор машины времени — явление самое банальное. Плохо только, что врачи относятся к этому несерьезно. Рассказывают друг другу веселенькие случаи из своей практики, хихикают и подкрепляют их анекдотами из серии «о сумасшедших».

И все же этот пациент пробудил во мне любопытство.

Дело в том, что я сам не в силах корпеть над скучными исследованиями, тянувшимися из года в год, и отыскивать в куче навоза жемчужное зерно. Меня влекут острые проблемы, смелые решения, когда все поставлено на карту, когда идешь ва-банк и — либо пан, либо пропал. Однажды я придумал новый способ лечения — икототерапию. Что такое, в конце концов, электротерапия или инсулинотерапия? Не что иное, как шоковая терапия. Вот я и дал моему больному средство, вызывающее судороги диафрагмы. У него сразу началась дикая икота. К сожалению, эксперимент окончился

неудачно. Вообще-то я не сомневаюсь, что этот человек выздоровел. Но проверить не было никакой возможности, потому что он теперь беспрерывно икает и не может говорить. Главврач устроил мне жуткую головомойку. Пришлось срочно восстанавливать свою репутацию. И я придумал еще одну штуку — построил гигантский соленоид, поместил больного внутрь и включил ток. Больной непременно выздоровел бы, я точно знаю, но, выходя из соленоида, он оступился на лестнице, грохнулся вниз и сломал челюсть. И теперь не может говорить. Попробуй проверь, в каком состоянии его психика! Главврач совсем разбушевался и строго-настрого запретил подобные эксперименты. Но я все равно уверен в успехе. И главное, конструкция была такая простая — намотка на катушке шла справа налево, а не слева направо, как обычно. Только и всего.

Так что мой интерес к человеку, рвущемуся к оригинальным открытиям, вполне объясним. У меня у самого есть эта жилка. Разумеется, я не верил, что взаправду можно построить машину времени. Но фантазировать на эту тему очень увлекательно. Отправляешься на часок в будущее, лет этак на сто вперед. И возвращаешься, прихватив какой-нибудь новый препарат для лечения психических расстройств. Одно удовольствие представить, какую рожу скорчит наш главврач.

По чистой случайности Микита оказался пациентом главврача. В отсутствие доктора я пошел взглянуть на его больного. Ничего, довольно приятный парень. Моего возраста, худощавый. Только вот взгляд какой-то рассеянный.

Наверно, главный дает ему лошадиные дозы

хлорбромазина — лекарства, применяемого для лечения мегаломании.

Микита уставился на мой белый халат и с раздражением выпалил:

— Напрасно вы пичкаете меня всякой дрянью! Я же не болен, здоровее вас. А от вашего лекарства только спать хочется. Стал совсем как сонная муха. Так и спятить не долго.

Что я мог сказать? Ведь и настоящие сумасшедшие всегда утверждают, что они абсолютно здоровы.

Но, взглянувшись в него хорошенко, я почувствовал, что тут что-то не так. Собственно говоря, где проходит грань между безумием и нормальностью? Пожалуй, если рассматривать этот вопрос в аспекте историческом, то в любую конкретную эпоху нормальными считались люди с мышлением, характерным для своего времени. Их было большинство. Так, например, в эпоху инквизиции, когда на кострах жгли «ведьм», нормальными казались все те, кто верил в нечистую силу. Так что очень трудно, идя от крайней степени безумия к твердо установленному современному стандарту психической нормы, определить, где находится перевал между этими двумя вершинами. И все-таки мы, врачи, хорошо изучили людей с явно выраженным отклонениями от психической нормы. Возможно, дело тут в опыте и в профессиональном чутье. Если перед тобой типичный маньяк, это видно сразу. Хотя все прочие люди, немедики, могут этого и не заметить.

Так вот, возвращаюсь к Микита. Когда я увидел его лицо и услышал его голос, то не уловил никакого душка безумия.

Я пригласил его в свой кабинет, предложил

чаю. Мы начали разговаривать; я совершенно не касался его болезни. Сообщил, что тоже увлекаюсь изобретательством, и попросил поделиться знаниями в области физики. Мы болтали и болтали, и напряжение Микита постепенно ослабевало. Он стал красноречивым, даже заулыбался. Сказал, что впервые с ним в больнице обращаются по-человечески. Иногда я незаметно спрашивал его — о магнитном поле, об энтропии. Отвечал он очень ясно, точно, с прекрасным знанием предмета. Что ж, по-видимому, его умственные способности несколько не пострадали. Правда, самый главный вопрос — его мания — оставался невыясненным.

Я решил забросить удочку.

— Кстати, — сказал я, как бы между прочим, — говорят, вы собираетесь построить машину времени?

— Возможно. — Микита неопределенно хмыкнул.

— Очень интересно! Мне любопытно было бы узнать основные принципы. Расскажите, а? Начнем хотя бы со времени. Какова его структура?

— Структура времени? — Микита оживился. — Сложная это штука. Сейчас на земном шаре нет ни одного ученого, который мог бы дать точное определение времени. И, откровенно говоря, я сам ничего об этом не знаю.

— А как же вы будете строить свою машину, если не знаете сущности времени?

Микита ухмыльнулся.

— А вы-то сами, врачи, лечите душевнобольных, хотя ничего не знаете о природе психических заболеваний. На поверку оказывается, что и механизм действия электрошока тоже

неизвестен. Достоверно только одно: электрошок помогает.

— Позвольте, вы не совсем правы! В какой-то мере, ну, хотя бы в виде гипотезы, этот механизм нам понятен...

— Ну, гипотеза... По вопросу о времени тоже выдвинуто сколько угодно гипотез. Например, существует теория, утверждающая, что время имеет форму спиралеобразной катушки. Если идти по воображаемой проволоке катушки, то за десятки лет лишь немного продвинешься вперед. Но если сжать спираль так, чтобы витки касались друг друга, то можно за секунду перенестись на сотню лет назад или вперед. Сотня лет — это лишь один из примеров. С скачок можно сделать и на тысячу лет, и на десятки тысяч...

Я оставил в покое проблему времени и спросил его о принципах устройства машины. Он сказал, что никаких принципов он не знает, просто однажды ночью на него снизошло удивительное вдохновение и он увидел во сне точную схему машины... Я был разочарован. Однако, чем больше мы разговаривали, тем больше я убеждался, что психически он совершенно здоров. Скорее всего, Микита был невинным фантазером и мечтателем, увлекающимся изобретательством. А если это так, нет необходимости держать его в сумасшедшем доме.

— Послушайте,— сказал я,— мне кажется, что вы совершенно здоровый человек. Очевидно, ваша ошибка была в том, что вы без разрешения использовали материалы физической лаборатории.

— Что верно, то верно,— кивнул Микита,— нехорошо это получилось. Дело в том, что я

тогда страшно спешил. Ведь по какому принципу должна работать машина, я не знал! И доказать возможность ее построения мог, лишь воплотив ее, так сказать, в реальность. Я был весь поглощен этим...

— Ладно, что теперь говорить — сделанного не исправишь. Но, если вы дадите слово, что подобная оплошность не повторится, я научу вас, как выписаться из больницы.

Микита был не мой больной, и я дал ему подробную инструкцию, как себя вести. Уж больно мне хотелось утереть нос главврачу. Я посоветовал ему, во-первых, признать, что он был болен. Во-вторых, выразить искреннее удивление, что ему в голову пришла такая дурацкая идея. И при этом говорить очень спокойно, вежливо, благодарить врачей за свое временную помощь.

Микита сказал:

— Знаете, я и сам додумался до этого...

— Так чего же вы меддили?

— Сам не пойму... Неудобно как-то дурачить врачей.

Я засмеялся.

— А-а, бросьте эти сантименты! Возвращайтесь скорее на волю. И начинайте строить вашу машину, только не в своей лаборатории, а где-нибудь в укромном месте. Да, вот еще что. Если дело пойдет на лад и вам удастся сконструировать хотя бы портативную машину, очень прошу вас, разрешите мне присутствовать на ее первом испытании.

— С удовольствием приглашу вас, сенсей!

После этого разговора прошло около месяца. Я был очень занят. Однажды я зашел в пала-

ту, где лежал Микита, но оказалось, что он уже выписался. Интересно, как у него все получилось? В картотеке я отыскал его карточку. Там почерком главврача было написано: «Полное выздоровление. Навязчивая идея исчезла в результате эффективного действия хлорбромазина. Пример, достойный публикации».

Я не мог сдержать улыбки.

Прошло еще несколько дней. Как-то вечером я возвращался домой. Уже стемнело. Когда я повернул ключ в замке, кто-то осторожно тронул меня за плечо. Это был Микита.

— Что случилось?

— Я очень благодарен вам, сенсей, вот сумел выписаться.— Он немного помедлил.— А теперь я решил следовать вашему совету...

— Какому совету?

Микита застенчиво улыбнулся.

— Ну, помните, вы сказали, что машину надо строить в укромном месте. И вы были совершенно правы. Не то снова уложу в сумасшедший дом... Уж я искал-искал... И наконец нашел.

— Безопасное место?

— Ну да! — Он придинулся ко мне и горячо зашептал в самое ухо: — Я буду жить с вами, сенсей, и в вашей комнате построю машину времени. Ведь здесь вполне безопасно, правда? А вы... вы же заинтересовались... Вот я и подумал, что мы вместе, на паях, так сказать... Один-то я не наберу столько денег...

2.

Я опешил, но все же пригласил его к себе. Наверно, любой другой человек на моем месте

постарался бы от него отделаться. Но такой уж у меня характер: люблю всякие неожиданности.

— Во сколько же обойдется ваша машина времени? — спросил я, когда мы сели.

— Смотря как ее делать. Если по первоначальной схеме, то в несколько сот миллионов иен, а может быть, и весь миллиард...

— Ну и ну! — я замахал руками, словно отгоняя от себя эту баснословную сумму. Мне действительно стало не по себе. Пожалуй, ему надо было оставаться в сумасшедшем доме.

Но Микита нимало не смутился.

— Знаете, — продолжал он, — это ведь только первый вариант. Та схема была удивительно сложной и тонкой. Потом в больнице, когда меня заставляли пить лекарства, я увидел во сне другую схему, совсем простую. Как бы вам объяснить... Ну, к примеру, если первый вариант был на уровне реактивного самолета, то нынешний — на уровне планера или модели аэроплана.

— Да? А сколько будет стоить эта модель?

— О, совсем немного — всего двадцать — тридцать тысяч иен.

Я снова замахал руками.

— Тридцать тысяч?! Но это же другая крайность! Больно уж дешево для машины времени...

— Конечно, дешево. Но ведь я и не говорю, что она будет совершенной. Придется прими́риться с ее низкими эксплуатационными качествами. Разумеется, на ней не отправишься в любую точку будущего или прошлого. Но уж куда-нибудь, пусть совсем близко, мы перенесемся. Разве это не здорово?

Его глаза блестели.

Не стану углубляться в подробности нашей беседы. Важно одно: Микита остался у меня.

Плохо жить без мечты. Мне просто жаль тех, кто считает себя трезвыми реалистами. Впрочем, они просто прикидываются из-за ложного стыда — боятся прослыть фантазерами и мечтателями. А тут — такая великолепная мечта! И так дешево! Подумаешь — тридцать тысяч иен! Если вспомнить, сколько денег просаживаешь в ресторане, то это сущие пустяки.

Честно говоря, мне бы хватило самой мечты, мечты в чистом виде. Но, к моему удивлению, Микита действительно начал что-то мастерить в моей комнате. Он накупил кучу всяческого хлама — больше сотни алюминиевых тазиков (как он сказал — для внешней облицовки), радиолампы, батареи, медную проволоку...

Меня это забавляло. Я спросил, внутренне посмеиваясь:

— А откуда будет поступать энергия? Ведь источник должен быть солидным. Не потребуется ли мощное магнитное поле?

Микита ответил очень серьезно, что в какой-то мере он думает использовать сухие батареи, но основным источником будет резина.

— Что?! Резина?..

— Ну да! Как ты не понимаешь? — Микита уже перешел со мной на «ты».— Я же говорил, что машина строится по сверхупрощенной схеме. Вспомни-ка принцип движения игрушечных самолетов. Надо как следует закрутить резинку, и они прекрасно летят. Понимаешь? Резинка раскручивается, и самолет летит...

— Вот оно что! Здорово! Просто гениально! Я восхищался, как последний идиот. Что ни

говори, а машина времени за двадцать или тридцать тысяч иен — это вешь.

А пока что жизнь шла, как обычно. Я ходил в больницу. Микита с утра до вечера колдовал над резиновыми колечками и алюминиевыми тазами.

И через месяц машина была готова.

— Так себе получилась машина, — сказал он, — самая примитивная, какая только может быть. Но думаю, лет десять или двадцать она одолеет. Хорошо бы попасть в будущее. Интересно посмотреть, какой скачок сделает человеческая мысль за двадцать лет. Наверно, люди уже изобретут какие-нибудь аппараты, которые помогут врачам отличать нормальных людей от психов. Тут-то я добьюсь своего: заставлю их признать, что я нормален.

«Это еще как сказать», — подумал я...

Мы решили тут же испытать машину. Неподалеку от моей квартиры находился синтоистский храм. На его задворках был пустырь, оканчивающийся рощей и не очень высоким, но довольно крутым обрывом. Люди сюда совсем не заглядывали. Очень удобное место, чтобы отправиться в прошлое или в будущее. Во всяком случае, не очутишься сразу на многолюдной улице и никто не будет пялить на тебя глаза. К счастью, наша машина складывалась, как те парусиновые стульчики, которые всюду таскают за собой старички и инвалиды, и перенести ее не составляло труда.

— Прежде всего надо закрутить резинку, хотя и не очень сильно, — сказал Микита. — Ведь она дает только стартовую энергию и не влияет на скорость полета. Так что крути не

крути — быстрее не полетишь. А потом кривая времени распрямится и машина вернется назад. Я думаю, в другом измерении можно оставаться около суток. Я уже говорил: на этой машине невозможно свободно передвигаться по времени...

Микита наладил машину в бамбуковой роще, над обрывом. На всякий случай погрузил сухари, консервы и втиснулся сам в тесную кабину. В машине совсем не осталось свободного места, даже палец невозможно было просунуть. Разумеется, я не собирался отправляться с ним в путешествие.

Он протянул мне руку.

— Ну, пока! Лечу!

Я очень торжественно и серьезно пожал руку Микита. Все-таки момент был волнующий. Пожалуй, двадцать тысяч иен себя оправдали.

Крышка машины захлопнулась. Я не верил, что она тронется с места, но на всякий случай чуть-чуть отступил. Раздался тихий гул. Алюминиевый корпус завертелся волчком. Я просто не верил своим глазам. А машина вращалась все быстрее и быстрее. Она уже казалась бешено пляшущим серым пятном, поблескивающим вихрем. Потом перед моим носом пронесся какой-то клубок тумана и... все исчезло.

Я осталбенел. Роща была на месте. Бамбук тихонечко шумел. С обрыва с легким шуршанием скатился камешек. Я протянул руку и ощущил... пустоту. Ни машины, ни Микита не было.

Я никак не мог опомниться. Потом поймал себя на том, что брожу по полянке и бессмысленно приподнимаю примятую траву носком ботинка. Я вспомнил слова Микита: «Я думаю, в другом измерении можно оставаться около

суток». Делать было абсолютно нечего — только ждать и пить виски.

Всю ночь меня мучали кошмары. Мне снился Микита. Вот он, сам того не ожидая, попал на несколько тысяч лет вперед. Земля неизвестна. Среди полупрозрачных светящихся конструкций, назначения которых я никак не мог понять, бродят такие же полупрозрачные люди. Они хватают бедного Микита и тащут его в зоопарк, как диковинное животное. Микита мечется в шарообразной клетке и вопит: «Диагноз! Диагноз! Я же нормальный!..» Потом картина менялась. Мне снился детский игрушечный самолетик, а на нем — бледный, перепуганный Микита. Самолетик повисает над лесом древовидных папоротников, потом падает вниз, прямо в пасть гигантозавра. Проклятая резинка раскрутилась куда-то не туда: Микита угодил в далекое прошлое...

Утром я не пошел на работу. Встал ни свет ни заря и отправился к обрыву. Я опустился на траву и стал ждать, поглядывая на часы. Со времени запуска машины прошли сутки. И вдруг... на поляне появился клубок серого тумана. Он вертелся и прыгал с сумасшедшей скоростью. Потом вращение замедлилось, простили очертания машины. Наконец она остановилась, крышка открылась, алюминиевые тазики звякнули очень по-будничному, каким-то домашним, кухонным звуком, и из люка показалась взъерошенная голова Микита.

Я протер глаза. Он выглядел усталым. Одежда его была испачкана и словно обсыпана мукой.

Я бросился к нему.

— Ну, как? Где ты был? В прошлом или в будущем?

— Успех,— коротко бросил Микита, но лицо его не выражало особой радости.— Преодолел отрезок в восемнадцать лет. Но в будущее не попал. Был в прошлом. Послевоенное время. Ничего хорошего. Жрать нечего. Тьфу ты, дерньмо! Вот если бы на восемнадцать лет вперед...

— Да ладно, не падай духом! Это же великолепно! Пошли домой, мне не терпится узнать все подробности.

По словам Микита, машина времени материализовалась на том же самом месте, откуда стартовала. Он увидел засохший бурьян над обрывом. Храм. Точно такой же, как сейчас. Но улицы, тянувшиеся у подножия холма, представляли собой сплошные развалины. Среди руин уныло высились бараки, кое-как слепленные из кровельного железа. Между ними сновали люди, неопрятные, закутанные в лохмотья.

Микита пошел на ближайшую железнодорожную станцию. Достал кошелек, хотел купить газету. Бумажные деньги — несколько тысяч иен — почему-то превратились в порошок.

— Понимаешь, — сказал мне Микита, — с бумагой вообще произошло что-то странное. Вся бумага пропала. Очевидно, из-за обратного движения по временной шкале.

Ну, вот... Тогда он протянул газетчице монету. Но она посмотрела на него как-то странно.

— Что это у вас за деньги? Сто иен? Сроду не видела таких денег...

Он поспешил убрался. Но успел заметить дату на газете — 26 марта 21-го года правления императора Сёва *.

---

* 1946 год.

Около станции шла бойкая торговля. Торговали вареным бататом, сушеною картошкой, земляными орехами, рисовыми лепешками и другой немудреной снедью. Тут же предлагали солдатские нитяные перчатки, грубые носки, старые кастрюли, чугунные котелки. Внезапно Микита осенило. Он поспешил вернуться к машине и взял несколько банок консервов. Рассставил их у обочины дороги. Консервы тут же раскупили. Он получил несколько ассигнаций — новых, с изображением парламента, и старых, с наклейкой в углу — свидетельством их неподдельности. Значит, только что произошла девальвация. Микита купил билет на электричку и отправился осматривать город и его окрестности. На одной из станций его здорово обсыпали ДДТ — эпидемия брюшного тифа...

Микита протянул мне пару ассигнаций.

— Вот смотри. Специально оставил, чтобы ты удостоверился.

— Вижу. Я их хорошо помню. Только как же так... ты ведь сказал, что бумага разрушается?

— Да, но только когда едешь туда. А на обратном пути ничего не произошло. Видишь, вот это тоже уцелело.

Он протянул мне пакет, склеенный из старой газеты. В нем завался ломтик сушеною картошки. Я увидел дату — 21-й год правления императора Сёва.

Это меня окончательно сразило. Мы с Микитой забыли обо всем на свете. Я бросил работу и тоже совершил несколько путешествий по времени. А Микита только и делал, что катал-

ся на своей машине. Однако результаты были не очень утешительными. Выяснилось следующее.

Наша машина времени могла совершать путешествия только в прошлое. Попасть в будущее не удавалось. Предел передвижений в прошлое тоже был ограничен: он не выходил за рамки февраля 1946 года — февраля 1947 года. И даже в пределах этого отрезка мы не могли диктовать машине точную дату. Один бог знал, в какой месяц и какое число мы попадем.

Когда мы стартовали, бумага неизменно разрушалась. Зато на обратном пути ни бумага, ни прочие вещи не претерпевали никаких изменений.

Машина времени, попав в прошлое, оставалась там около двадцати четырех часов, потом делала скачок назад. Значит, надо было успеть сесть в машину, иначе существовала опасность навсегда остаться в прошлом. Попытка попасть из прошлого — 1946—1947 года — в еще более отдаленное прошлое тоже не увенчалась успехом.

Конечно, хорошо бы раздобыть денег и построить другую, более маневренную машину. Но Микита больше не видел во сне никаких конструкций. Очевидно, создание этой машины было просто случайной удачей. Оставалось только по возможности рационально использовать нашу старушку.

Стыдно в этом признаваться, но мы оказались самыми банальными личностями: все наши помыслы были направлены на то, чтобы разбогатеть.

Однако и тут ничего не удавалось придумать. Ну, что можно привезти из 1946 года?

Даже если взять туда кучу консервов и продать их в тридорога, все равно те деньги не имеют сейчас хода. В результате мы бы только потерпели убытки. Конечно, и в те времена люди изобретали разные штучки, например аппарат для набивки сигарет или духовку без печки, но теперь эти вещи безнадежно устарели.

— О-х-о-х,— вздохнул однажды Микита,— вот если бы попасть в будущее и привезти препарат для лечения рака... Или в совсем уж далекое прошлое и набрать каких-нибудь бездешек, которые у нас в ходу как антикварные ценности...

— Постой! — перебил его я.— А что, если попытаться играть на бегах? Ведь в 1946 году уже возобновились и бега и скачки. Раздобудем побольше тогдашних газет и...

— Ничего не выйдет. Какой нам прок в этих скачках? Мы же не знаем, в какое число попадет наша машина. Конечно, если бы мы могли забрать с собой подшивку газет за год да прихватить консервов и распродать их там, тогда можно было бы пойти на ипподром в любой день и, сверяясь с газетой, ставить на нужную лошадь. Но ведь газеты по дороге превратятся в труху...

— А если купить там акции?

— Тоже ничего не выйдет. Они, конечно, повысились в цене. Правда, первоначальная их стоимость незначительная, но за это время несколько раз делались дополнительные капиталовложения. Ведь прошло целых восемнадцать лет! И что же мы получим? Нам придется отказаться от права на дополнительные прибыли, поскольку мы не делали капиталовложений.

В конечном итоге мы занялись жалкой, грошовой торговлей. Загружали машину дешевыми консервами и самыми грубыми носками и отправлялись в прошлое. Торговать на черном рынке было опасно: там шныряли рэкетиры. Еще угодишь в историю, изуродуют и останешься навсегда в этом паршивом времени. Оставалось только одно — раскладывать свой товар прямо на улице. Мы обычно открывали одну банку консервов в качестве образчика — ведь наклейки в пути исчезали. Покупали нарасхват: люди-то ведь голодали. Так что мы управлялись за какой-нибудь час. На вырученные деньги мы приобретали почтовые марки. Сейчас тогдашние марки значительно повысились в цене, так что расчет был. Однако настоящего барыша не получалось. Конечно, лучше всего было бы купить там драгоценности или антикварные изделия, но куда уж соваться с нашими мизерными деньгами...

Однажды я предложил отвезти туда транзисторные радиоприемники и портативные телевизоры. Но Микита запротестовал:

— Да ты что?! Разве можно? А вдруг это повлияет на ход истории? Изменится прошлое, значит, и настоящее будет другим. Это же очень опасно. Заварим мы с тобой кашу, а потом не расхлебаем. Нет, нет, ни в коем случае!

— Вот те на! Ты же сам хотел стащить какую-нибудь диковину из будущего. Разве это не одно и то же?

— Мало ли что я хотел! Все равно мы не можем попасть в будущее. А тут... Нет, у меня определенно дурное предчувствие. Нельзя взять туда такие вещи. Да-да, мое подсознание это запрещает. А подсознание — это, брат, тон-

кая штука. Ведь оно и есть истинный создатель нашей машины.

— Да что ты беспокоишься? Мы ведь уже вмешались в прошлое: отвезли туда носки, консервы, привезли марки...

— Ну, такая чепуха не может повлиять на ход истории. А телевизор — совсем другое дело. Ведь их тогда вообще не было. Понимаешь? Их еще не изобрели. Они появились гораздо позже.

Я хлопнул себя по лбу.

— Послушай, гениальная идея! Ведь в 1946 году мы уже жили. Были еще детьми. Вот нам и надо встретиться с нами же. Или с нашими отцами... Мой отец умер три года назад... Давай, а? Я бы ему кое-что посоветовал, например какие акции нужно купить. Или сообщил бы, когда начнутся корейские события...

— Ты просто с ума сошел! — замотал головой Микита. — Нет, все-таки ты удивительный человек. Как только тебе это пришло в голову? Разве они поверят? И главное, встреча с самим собой — что может быть опаснее в путешествии по времени? Нет, мое подсознание решительно против!

— Может быть, тогда остаться в 1946 году? А? Что, если запомнить побольше исторических фактов и стать прорицателем? Здорово?.. Впрочем... как же все получится? Ведь я уже жил там раньше. Значит, теперь мне придется жить в двух лицах: одному будет тридцать три года, другому — пятнадцать. Который же из них настоящий?..

В голове у меня все перепуталось, даже виски заломило. Микита посмотрел на меня очень серьезно, даже хмуро и опять сказал: «Нет!»

Однажды, просматривая журнал, я наткнулся на биографию Дзиро Тангэ. Этого гениального художника сейчас знают все. Недавно открылась его персональная выставка. Работы Тангэ пользовались шумным успехом. Критики надрывались, превознося его талант.

Оказалось, что раньше он был очень беден. В послевоенное время вел полуголодное существование, у него даже не хватало денег на краски. Лишь в 1947 году одна из его картин получила премию на Выставке изобразительного искусства Японии. С того и начался его путь к славе.

Я углубился в изучение биографии великого художника, а Микита думал вслух и нудно бубнил себе под нос:

— И надо же, такая чертовщина: эта дурацкая машина вечно попадает в один и тот же отрезок прошлого, и в самое неблагоприятное время — послевоенные годы. Пожалуй, верно, что время спиралеобразно. Я все думаю... Существует же такая теория, что если в будущем, где-то на далеких витках спирали, машина времени уже создана, то люди из той эпохи свободно могут приехать в наше время или в любой другой отрезок прошлого. Но что-то пока мне не встречались эти путешественники. Наверно, в будущем еще не изобрели машину времени... Хотя в некоторые прошедшие эпохи наблюдались явления, которые прямо указывали на существование машины времени. По-пробуй тут разберись... По-моему, вывод только один: машина времени ограничена в своем передвижении, она может передвигаться толь-

ко в тех точках, где соседние витки сжатой спирали соприкасаются...

Я не слушал Микита, меня увлекла статья.

— Микита, ты что-нибудь смыслишь в живописи?

— В живописи? Нет, ничего не смыслю.

— Но Дзиро Тангэ ты знаешь?

— Конечно. Но только понаслышке. Что это тебе вдруг пришло в голову?

— Вот, читай. Дзиро Тангэ получил премию на Выставке изобразительного искусства Японии 1947 года. Понял? Это ведь немногим позже того времени, в которое мы попадаем на нашей машине. Картина, удостоенная премии, вызвала всеобщее восхищение. С тех пор он и получил признание как один из крупнейших художников. А раньше он так бедствовал, что даже подумывал совсем бросить живопись. Это просто находка для нас!

— Как так находка?

— Ну и болван же ты! Мы можем встретиться с ним и купить за бесценок картины, которые потом будут стоить баснословных денег.

— Н-да! — выдавил Микита и нахмурился, обдумывая мое предложение.

Мы очень тщательно разработали план действий. Кажется, он не страдал никакими недостатками. Мы несколько раз съездили в прошлое и продали значительную партию консервов. Вырученные деньги спрятали на территории синтоистского храма. Разумеется, храма 1946 года. В часы, которые оставались до отлета, мы пытались разузнать, где живет Дзиро Тангэ. Это оказалось нелегкой задачей. Имя безвестного молодого человека никому ничего не говорило.

Наконец однажды, по возвращении в насто-

ящее, Микита решился и позвонил Дэиро Тангэ, выдав себя за сотрудника газеты.

— Наша газета, сенсей, собирается напечатать вашу краткую биографию... Скажите, пожалуйста, где вы проживали после поражения 1945 года?

— Где? Да я тогда только-только вернулся в Японию после демобилизации, дома у меня не было, кочевал, — ответил метр.

— А в 1946 году?

— В 1946-м? Погодите, сейчас вспомню... Ах да! Жил против железнодорожной станции Нисиогикубо, рядом с банями. Снимал комнату у Нисида.

— А точного адреса не помните?

— Ну, что вы, конечно, не помните. Да разве это нужно для моей биографии?

— Нет, нет, это не обязательно. Благодарю вас, сенсей. Простите за беспокойство.

Микита поспешил положил трубку. Мы ликовали: наша цель была почти достигнута.

В этот же день Микита отправился в 1946 год разыскивать Дэиро Тангэ. Он довольно быстро нашел дом Нисида — грязное, полуразвалившееся здание, правда не пострадавшее от бомбёжки. Соседи подтвердили, что на втором этаже действительно снимает комнату человек по имени Дэиро Тангэ. К сожалению, его не оказалось дома. Ждать Микита не мог: его время было на исходе.

В следующий раз отправился я. Мне повезло: художник был дома. Когда я постучал, дверь открыл очень бледный молодой человек с 'лихорадочно блестевшими глазами'.

Я быстро осмотрел комнату. Посредине стола мольберт с недописанной картиной. Я мало что понял — какой-то темный клубок, абстрак-

ция. В углу было еще несколько картин небольшого размера. Прямо на циновке валялись котелок, духовка, ломтики батата, кожура от мандаринов.

— Чем могу служить? — спросил бледный молодой человек.

— Хочу купить ваши картины, — нарочито высокомерно ответил я.

Тангэ вспыхнул, потом снова побледнел.

— Мои картины не продаются! — отрезал он, изо всех сил стараясь ответить с таким же высокомерием. Но голос его звучал так слабо, что я едва разобрал слова. Бедняга совсем обессилел от голода.

— Вот еще! Буду я с тобой спорить! — сказал я и вытащил из-за пазухи толстую пачку десятиеновых ассигнаций. Ту самую, которую мы прятали на территории храма.

Я небрежно швырнул деньги на циновку. Он уставился на них почти безумным взглядом.

— Беру все картины. Идет?.. Ну, почему ты молчишь?

Тангэ колебался еще минуту. Потом едва заметно кивнул. Я успел прочитать в глубине его глаз и радость, и горькую печаль. Но мне было не до сантиментов — я занялся картинами. Вдруг молодой человек робко спросил:

— И эту вы тоже хотите взять?

— Разумеется.

— Но... она не закончена.

— Это не имеет значения!

Больше я не произнес ни слова. Картины были небольшого формата, они без труда поместятся в машине. Оставив совершенно растерянного Тангэ, я вышел на улицу.

Когда я вернулся, Микита пришел в полный восторг.

— Одна, две, три... — считал он картины, — шесть штук! Да это целое состояние!

— Если удастся попасть на два-три месяца позже, может быть, еще что-нибудь раздобудем...

— Не спеши и не жадничай! Нам и этих за глаза хватит. Видишь — и подписи есть, все в порядке. Жаль только, что вот эта картина незаконченная. Хотя, может быть, за нее еще дороже дадут...

На следующий день мы пошли к одному торговцу картинами. Наши сердца просто отяжелели от надежды.

И тут произошло что-то странное. Мы просто не верили своим ушам. Торговец сказал:

— Дзиро Тангэ? Первый раз слышу это имя. Это его картины? Придется вам обратиться к кому-нибудь другому. Мне очень жаль, но я занимаюсь только крупными художниками...

Сначала мы опешили, потом страшно возмутились, решив, что имеем дело с круглым идиотом. Пошли к другому. Результат был тот же: художника по имени Дзиро Тангэ не существует. Во всяком случае, в числе знаменитостей его нет.

Пришлось усвоить эту истину, хотя нам казалось, что все торговцы с ума посходили.

— Что же такое происходит?! — воскликнул я, теряясь в догадках.

— Не знаю, — раздраженно бросил Микита.

Он помолчал немного, потом очень серьезно сказал:

— Очевидно, мы слишком вмешались в прошлое. От этого и настоящее изменилось...

— Как так?

— Понимаешь, как только я увидел незаконченную картину Тангэ, она показалась мне очень знакомой. И вот сейчас я просто уверен, что это та самая картина, за которую он получил премию на выставке 1947 года. Но... раз мы ее взяли в 1946 году... Значит, он уже не мог представить ее на выставку и, следовательно, не получил никакой премии. И знаменитым не стал. Вот в чем дело...

— Ну да... Ведь я купил у него целых шесть картин, оставил ему кругленькую сумму. Да что говорить, мы просто облагодетельствовали этого доходягу Дзири. Посмотрел бы ты на него — он шатался от дистрофии! А с нашими деньгами парень наверняка ожила. Небось и еды накупил, и на краски хватило. Теперь ему только писать и писать. На сытый-то желудок и картины лучше получаются.

— А вот и нет! — хмуро пробормотал Микита. — В настоящем Дзири Тангэ не существует. Тогда, в 1946 году, денежки-то к нему как с неба свалились. Запил он, наверно, на радости. А вся его жизнь была в той, незаконченной картине... Теперь — все. Пьянствует без просыпу, хлещет дрянь какую-нибудь, вроде самогона.

— И что же с ним случилось?

— А я почем знаю? Либо спился, либо с голода помер... А может, и еще что-нибудь. Может, он не пропил деньги, а купил на них какую-нибудь лавчонку и теперь торгует мылом или спичками. Не знаю, не знаю... Ясно только одно: мы похоронили гениального художника.

— Что же нам теперь делать?

— Гм-м... — Хотелось бы еще несколько раз

съездить в прошлое. Попасть бы в более позднее время и вернуть ему картины. Но возможно ли это? Я предчувствую, что наша машина времени вот-вот развалится. Это мне подсказывает мое подсознание.

— Но, может быть, ты построишь новую?

— Вряд ли получится. В последнее время я не вижу вообще никаких снов.

Микита замолчал, насупившись. Потом посмотрел мне в глаза и, чуть заметно усмехнувшись, сказал:

— А не лучше ли нам вернуться в психиатрическую больницу? Вместе, а? В одну палату...

Синити Хоси

ТАБАК

Новогоднее утро. Господин Кэй сладко потянулся в постели. С соседнего двора долетал мерный стук ханэ *. Наверно, девочки проснулись спозаранку и уже играют. В окно светило ласковое солнце. Из столовой раздался голос жены:

— Не пора ли вставать? Вот соня! И дзони ** уже сварилось.

— А-а... — Господин Кэй не то зевнул, не то пробормотал что-то в ответ. Он привычным жестом потянулся к изголовью, пошарил было на ночном столике, но тут же вспомнил вчерашний разговор и убрал руку.

Вчера вечером, когда они с женой смотрели по телевизору новогоднюю программу, господин Кэй принял великое решение: с Нового года бросить курить. Ведь нет на свете дела более бессмысленного, чем курение. Табак вредит здоровью: плохо действует на легкие, сердце, сосуды. И потом, иногда зазеваешься, бросишь окурок мимо пепельницы — тут и до пожара недолго. О своем решении он сказал жене:

— Дорогая, с Нового года я бросаю курить.

— Что это тебе вдруг пришло в голову? — удивилась она. — Зачем себя насиовать? Мы ведь не нуждаемся, денег на такое маленькое удовольствие, как табак, вполне хватает. Да и куришь ты мало. Не думаю, чтобы это вредило твоему здоровью.

---

* Ханэ — новогодняя игра для девочек, типа бадминтона.

** Дзони — новогоднее кушанье.

Жена господина Кэя отлично знала своего мужа, потому и возражала. Но он, что называется, вошел в раж и упорно настаивал:

— Нет, непременно брошу, вот увидишь!
С завтрашнего утра не курю.

И он лег спать.

Однако утром он уже не чувствовал такой твердой решимости. Лежа в постели, он ворочался с боку на бок и что-то бормотал себе под нос. Действительно, зачем себя насиливать? Вот так сразу взять и бросить. Может быть, это даже вредно... Ведь такая многолетняя привычка. Разумеется, у него достаточно силы воли, чтобы бросить сразу. Только зачем — вот в чем вопрос. Нет-нет, это дело серьезное, надо все хорошенько обдумать, а без сигареты, пожалуй, и не обдумаешь. Придется закурить. Выкурить одну-единственную, последнюю. Кроме того, это просто предательство по отношению к сигаретам — фигулярно выражаясь, не поцеловаться на прощание. Они столько лет служили ему верой и правдой. Убедив себя подобными рассуждениями, господин Кэй снова потянулся к ночному столику.

Однако он ничего не нашупал. Приподнявшись, господин Кэй удивленно заморгал. Где же они? Ведь вечером, он отлично помнит, здесь лежало все: и сигареты, и пепельница, и зажигалка. Он протер глаза, но это не помогло. «Может быть, я сплю?» — подумал господин Кэй и ушипнул себя изо всех сил. Боль была, но сигарет по-прежнему не было.

Ага, все ясно: это жена куда-то спрятала. Видите ли, хотела помочь осуществить его ре-

шение! И вечно она лезет не в свое дело! Нарать бы на нее хорошенько, да неохота скандалить в первый день Нового года. Тем более что он сам заявил ей об этом. Теперь уж неудобно идти на попятный. Ах, дурак, дурак! И кто его тянул за язык? Делать было нечего. Господин Кэй встал, умылся и уселся за стол.

Позавтракав, он просмотрел поздравительные открытки, потом вышел на веранду, удобно устроился в кресле и развернул газету. И тут заглохшее было желание подступило с новой силой. Он явно ощущал теплый вкус дыма, в горле защекотало, рот наполнился слюной. Господин Кэй минут десять боролся с собой, потом не выдержал и, спрятав поглубже свою гордость, произнес:

— Послушай... Конечно, вчера я принял решение... Но одну-то можно?

— Что — одну? — отозвалась жена. — Бутылочку сакэ?

— Да нет, я про сигареты.

— Как ты сказал — си-га-ре-ты? А что это такое? — На ее лице отразилось неподдельное недоумение.

— Ну, прошу тебя, дай закурить! Ты же прекрасная жена, и я тебя очень люблю. И что мне особенно нравится в тебе, так это чувство юмора. Ты, верно, вспомнила один смешной рассказ. «Сибахама» — так он, кажется, называется. Там жена прячет кошелек, найденный мужем на улице, и уверяет, что все это ему приснилось. Вот и ты, наверно, спрятала все, что может напомнить мне о куреве. Я понимаю, что ты из самых лучших побуждений. Однако не забывай: курить не преступление. Конечно, может быть, стыдно, что я поколебался в своем решении. Но так хочется ку-

рить — прямо смерть! Дай, пожалуйста, одну сигаретку! Всего одну!

— Милый, я бы дала тебе все что угодно. Все, что у меня есть. Но как же я дам то, чего сама не имею? Поверь мне, не буду я врать с самого первого дня Нового года: я даже не понимаю, о чем ты говоришь. Что значит «сигарета»?

— Хватит меня разыгрывать! Я не ребенок, в конце концов. Но, уж если ты хочешь, чтобы я объяснил, пожалуйста. Сигарету берут в рот, прикуривают от горящей спички, курят, потом бросают в пепельницу. Подумать только, ты и пепельницу спрятала! А если гости придут?

— Спички есть. А вот что такое пепельница — я тоже не понимаю...

Господин Кэй внимательно посмотрел на жену и пожал плечами. Они были женаты уже не первый год, и он прекрасно ее изучил. Если она говорила неправду, он всегда угадывал. Сейчас жена казалась совершенно искренней.

Господин Кэй оторвал от газеты клочок бумаги, свернул его трубочкой, зажал в зубах закрутку, принес из кухни спички. Жена внимательно наблюдала за ним. На лице ее появилось выражение полного недоумения. И, когда он чиркнул спичкой и хотел «прикурить» свою газетную закрутку, она испуганно вскрикнула:

— Да что с тобой?! Что ты делаешь? Обожгешься! Разве можно так баловаться со спичками! Ей-богу, ты не в своем уме!

— По-моему, это ты не в своем уме! Нет, ты действительно забыла, что такое сигареты?

— Забыла? Да я в первый раз слышу такое

слово! Что это? Свечи, что ли? Или инструмент для фокуса?

— Ну, ладно, ладно. Успокойся.

Господин Кэй рассердился и немного испугался. Что-то с ней творится странное. Уж не заболела ли?.. Надо во всем как следует разобраться. Успокоиться самому и все обдумать. Вот сейчас он закурит сигарету... Ах, ты, черт! Сигарет-то и нет...

Надев гэта*, господин Кэй спустился в палисадник. Он вспомнил, что иногда бросал туда окурки. Надо их отыскать. Противно, конечно, они небось загрязнились. Но ничего не поделаешь... Согнувшись в три погибели, он обшарил весь палисадник, но нигде не нашел ни единого окурка.

Господин Кэй пошел к черному ходу и открыл крышку мусорного ящика. Но ни пепельницы, ни сигарет там не было. Значит, жена их не выбрасывала.

Может, он сам? Эта мысль уже давно вертелась у него в голове. А что, если он во сне поднялся и, подчиняясь принятому решению, сам выбросил и сигареты, и пепельницу, и зажигалку?.. Но здесь же ничего нет. Значит, никто ничего не выбрасывал. Он снова обошел весь палисадник. На дорожках и газоне не то что окурка, а ни единой пылиночки не было.

Он уселся в кресло на веранде. Развернул газету. Ничего особенного — праздничные новогодние статьи. Никаких чрезвычайных происшествий. Господин Кэй отложил газету, закрыл глаза и попробовал вздремнуть. Но разве тут вздремнешь? Как только он закрыл гла-

---

* Гэта — род сандалий или босоножек на деревянной подошве, без задника, с двумя полосками кожи.

за, перед ним тут же появилась отличная, ароматная сигарета с красным кончиком. Вверх текли фиолетовые струйки дыма. Он так ясно видел ее, что даже почувствовал зуд между указательным и средним пальцами. Господин Кэй вскочил.

— Пойду пройдусь немножко, слышишь? — крикнул он жене. — Куплю сигарет.

— А разве они тут продаются? — ответила она.

Он не придал значения ее словам. Пусть себе сомневается и удивляется. В конце концов, он не виноват, если с ней приключилось что-то странное.

Господин Кэй надел пальто и вышел на улицу. Все было, как всегда. Хорошая погода, праздничное настроение. Люди неторопливо прогуливаются. Девушки в ярких, нарядных кимоно. Молодые люди в новеньких костюмах. По-видимому, ничего чрезвычайного не произошло. Ну и прекрасно: сейчас он купит сигарет, и все встанет на свое место. Вот и киоск, где он всегда покупает сигареты...

Но... что за дьявольщина?! Господин Кэй чуть не закричал. Табачный киоск исчез. То есть сам-то киоск не исчез, но вывески не было. Еще можно понять, что он закрыт, — сегодня ведь Новый год. Но вывеска... Не утащил же ее торговец к себе домой? Неужели разорился? Какая нелепость — закрыть торговлю, прекратить существование в канун Нового года...

Впрочем, все ведь бывает. Наверно, задолжал, не погасил долгов своевременно, ну и пришлось закрыть лавку... Жаль беднягу. Такой вежливый был, обходительный... Господин Кэй почесал в затылке и решил дойти до стан-

ции электички. Это не так уж далеко. На станции есть буфет. Он работает без выходных, даже в праздники.

Однако странности не прекращались. Еще один табачный киоск, по дороге на станцию, тоже, кажется... И вывески нет, и вообще никакого намека на то, что здесь торговали сигаретами. Господин Кэй все больше и больше хмурился.

Кто его знает, что происходит... Может быть, забастовка профсоюза торговцев табачными изделиями? Весьма вероятно. Причин сколько угодно — хотя бы малые прибыли. Знал бы заранее, так закупил бы впрок. Впрочем, забастовка, наверно, скоро кончится. Потребители поднимут такой шум, что табачникам тошно станет... Размышая таким образом, господин Кэй дошел до станции.

Вот и буфет. Господин Кэй уже подготовил мелочь и шагнул к стойке. Сейчас, сейчас... Сейчас он закурит, ух, и затянется! Он проглотил слюну... и вытаращил глаза. На прилавке было все что угодно, только не сигареты... Нигде ни одной пачки.

Господин Кэй отошел от буфета и остановился в некотором отдалении. Он провел рукой по глазам, погладил подбородок. Что же это такое? Как видно, у него, а не у жены голова не в порядке. И к буфету подходить боязно. Начни он объяснять, что к чему, длинно и нудно, да еще показывать на примере с газетной закруткой, пожалуй, на него посмотрят как на сумасшедшего. Еще угодишь в психиатрическую клинику. Только этого недоставало... Но все-таки как это могло случиться, что весь табак бесследно исчез за одну ночь... Странно...

Украдкой, скосив глаза, господин Кэй на-

блудал за буфетом. Он ждал, что вот-вот кто-нибудь придерется, потребует сигарет и начнется скандал. Тогда он тоже присоединится к покупателям. Уж он такое устроит!.. Он ждал и ждал, но ничего не происходило. Люди подходили, покупали бутерброды, пили пиво, расплачивались и спокойно удалялись.

Господин Кэй огляделся кругом. Ни одного курящего. Огромная уродливая урна, стоявшая при выходе на перрон, тоже исчезла. Просто безобразие, и все. Ему даже обидно стало за сигареты.

Он пошел домой другой дорогой. На всякий случай. Но, как он и думал, все магазины были закрыты. Открыт только пачинко *, но среди премий сигарет не было. Последняя надежда рухнула.

Господин Кэй понял, что достать сигарет не удастся, однако желание курить от этого не уменьшилось. Даже наоборот — увеличилось. Оно стало мучительным, как зубная боль. Господин Кэй уже не смотрел по сторонам — он смотрел под ноги. Хоть бы какой-нибудь окурочек, самый заваляющий, самый замусоленный. Хоть щепоточку табаку, хоть крошку... Нет, ничего похожего ему не попадалось.

— А-а, пришел? — встретила его жена. — Ну, купил то, что хотел?

— Нет! — отрезал господин Кэй и заперся в своей комнате.

А желание курить возрастало с каждой минутой. Какая мука! Он пробовал жевать конфеты, грызть карандаш — все напрасно. Это проклятое желание никак не обманешь. На-

---

* Пачинко — заведение, где находится игральный автомат.

верно, оно такое сильное потому, что нет сигарет — вообще нет! Господин Кэй затопал ногами, заскрежетал зубами, стукнул кулаком по столу. Потом он заплакал. Слезы застлали глаза, на секунду он перестал видеть. Тыльной стороной руки смахнул слезы и...

...На краю стола лежала пачка сигарет. Галлюцинация, бред?! Сердце у него бешено заколотилось, он и верил и не верил. Сейчас она опять исчезнет... Да нет же, нельзя этого допустить! Его рука действовала сама по себе, независимо от разума. Рука схватила пачку, выдернула из нее сигарету, сунула в рот, чиркнула спичкой — спички лежали тут же.

О, блаженное ощущение! Это уже не галлюцинация. Милый, горький, едкий вкус дыма! Господин Кэй делал затяжку за затяжкой и наконец почувствовал себя человеком.

Тут он заметил валившуюся на полу склянку. Читая на этикетке текст, напечатанный мелким шрифтом, господин Кэй вспомнил, что вчера вечером, после того как было принято великое решение, они вместе с женой проглотили по одной таблетке этого нового лекарства.

«...новое патентованное средство, над которым пришлось немало поработать химикам, фармацевтам и биологам, чтобы помочь людям, бросающим курить. Удивительные свойства!!! Человек некурящий после приема одной таблетки вскоре забывает все, что связано с курением. Слова «табак», «сигареты», «папиросы», «пепельница» полностью исчезают из его памяти. Однако на людей, отправленных никотином, наше средство оказывает иное действие: они помнят, но перестают видеть и осознавать табачные изделия. Происходит явление,

сходное с дальтонизмом, когда человек вместо одного цвета видит другой. Средство действует примерно в течение двенадцати часов. Как только его действие прекращается, немедленно принимайте следующую таблетку. Вскоре вы достигнете желаемого результата и совсем бросите курить...»

Господин Кэй еще секунду подержал склянку, потом выбросил ее в мусорную корзину под столом. Его переполняло счастье. Насвистывая веселенькую мелодию, он выбежал из комнаты и бросился к жене. Она сидела у окна с вязанием и не заметила, как он вошел.

Господин Кэй наклонился и гаркнул ей в самое ухо:

— А сигареты-то нашлись!

Она вздрогнула, выронила вязанье и недовольно сказала:

— Ну, что ты кричишь из-за пустяков?!
Я чуть не оглохла!

Синити Хоси

НАДЕЖДА

Семь часов утра.

В сонной тишине комнаты что-то щелкнуло. Механическая кровать колыхнулась и начала мерно покачиваться. Микрофон, вделанный в изголовье, сказал громким шепотом:

— Доброе утро! Пора вставать! Сегодня — первое августа 2003 года. Желаю вам, чтобы этот день был таким же благополучным, как и все остальные...

Господин Ная вскочил, даже не дослушав до конца навязшую в зубах фразу. Вообще-то поднять его с постели не так просто. Голосу, записанному на пленку, приходится хорошенько потрудиться. Сначала микрофон говорит тихо и вкрадчиво — шелестит, как легкий утренний ветерок. Потом ветер крепчает. Но господин Ная упрям. Он встает только тогда, когда барабанные перепонки почти лопаются от гневного грома: «Доб-р-р-р-ое ут-р-р-р-о! По-р-р-а вставать!» Но за последнюю неделю с господином Ная что-то случилось. Он стал вести себя, как примерный школьник: вскакивает, лишь только заслышил первую фразу.

— Ладно, заткнись... — проворчал он, нащупывая босыми ногами шлепанцы, — не видишь, дурак, что я уже встал?.. О-х-о-х... Неужели сегодня, а? Нет, правда, почему бы и не сегодня?! У меня предчувствие — вон как сердце ёкает...

Кровать автоматически сложилась и, пискнув, как мышь, исчезла в стене. Обеденный стол не то мяукнул, не то вздохнул — это электронный повар начал готовить завтрак.

Господин Ная жил один, снимал комнату на тридцатом этаже большущего дома. Каждый день таскался на службу в фирму, производившую пищевые концентраты для космического туризма. Так себе работенка, скучноватая. Да и жизнь, в общем, унылая.

Однако в последнее время в лице господина Ная словно бы прибавилось красок, да и движения стали живее.

Танцующей походкой он пересек комнату, подошел к окну и высунулся наружу. Несмотря на ранний час, солнце уже плавало в белесом знойном мареве. Но в комнате было хорошо: теплонепроницаемое стекло помогало поддерживать прохладу. Химически очищенный воздух слегка пах мятой.

Но сердце господина Ная колотилось и грудь его жгло. В ней полыхало такое же пламя, как в установке, на которую он теперь смотрел.

Установка очень простая — самый обыкновенный инкубатор, внутри которого поддерживается определенная температура и влажность. Инкубатор был небольшой, в нем лежало лишь одно яйцо, но внушительных размеров.

Сейчас все помыслы господина Ная принадлежали этому яйцу. По данным, полученным в библиотеке, сегодня из него мог вылупиться птенец.

Господин Ная раздобыл яйцо несколько дней назад. Однажды в воскресенье он посетил своего друга, господина Эр. Тот послал ему телеграмму: «Недавно перебрался за город, приезжай погостить».

— Давненько мы не виделись! — пожимая руку приятелю, сказал господин Ная. — А ты, кажется, процветаешь.

Господин Эр улыбнулся.

— Да, в общем, живу неплохо. В последнее время я занялся одним делом... Понимаешь, приходится вращаться в высших сферах. Ну, вот... обзавелся домиком, садиком.

— Отличный сад! И газон какой аккуратный! И пруд есть!

Честно говоря, сад и пруд мало волновали господина Ная. Но то, что он увидел на пруду, поразило его воображение. У него даже голос зазвенел от восторга:

— Какая прелесть!

— А-а... ты про лебедей...

Лебедей было четыре. Они плавно скользили по глади вод. Белоснежные, крупные, с тонкими, изящно изогнутыми шеями, они казались духами этого озерца.

— Я видел их только в зоопарке. Какие красавцы!

— Да, удивительные птицы. Придешь домой после тяжелого трудового дня и увидишь, как они плавают, — так просто душа отдохнет...

— Как же ты их достал? Купил, что ли? Даже не представляю, сколько они стоят. Наверно, бешеные деньги.

— Разумеется. Ведь, по данным статистики, мировое поголовье лебедей катастрофически уменьшается. Их осталось совсем мало. Только очень богатые люди могут позволить себе держать лебедей. Это меня и привлекло.

— Что-то я не совсем понял...

— Да очень просто! Лебеди и есть мое дело. Я начал торговать этими милыми птицами. Теперь поставляю их высшему обществу. И результаты очень неплохие. Деньги есть, сам видишь.

— Ах, вот оно что! — господин Ная с искренним восхищением посмотрел на приятеля. — А ты голова!

Потом выдохнул и попросил:

— А можно посмотреть на них поближе?

— Пожалуйста. Давай выйдем в сад.

Они остановились на берегу пруда. Господин Эр свистнул, и лебеди поплыли к ним. Они двигались бесшумно, не поднимая брызг. Вода оставалась голубой и прозрачной. Внизу скользили их отражения. Все было, как на старинной картинке.

Господин Эр свистнул еще раз, и лебеди вышли на берег. Хлопая крыльями, они приблизились к людям.

— Подумать только, совсем ручные! — не переставал удивляться господин Ная.

Ласково поглаживая головы птиц, господин Эр ответил:

— Да, но дело тут не в приручении.

— А в чем же?

Господин Ная легонько скользнул пальцами по изящной шее одного лебедя. Ощущение мягкого пуха было упоительным. Птицы совсем не боялись людей.

— Видишь ли, я занялся селекцией и вывел новый вид. Они теперь сами привыкают к людям, ну, скажем, как кошки или собаки. Иначе никто не стал бы их покупать. Ведь дрессировка — дело сложное... Долго я над этим бился, зато результаты блестящие.

Очень довольный собой, господин Эр сиял, излучая улыбки. Он снова свистнул, и лебеди вернулись в воду. Три птицы медленно поплыли к середине пруда, а четвертая заскользила вдоль берега, к развесистым ивам, под которыми было гнездо.

Господин Ная смотрел, как зачарованный. В этот момент он ненавидел свое повседневное электронно-автоматическое окружение, все эти умные приспособления и устройства, эти мерзкие новомодные штучки-дрючки. Лебеди — теплые, нежные, волшебные птицы... Вот она — настоящая жизнь!

Наконец он не выдержал:

— Послушай... А ты не мог бы... уступить мне одного? Одного-единственного!

Господин Эр смущенно покачал головой.

— Прости, никак не могу. Я ведь только-только начал торговать ими. И цены на лебедей очень высокие. Тут уж ничего не поделать — иначе прогоришь.

— А сколько они стоят?

Сумма была такая, что у господина Ная просто волосы дыбом встали. Да, и думать нечего... С его-то теперешними доходами... А лебеди все плавали и плавали, и сердце господина Ная готово было выпрыгнуть и плюхнуться в пруд вслед за ними. Он начал канючить, как ребенок:

— Да ладно, чего там... Ну, что тебе стоит? Ну, не будь жмотом, а? Дай одного, какой похуже, а?..

Но господин Эр остался непреклонным.

— Пожалуйста, не сердись на меня. Мы с тобой старые друзья, и мне очень неприятно тебе отказывать. Но пойми, у меня у самого очень мало лебедей. Подожди немного, через годик-другой их станет больше, соответственно и цены понизятся, тогда бери хоть пару. А сейчас не могу, право, не могу...

Годик-другой... Господин Ная не мог ждать и дня. Но настаивать было неудобно.

— Очень, очень жаль!

— Прости уж меня и потерпи немного.
А сейчас давай выпьем. Прямо тут, на берегу
пруда. За лебедей. Пойду приготовлю.

Пока господин Эр ходил за раскладным столиком и вином, господин Ная пошел посмотреть гнездо. Там лежали шесть яиц. На лбу у него выступил пот, коленки задрожали. Воровато оглянувшись, он протянул руку к гнезду, потом отдернул, потом снова протянул. Искушение было слишком сильным. Когда гостеприимный хозяин вернулся, у гостя в кармане лежало лебединое яйцо.

Потом весь вечер его мучила совесть, но все-таки он унес яйцо домой.

Оно-то и лежало теперь в инкубаторе. Кажется, все обошлось благополучно. Господин Эр ничего не заметил. Господин Ная теперь постоянно находился в крайнем напряжении. Он понимал, что малейший промах приведет к крушению всех его надежд. Действительно, если птенец не вылупится, второго яйца ему уже не достать. Все свободное время он просиживал в библиотеке, выписал кучу книг, стоявших под рубрикой «Птицеводство», с упоением читал и перечитывал толстые учебники и тощие брошюры с заманчивыми названиями: «Лебеди и современность», «Осторожно — яйца!», «А все-таки оно проклюнется!» и пр.

Дни летели. Время текло как вода. Но господин Ная был счастлив. Он уже видел птенца. Сначала смешного и неуклюжего. Потом — приобретающего благородные очертания. И наконец — превратившегося в совершенного, неправдоподобно прекрасного лебедя. Да-да, в углу комнаты надо будет устроить бассейн. Дороговато? Ерунда! Можно отказаться

от бифшексов, вина, острых соусов и вообще всех этих блюд, которые только портят желудок и ведут к отложению солей. Можно также продать телевизор; птичке в период роста будут мешать кричащие рекламы и старинные гангстерские и ковбойские фильмы: они возбуждают нервную систему и создают нездоровые настроения. А лебедь должен быть здоровым, гармонично развитым. Но как быть с кормом? Ничего, в общем, это тоже не проблема. Придется дать новую программу электронному повару...

...Вот он возвращается с работы. Переступает порог комнаты. Издает легкий свист. И лебедь выходит из бассейна и трется шелковистой головой о его колени... Боже! Каякая жизни!.. И это не сон, не пустая мечта, а самая настоящая реальность! И так будет!..

Господин Ная не мог сдержать улыбки. И вдруг улыбка сменилась выражением крайнего напряжения: на яйце образовалась крошкая трещинка. О-о! Вот он, долгожданный миг!

С обеденного стола доносились аппетитные запахи, автоповар уже раз десять повторил: «Завтрак подан», но господину Ная было не до завтрака.

— Сейчас, сейчас...—шептал он в экстазе,— сейчас он выпустится! Ах, ты, мой дорогой! Ах, ты, мой маленький...

Трещинка на яйце постепенно увеличивалась. Но птенец почему-то все не появлялся. Даже клюва не было видно. Господину Ная это показалось странным. Он уже протянул руку, чтобы потрогать яйцо,— и в этот момент из-под скорлупы раздался голос, отвратитель-

ный, скрипучий, куда противнее, чем у автоповара или автобудильника:

— Дамы и господа, покупайте лебедей! Покупайте лебедей, изготовленных торговой фирмой Эр. Лебеди придают уют жизни. Лебеди украсят ваш сад, помогут вам мысленно перенестись в доброе старое время. Покупайте лебедей-роботов, ничем не отличающихся от настоящих... Они появляются на свет совершенно ручными. По вашему свистку они могут выполнять все запрограммированные движения — плавать, ходить, даже летать...

Господина Ная охватила жгучая ярость.

— Летать! — взревел он. — Я тебе покажу летать!

Он бросился к яйцу и с размаху швырнул его на пол. Оно разбилось вдребезги. Но маленькая установка продолжала работать: очевидно, она была противоударной. Рекламный текст все повторялся и повторялся, сопровождаемый волнующими мелодиями из «Лебединого озера».

И тогда господин Ная взял тяжеленную хрустальную вазу, до неприличия устаревшую, подаренную ему еще прабабушкой — на редкость упрямой старухой, которая до конца дней так и не пересмотрела своих взглядов, — и, хорошенъко прицелившись и точно рассчитав силу удара, опустил ее на омерзительную, ненавистную установку...

Раздался хрип, треск, потом все смолкло.

Через минуту из угла комнаты вынырнул автомат для уборки, собрал обломки и выбросил их в мусоропровод.

А господин Ная продолжал стоять, сжимая хрустальную вазу, на которой не было даже царапинки. По его щекам текли слезы.

Ясукуни Такахаси

ПЕСНЯ МОРСКИХ ГЛУБИН

День выдался на редкость спокойный, никаких происшествий.

Закончив обход морских глубин, патрульная подводная лодка 108 начала всплытие.

На широком экране наружного телеглаза мелькали темные, тяжелые слои воды, и сквозь них слегка проступал контур острой носовой части.

Глубиномер медленно сбрасывал метры. Вода на экране постепенно светлела, контур носовой части становился все более четким. Лодка казалась теперь густо-синей. Но по мере приближения к поверхности цвет ее менялся. Вот он стал ярко-голубым, потом зеленоватым.

Лодка походила на животное с защитной окраской.

Вода светлела все больше, и лодка, словно по волшебству, из зеленоватой стала темно-желтой, потом лимонной. Глубина теперь не превышала пятнадцати метров. Сюда уже проникал солнечный свет. Где-то наверху он колыхался на волнах и отbrasывал вниз причудливый узор. На корпусе корабля заиграли оранжевые блики.

И наконец, когда сверкающий, колышущийся потолок раскололся на миллион блесток, лодка приобрела свой настоящий цвет: в волнах замелькал ее ярко-красный нос.

На экране телеглаза отразилась прекрасная бухта Наруто. После мрачных глубин, где видимость ограничена, этот светлый мир казался неправдоподобно прозрачным.

— Всплытие! — доложил рулевой Вадзй, сидевший у пульта управления, покрытого циферблатами приборов, телевизорами и контрольными лампочками.

— Курс триста двадцать, полный вперед! — распорядился командир.

— Есть курс триста двадцать!..

— Есть полный вперед! — отчеканили рулевой Вадзй и механик Хира. Они легли на заданный курс, перевели лодку на автоматическое управление и доложили об исправной работе всех приборов.

Командир Киоки Фукэ был доволен. Он любил эти мгновения, когда лодка, меняя цвет, медленно всплывала, когда все части ее хорошо слаженного механизма работали четко и контрольные лампочки светились ровным светом, словно добрые, ласковые глаза. Киоки слегка улыбался и мысленно давал лодке ласкальные имена.

Приятно было слышать скучные слова рапорта. Его помощники — хорошие ребята. Исполнительные и вышколенные. И доложить умеют с блеском. Чувствуется старая, дедовская школа.

И главное, вокруг тишина и покой: ясное небо, прозрачная вода. Даже обидно немногопатрульной подлодке вроде бы и нечего делать.

На экране играли мелкие волны, прозрачно-зеленые, пронизанные лучами солнца. Стояла середина января, но краски напоминали летние. На гребнях стеклянных волн курчавилась легкая белая пена. Изредка набегали более высокие валы и оседали с мягким шумом, рассыпаясь на миллионы сверкающих брызг.

Фукэ на глаз определил высоту волн — не

более полуметра. Скорость ветра от трех до пяти метров в секунду.

Командир переключил ручку телеглаза на дальний обзор.

Справа возник светло-коричневый обрывистый берег острова Агадзи с черной пилой соснового бора. Слева — голубые горы, тянущиеся от Сикоку-Токусима до Наруто, а в центре, в глубине узкого коридора, — плотина, выкрашенная в широкую красную и белую полосу.

Экипаж лодки окрестил ее «парадной дверью».

Двадцать первый век проник и сюда и изменил древний облик моря.

Когда была построена плотина, пролив Наруто превратился в бухту, а остров Агадзи слился с островом Сикоку. Теперь возвышенность Агадзи защищала с востока «внутреннее море». Может быть, гармония пейзажа и нарушилась, но зато была решена проблема мелиорации района.

Освещенная прямыми лучами солнца красно-белая плотина высилась в центре экрана.

— Хороша погодка, просто что надо, — сказал рулевой Вадзи.

— Э-э, не торопись хвалить, — отозвался Хира, механик, — ведь море капризно, как женщина.

— Только не сегодня. Неужели не видишь? Сегодня этой причуднице лень даже пальцем пошевельнуть. Она отдыхает. Сама мне сказала, честное слово! — засмеялся Вадзи.

Прислушиваясь к их беседе, командир Фукэ задумался.

Интересно, кто первый сравнил море с женщиной? Наверно, какой-нибудь древний чело-

век, глядевший на капризное лицо своей подруги. Прошли столетия, наступил двадцать первый век, а люди до сих пор говорят: море изменчиво, как женщина. Тысячелическая, вздорная, взбалмошная женщина, у которой не один характер, а сотня. И все они отражаются на ее лице. Она удивительная, эта женщина, которую зовут Море. Самая ласковая на свете. Она умеет лучезарно улыбаться и дарить нежнейшие ласки. Умеет плакать так, что сердце разрывается. Но она и самая коварная. Разгневается неизвестно почему — и ты погиб. Наверно, за это ее и любят. Ведь человеческая натура не меняется. И море тоже не меняется. Не увядает, не стареет. И люди относятся к морю так же, как в старину. Разве что внешние отношения стали другими...

Вадзи продолжал развивать свою мысль:

— Ну, согласись, что наша красавица хоть раз в год да бывает в отличном настроении.

— Если бы так! Разве я против? — с улыбкой отвечал Хира.

Нечего им было делать в такой день, вот они и болтали. Оптимист Вадзи совсем заговорил немало повидавшего на своем веку Хиру.

— Да, хороший денек. Метеорологи не подвели. Ведь именно на сегодня назначен старт лунной ракеты.

— Метеорологи, говоришь? При чем тут они? Их наука все еще ходит в детских ботинках. А сегодняшнее предсказание — случайное совпадение, не больше.

— Да ладно тебе ворчать. Нельзя же отрицать, что сегодняшний день самый подходящий для старта. И нам хорошо — посмотрим телепередачу.

— Ш-ш! — Хира приложил палец к губам.

— Да смотрите, пожалуйста, я не возражаю,— улыбнулся командир.

Они замолчали.

На сегодняшний день был назначен старт ракеты «Кагуя-18», снабжавшей материалами японскую лунную базу. Космодром находился к северу от Цудзенди, на осущенных землях бухты Бёбура. Все знали, что командир ракеты Кида — давнишний соперник Фукэ.

Вадзи мог бы и промолчать. Но такой уж он был человек, бесшабашный, несдержанный,— что на уме, то и на языке. Вот и ляпнул про старт. Однако Фукэ это не трогало. Пожалуй, его больше раздражала подчеркнутая деликатность Хиры.

Когда-то Фукэ очень завидовал Киде, астронавту. Тот покорял космос, делал блестящую карьеру, о нем много говорили. А Фукэ только с тоской поглядывал на небо, когда его лодка поднималась на поверхность из мрачных морских глубин. Когда он думал о Киде, собственная неполноценность ощущалась особенно остро.

Они вместе учились на факультете космонавтики Объединенного института коммерческой навигации и всегда были соперниками в борьбе за первое место. Потом оба окончили с отличием, стали командирами космических кораблей. Фукэ уже грезились звуки фанфар и приветственные возгласы, но произошло несчастье — авария во время учебного полета. Он лишился ноги и вынужден был перейти в морское ведомство, на подлодку. Работа, конечно, тоже весьма почетная, но за нее никто не награждает аплодисментами.

Да, Киоки Фукэ страдал ужасно. Одно вре-

мя даже подумывал о самоубийстве. Но потом понял, что освоение моря пока что приносит куда больше пользы человечеству, чем покорение космоса. Для него началась новая жизнь. Но даже и сейчас упоминание о Киде, которого постоянно прославляли, отзывалось в его сердце легким уколом...

И дело тут было уже не в служебной карьере. Между ними встала любовь. Хира знал об этом.

Кида и Фукэ и здесь оказались соперниками. Оба любили Акиру Ран. Теперь она была женой Киды.

В те времена, когда на осущенных землях бухты Бёбура начались мелиоративные работы, Кида и Фукэ еще боролись за первое место на факультете и страстно мечтали о Великом звездном пространстве.

Акира Ран была дочерью начальника департамента электронной техники Мелиорационного центра Внутреннего моря. Мальчишеское имя * очень шло этой живой девушке с открытой и ясной душой. С первого дня знакомства она относилась к обоим юношам одинаково приветливо. Нередко они втроем совершали морские прогулки на быстроходном, как птица, судне или отправлялись к берегам соленого озера, образовавшегося после постройки плотины и прозванного оазисом. Они много говорили о будущем.

Акира, очевидно, ни одному не отдавала предпочтения, но оба связывали с ней мечты о будущем.

До знакомства с этой девушкой Фукэ, как и

---

* Акира — мужское имя; в переводе означает «ясный».

подобает современному молодому человеку, с пренебрежением говорил о любви, описанной в литературе прошлого века. Он называл любовь «хвостом единобрачной системы». Но теперь Акира завладела его сердцем. Она стала той единственной, с которой он хотел бы прожить жизнь.

Однажды Фукэ сидел вдвоем с Акирой на холме, где раскинулся мандариновый сад, оставшийся от старых времен. Они смотрели на огромную равнину; она была залита электрическим светом, который превращал ночь в день. Оттуда доносился грохот стройки. На светлом небе уже вырисовывались очертания нового города. Акира долго смотрела вдали, потом бросила быстрый взгляд на Фукэ и прошептала:

— Ты хороший парень, Фукэ. Я тебя очень уважаю, очень...

Эти слова запечатлелись в его сердце, как и ночной пейзаж, полный мечты и надежды.

Фукэ решил, что завоевал любовь Акиры. Нет, он не был самоуверенным, просто такая девушка, как Акира, не могла лгать. Но вскоре она объявила, что они с Кидой хотят пожениться.

Судьба зло посмеялась над Фукэ: через месяц после этого он потерял ногу. Что ж, Акира правильно сделала, что выбрала спутником жизни Киду. Если бы она стала женой Фукэ, то никогда не смогла бы по-настоящему гордиться мужем, никогда полностью не удовлетворила бы своего тщеславия.

Правда, теперь велись гигантские работы по осушению новых районов. С перекрытием четырех проливов Внутреннего моря открылись широкие перспективы для развития экономики

страны. Здесь, на новых землях, предполагалось создать комплекс городов, которые в будущем должны были стать центром политической и культурной жизни Японии. Грандиозный замысел. Его осуществление плюс разработка морских ресурсов решали проблему перенаселенности. Япония из страны зависимой и, так сказать, неимущей превращалась в богатую державу. И это было куда важнее, чем освоение космоса. Но люди продолжали глядеть в небо и приветствовать восторженными криками каждый полет. Странные существа люди. Не видят земли, словно глаза у них на макушке, как у лягушки.

Разумеется, никто бы и внимания не обратил на жену какого-то там командира патрульной подводной лодки, в обязанности которого входило охранять плотину, удерживавшую воды бухты Наруто.

Люди только досадливо отмахнулись бы, если бы им начали доказывать, что разрушение плотины может привести к неслыханным бедствиям.

Да, ничего не скажешь, Акира поступила умно, соединив свою жизнь с человеком, за которым по пятам шагает слава. А в сердце Фукэ осталась незажившая рана. Видно, теперь уж она так и будет ныть до самой смерти.

Однако он гордился своей работой, сознавая ее важность для Японии и японцев. Фукэ был доволен, что именно ему на долю выпало это скромное и почетное дело. А что другие не замечают его труда, не награждают его аплодисментами,— в конце концов, наплевать.

Став инвалидом, распрошавшись с мечтой юности, потеряв любимую женщину, этот человек все-таки выстоял. Недаром в нем текла

кровь отважных капитанов, смешанная с морской солью.

— Старт назначен на 11.58. Интересно, когда начнется передача по телевизору? — сказал Фукэ, глядя на плотину, занимавшую теперь весь экран.

Никто ему не ответил. Слышалось лишь мерное гудение двигателей, похожее на жужжение пчел.

— Пожалуй, пора включить гелевизор. Давайте посмотрим, как они будут стартовать, и пожелаем им счастливого пути, — продолжал Фукэ. Он говорил вполне искренне. — Я думаю, запасной телеприемник для наблюдения нам не понадобится, погода ведь отличная. Он принимает трансляцию?

— Конечно, — ответил Вадзи.

— Ну и хорошо. Включайте приемник № 3.

— Есть! — тихо, но с нескрываемой радостью ответил Вадзи.

Хира молчал, очевидно из деликатности.

«У каждого свои достоинства и недостатки», — подумал Фукэ. Недавно ему поручили подыскать двух командиров для подлодок, которые будут нести охрану плотин Канмон и Акэси. Но его ребятки еще должны походить в помощниках, набраться опыта, закалить волю. Такая работа только пойдет им на пользу. Он усмехнулся про себя: узнай они мысли командира, наверно, обиделись бы.

Пассивность и порывистость — большие недостатки для человека, ответственного за целое судно. Такие качества могут привести к гибели корабля и экипажа. В космосе другое дело. Там, как только звездолет ляжет на за-

данный курс, управление переходит к электронному мозгу. А под водой еще нельзя полностью полагаться на умные приборы. Бывают такие моменты, когда стихия требует от человека сообразительности и моментальных решений.

Фукэ вглядился в «парадную дверь» плотины. Красно-белые полосы все так же ослепительно сияли, отражая солнечные лучи. Контрольные лампочки приборов горели ровным зеленым светом: все в порядке. Сила и высота прилива, давление воды на подводную часть плотины, давление самой плотины на грунт — все это не внушало ни малейших опасений. Никаких угрожающих отклонений в температуре, в составе и течении воды тоже не было.

В памяти Фукэ всплыли строчки Броунинга: «Все прекрасно на этом свете...»

Однако было одно обстоятельство, которое постоянно тревожило командира. Он считал, что плотина построена не совсем правильно. Ведь через короткий пролив Кий до нее доходили волны Тихого океана. Благоразумнее было бы создать хотя бы в этом месте двойной заслон, то есть просто-напросто возвести два параллельных ряда плотин. Стихийные бедствия — тайфуны, цунами, землетрясения — все еще угрожали Японии. Природа иногда брала верх над человеком.

Но некоторые твердолобые служаки, сидевшие на сушке в уютных кабинетах, забывали об этом. Им казалось, что природа давно уже стала ручным котенком, а на самом деле у нее были зубы тигра. Никто не обращал внимания на ежегодные настойчивые рапорты Фукэ о необходимости построить вторую, параллельную плотину. Правительству такое мероприя-

тие казалось пустой тратой средств. Общественное мнение оставляло без внимания этот вопрос, — а с конца двадцатого века общественное мнение приобрело в Японии большую силу.

К словам простого командира подводной лодки никто не хотел прислушаться. К сожалению, в этой области не произошло никаких сдвигов: учитывалось не то, что говорили, а то, кто говорил. Фукэ в высоких кругах считали хорошим командиром, но чересчур склонным к пустому прожектерству. Даже коллеги и начальники Фукэ, в душе соглашавшиеся с ним, делали скучающие лица и в конце концов переводили взгляд на его протез, когда он заводил разговор о двойной плотине. Не повезло человеку в жизни, вот он и придумывает разные штуки.

Фукэ и здесь оказался одиноким. Но он был стойким человеком и умел бороться с одиночеством. Ведь он вырос на пустынном острове Агадзи, среди бурных ветров и шумных волн.

Он рано потерял отца. Мать осталась одна с тремя маленькими детьми — Фукэ и его младшими братом и сестрой. Старшего сына она отдала родственникам, жившим на Агадзи, и вскоре вторично вышла замуж. Теперь-то он понимал, что матери пришлось так поступить: ей было не поднять двух детей. А в детстве сердился на мать, тосковал по ней и проклинал свою судьбу. Сейчас мать с детьми и мужем, космическим медиком, жила на лунной базе.

Да, у него отняли все: сначала семью, потом любимую и наконец здоровье и мечту о космосе. Он очутился на подводной лодке, в этой своеобразной тюрьме, отрезанной от внешнего

мира. Хочешь не хочешь, а приходилось вырабатывать в себе стойкость и умение переносить одиночество.

На старте стоит огромный космический корабль. В его сверкающем стальном корпусе отражается холодная голубизна безоблачного январского неба.

«...В эту минуту внимание всей Японии, или даже, правильнее сказать, всего мира, приковано к нашему кораблю, названному нежным именем «Кагуя-18»*. Закончен последний технический осмотр корабля. Он готов к старту. Старт произойдет через пять минут. Всего через пять минут...»

Взволнованный голос диктора. Последние члены наземной команды отъезжают от корабля на машинах. Вот он остается совершенно один на взлетной площадке.

Телекамера показывает огромный космодром Бёбура, покрытый мелким белым песком. Вдали чернеют сосновые рощи.

«...Следите за антенной над зданием главной диспетчерской, расположенной в трехстах метрах от корабля. Она соединена с электронно-счетным мозгом подземного контрольного пункта и передает распоряжения электронно-счетному мозгу корабля. Аппараты отсчитывают секунды, оставшиеся до старта. Траектория полета откорректирована. Простым глазом невозможно уследить за изменениями в положении корабля на взлетной площадке, которые дают ему возможность точно лечь на курс и совершил посадку на Луне в заданном месте.

---

* Кагуя — принцесса из детской японской сказки.

Такую точность обеспечивают тончайшие приборы — создание человеческих рук и разума. Сам корабль, величественно ожидающий старта, — вершина вдохновенной человеческой мысли. Впрочем, слова здесь неуместны. Я умолкаю. Смотрите сами. Стальной корпус отражает холодную, прозрачную голубизну атмосферы, которая через мгновение будет взорвана. О, смотрите, смотрите! Со стороны диспетчерского пункта мчится открытая машина с сегодняшним нашим героям, командиром корабля Кидой...»

— Ну и наболтал диктор! А сказал, что будет молчать, — усмехнулся Вадзи.

— Ничего не поделаешь, такая у него работа. Здесь важно, каким тоном он говорит, — побольше возбуждения, побольше восторга, а то зрителям будет скучно, — с горькой ironией отозвался Хира.

Фукэ напряженно смотрел на экран. Машина с Кидой приближалась. Давненько он его не видел.

Командир корабля Кила стоял в открытой машине и махал рукой в сторону телекамеры. Он хорошо усвоил, как должен держаться герой. Обаятельная улыбка. Белоснежные зубы великолепно контрастируют со смуглой, обветренной кожей. Волевой лоб, квадратные челюсти. Наверно, ему аплодируют тысячи зрителей, которые сейчас не попали на экран телевизора.

Фукэ увидел Акиру. Она стояла рядом с мужем. Нисколько не изменилась за десять лет. Все так же хороша. Правда, расстояние большое, да и телекамера не может передать всех мелочей. Акира скромно улыбалась и прижимала к груди руку. Время от времени ее паль-

цы делали слабое, изящное движение — короткий плавный взмах: так она приветствовала восторженных почитателей мужа. Во всей ее фигуре чувствовалась гордость и удовлетворение.

Когда их машина подъехала к кораблю, Кида театрально обнял Акиру, поцеловал ее, улыбнулся прямо в камеру, еще раз помахал рукой и исчез в кабине лифта.

Машина с Акирой отъехала от корабля. Диктор, очевидно, едва дождался этого момента. Из репродуктора снова хлынул поток патетических возгласов.

Кабина лифта вернулась на землю. Теперь на фоне неба рисовался только нос корабля, горделиво и торжественно устремленный ввысь.

«...До старта остается одна минута. Дорогие зрители, мне нечего больше вам сказать. Наконец-то и наша отечественная астронавтика достигла небывалых высот. Теперь мы посыпаем корабли в великую звездную пустоту, словно в соседние страны. Все вы видели командира Киду. Он полон уверенности и энергии, полон гордости за порученную ему миссию... Он отважнейший из отважных... Сильнейший из сильнейших... До старта осталось тридцать секунд...»

В это мгновение подводную лодку наполнил гул, словно от землетрясения.

— Черт возьми! — воскликнул Вадзи.— Нежели у них что-то забарахлило? Обидно! В момент старта...

Фукэ прервал его:

— Наблюдать за приборами! Приготовиться к аварийному погружению! Затопить боковые отсеки! Поворот на шестнадцать румбов!

Выходим на середину бухты и погружаемся на полную глубину!

Еще не поняв, что произошло, рулевой и механик четко выполнили приказ. Их руки забегали по пульту управления.

Началась сильная бортовая качка.

Патрульная подводная лодка развернулась и, разрезая волны, вышла на середину бухты. Началось погружение.

— Я «Хамелеон», я «Хамелеон»... Вызываю штаб,зываю штаб... Я «Хамелеон»... Перехожу на прием... — говорил Фукэ в трубку.

— Я штаб, я штаб... Вас слышу. Перехожу на прием...

— Я «Хамелеон». Минуту назад было сильное сотрясение и гул. Осциллограф вычерчивает пляшущие кривые. Предполагаю, что поблизости произошло сильное подводное землетрясение. «Хамелеон» идет на аварийное погружение, чтобы избежать возможного цунами. Жду ваших распоряжений.

— Я штаб, я штаб... Вас понял. Буду выяснять обстановку. Устанавливаю связь с метеостанцией. Желаю удачи. Перехожу на прием.

— Я «Хамелеон». Продолжаю погружение. Веду наблюдение за плотиной. Буду держать связь со штабом. Прошу наблюдать за «Хамелеоном». Все.

— Я штаб. Вас понял.

Море на телевизоре быстро темнело. Исчезла яркая желтизна, потом зелень. И корпус корабля потерял свой алый цвет: стал желтым, потом зеленым.

— Так я и знал! — нервным, хриплым голосом пробормотал механик Хира.

Вадзи молчал.

Приборы показывали рельеф дна, отсчиты-

вали метры. До подводного грунта осталось всего восемь-девять метров. Море здесь было мелким, дно неровным. Погружаться больше чем на пятьдесят метров было опасно.

Удастся ли на малой глубине устоять против сильного цунами? Кто знает? Таких случаев еще не бывало.

Репитер балансомера фиксировал бортовую и килевую качку. Кажется, лодку заносило влево. Это свидетельствовало об изменении в движении воды. Сейчас было время прилива, следовательно, течение должно идти в сторону плотины. А на самом деле начался тот самый отлив, который свидетельствует о приближении большого цунами. Ошибки быть не могло. Надвигался цунами. Страшный цунами!

Эта мысль кольнула Фукэ в самое сердце. Но он ничего не сказал. Его ребята и сами чувствуют серьезность положения. И опасность тоже чувствуют. Но не положено командиру раньше времени бить тревогу.

Фукэ спокойно сказал:

— Цунами такая штука, что только верхние слои воды будоражит. Конечно, для обычных кораблей это большая опасность. А для нас, на подлодке, это все равно что для них легкий ветерок. Остановимся на глубине шестьдесят метров и посмотрим, как и что.

Вообще-то Фукэ был немногословен. А сейчас разговорился. Но прервал поток своего красноречия, чтобы помощники ничего не заподозрили. Чуткий Хира мог уловить, что кроется за его словами.

Фукэ не отрываясь наблюдал за приборами, показывающими состояние плотины.

Схематический экран моментально зафиксировал бы самые незначительные трещинки и

обвалы. Но пока он оставался гладким и мутно-желтым. Зеленые контрольные лампочки горели спокойно. В случае опасности по экрану побегут красные линии и на приборах замигают красные огоньки.

Выдержит ли плотина, если цунами обрушится прямо на нее? Для нее это будет первым большим испытанием. Если она рухнет, тогда Инланд, лежащий ниже уровня моря...

Фукэ старался не думать дальше. Конечно, капитан, лишенный воображения, — плохой капитан. Но избыток воображения тоже мешает. Так, пожалуй, можно впасть в панику, а это уж никуда не годится.

Эховолномер пока еще не показывал сильного волнения на поверхности. Однако осциллограф фиксировал высокие гребни волн, возникающие от столкновения прилива и отлива, того отлива, которым сопровождается цунами.

И рулевой Вадзи и механик Хира застыли, уставившись на приборы, и время от времени судорожно глотали слону.

Экран забортового телеглаза стал совсем темным. Глубина погружения достигла сорока метров.

— Включить свет, — спокойно распорядился Фукэ.

Вадзи забыл это сделать, но Фукэ понимал, что сейчас не время для выговора.

Экран сразу посветел. Под пучками лучей подводных прожекторов вода стала ярко-синей и корпус корабля почти обрел свой естественный цвет. Косяки плоских рыб мелькнули и исчезли во мраке.

Потянулись долгие, мучительные минуты ожидания. Через тридцать пять минут «Хаме-

леон», стоявший над самым грунтом, начало заносить на бок.

— Включить двигатели! Курс сто тридцать пять! Малый вперед!

Пока подчиненные выполняли приказ, Фукэ напряженно следил за балансомером. Он решил поставить лодку носом против течения, чтобы устоять при перемещении огромных слоев воды. Однако, несмотря на включенные двигатели, «Хамелеон» относило назад.

— Полный вперед!

Но и это не помогло. Лишь немного снизилась скорость, с которой их тащило назад.

Если так будет продолжаться, лодку занесет в глубину бухты, к острову Сикоку, и швырнет на прибрежные подводные скалы.

— Отдать якоря! Кормовые! — Фукэ чуть повысил голос, видя неуверенные движения Вадзи. — Канат, канат побольше затрави! Смотри, как натянут, может лопнуть.

Что происходило на поверхности — не известно, но в глубине первый удар цунами постепенно начал ослабевать.

Эховолномер показал, что высота волн равна восьми метрам. Скоро последует второй удар цунами, но он будет слабее, чем первый.

— Видите, как легко мы справляемся! — сказал Фукэ. Его глаза улыбались. Но в этот миг в них отразился красный свет замигавшей лампочки.

Плотина!

Приборы показывали, что на плотине, чуть влево от возвышенности Агадзи, образовалась вертикальная трещина. Она извивалась по надводной части и уходила под воду на пятнадцать метров.

— Командир, плотина...

Это был голос Хиры.

— Вижу. Но пока мы еще не можем двигаться.

Фукэ представил себе трагическую картину,— пожалуй, ее можно сравнить с последним днем Атлантиды.

Нельзя допустить разрушения плотины. Помочь, помочь во что бы то ни стало!

«Хамелеон» был загружен пласталитом, который составлял почти половину веса лодки—шестьдесят тонн. Это соединение из пластмассы, стали и свинца, сохранившее ценные свойства каждого из компонентов, нагревалось до жидкого состояния и извергалось из носового отсека лодки. Пласталит предназначался для временного срочного ремонта плотины.

Обычно такой ремонт проходил благополучно. Запаса пласталита хватало. И помощь с земли всегда приходила своевременно. Таким образом удавалось избежать дальнейшего увеличения трещин. Недаром в древности говорили: «Самый высокий и крепкий вал разрушается от дырочки, просверленной муравьми».

Никаких признаков второй волны цунами не было. Прошло еще тридцать минут. Фукэ решился.

— Поднять якоря! Курс триста двадцать! Полный вперед! Так держать!

— Командир, а если налетит вторая волна, когда мы окажемся на малой глубине? — чуть дрогнувшим голосом спросил рулевой Вадзи.

— Плотина в опасности.

— Но...

— Только спокойно! Надо быть внимательными, и мы выдержим вторую волну, как выдержали первую. Вторая волна всегда слабее.

— Тем-то она и опасна, что слабее. Ее не сразу распознаешь.

При взгляде на спину механика Хиры, который застыл от напряжения, можно было понять, что он внимательно прислушивается к этому спору.

— Что ж, ведь мы предназначены именно для таких случаев. Не за то нас народ кормит, что мы болтаемся здесь при хорошей погоде,— с улыбкой ответил Фукэ.

Вадзи замолчал. На щеках его проступили красные пятна. Он как будто говорил: как хотите, я подчиняюсь, но умываю руки.

Все свое внимание Фукэ сосредоточил на телэкране. Вдруг раздался голос Хиры:

— Вадзи, ты куда?

— Рулевое управление что-то баражлит. Пойду погляжу.

Фукэ обернулся и увидел, как захлопнулась тяжелая дверь соседнего отсека.

Вскоре загорелась еще одна красная лампочка. Это было полной неожиданностью.

— Неужели пробоина в спасательном шлюзе? — невольно повысив голос, спросил Фукэ. Но тут же обернулся к Хире. — Нет, никакой пробоины. Мотор работает. Значит... шлюз заполняется водой, чтобы...

— Я сейчас! — Хира рванулся к двери, словно ужаленный.

— Бесполезно.

— Но...

— Не успеешь. Шлюз уже наполнен водой. Или ты забыл, что дверь шлюза герметически закрыта до тех пор, пока он полностью не освободится от воды?

— Можно открыть ее ручным винтом. Подлец! Трус!..

— Ручным винтом? Да ты что?! Хочешь, чтобы вода залила всю лодку? Поздно, ничего не поделаешь. Что ж, он сам выбрал этот путь.

Хира уселся на свое место и, уставившись на экран, застыл.

...Вот из спасательного люка вырвалась фигура в скафандре и, словно воздушный шар с оборванной ниткой, начала уходить вверх. «Сумасшедший, — думал Фукэ, — он сам шагнул навстречу смерти».

— Я «Хамелеон», я «Хамелеон». Вызываю штаб. Перехожу на прием.

— Я штаб. Вас слышу: Перехожу на прием.

— Наша лодка цела и невредима. В плотине обнаружена трещина. Мы идем к плотине для принятия срочных спасательных мер. Присыпать помохь. Перехожу на прием.

— Вас понял. Послать на помохь подводную лодку не можем, пока не пройдет вторая волна цунами.

— Я «Хамелеон». Разве есть признаки второй волны? Перехожу на прием.

— Был сигнал тревоги. «Хамелеон», будьте осторожны. Как только пройдет вторая волна цунами, вышлем вам на помохь подлодку. Перехожу на прием...

У Фукэ сдавило горло. Лишь через минуту он ответил:

— Я «Хамелеон». Вас понял...

И тут же прервал связь.

— Механик, замени меня, понаблюдай за приборами. Идет вторая волна цунами.

— А вы, командир?

Хира быстро обернулся и странным взгля-

дом посмотрел на Фукэ. Он подумал, что командир собирается последовать примеру Вадзи.

— Я поведу лодку.

Волоча протез, Фукэ подошел и сел на место Вадзи. Хира занял место Фукэ. Оба молчали.

— Работай на вспомогательной контрольной установке и наблюдай за двигателями. Будем защищать плотину, пока не придет помощь...

Вдруг Фукэ заметил, что на экране запасного телевизора, который Вадзи, по-видимому, забыл выключить, показывали Землю с птичьего полета. Передача велась с борта «Кагуи-18». Окутанная белыми, ватными облаками, Земля проглядывала плохо. И Фукэ пришла в голову мысль, что он ничтожнее песчинки на этой земле.

Не все ли равно — бежать, бросив лодку, или остаться и выполнять свой долг? Ведь это такая мелочь. Ну и пусть прорвет плотину, ну и пусть затопит огромные просторы Инланда! Что из этого? Катастрофа? Она не отразится на экране, показывающем сейчас Землю с птичьего полета.

Если сейчас, вот сию минуту, выскочить из подводной лодки, еще можно спастись: плотина ведь совсем рядом. Фукэ слышал вкрадчивый шепот благоразумия.

Но в тот же момент перед его глазами всплыло лицо Киды и ярче сигнальной лампочки, возвещающей тревогу, вспыхнула горделивая улыбка Акиры. Мгновенная слабость исчезла. Жить во имя долга — разве не в этом его призвание?

— Механик, приготовиться к извержению пластилита!

Теперь Фукэ полностью освободился от стра-

ха. Правда, он и раньше не признавался себе, что боится, просто что-то время от времени подкатывало к горлу. А сейчас он спокоен, совершенно спокоен. Ему стало смешно, что был момент, когда он думал о бегстве.

Лодку швыряло взад и вперед. Это утомляло. Резкие толчки болезненно отдавались в теле.

Приходилось почти вслепую искать трещину. На экране отражалась лишь мутная пелена воды, освещенная прожекторами. «Хамелеон» приблизился к плотине с выключенными двигателями. Кое-как удалось ввести трубку извергателя в трещину. Нагретый пласталит остывал от воды, расширялся и заполнял трещину.

Работать было трудно. Две-три минуты — и полный назад. Снова погружение. Снова поиски.

Так удалось залить несколько метров трещины. Но оказалось, что повреждение было значительно серьезнее, чем предполагал Фукэ. Трещина уходила далеко вглубь. А пласталит таял на глазах.

Хира все это время хранил гробовое молчание. Он автоматически выполнял приказы командира.

Не известно, часы или минуты прошли после того, как они обнаружили, что самый нижний конец трещины уже превратился в настоящую брешь, такую огромную, что в ней поместились бы вся подводная лодка.

Запас пластилита подходил к концу. Если не удастся заштопать эту дыру, вся проделанная работа пойдет насмарку. Сейчас только эта мысль волновала Фукэ.

— Малый вперед...

Напряженно следя за тем, как носовая часть лодки погружается в зияющую дыру, Фукэ не отдал приказа «стоп» и «полный назад».

— Командир... — прозвучал слабый голос Хиры.

Возможно, это был протест. Но Хира больше не добавил ни слова.

Нос лодки медленно вполз в брешь. Но, очевидно, трещина сужалась: по корпусу корабля пробежала дрожь, и он остановился. Вероятно, обшивка получила повреждения. Послышался шум просачивающейся внутрь воды. Тотчас же тревожно замигали десятки красных лампочек на контрольных приборах.

Что ж, это, пожалуй, даже хорошо. Пока подоспеет подкрепление, сама лодка будет затыкать эту проклятую дырку...

— Я штаб, я штаб. Вызываю «Хамелеон». Перехожу на прием.

— Я «Хамелеон». Вас слышу. Перехожу на прием. — Голос Фукэ звучал абсолютно спокойно.

— Спасательные корабли высланы к вам с южной части острова Нусима. Через тридцать минут будут на месте. Постарайтесь продержаться. Перехожу на прием.

— Будем ждать. Наша подводная лодка закрыла брешь своей носовой частью. Давление воды на плотину снизилось. Но мы получили пробоины в обшивке, лодку заливает водой. Тридцать минут постараемся продержаться. Ждем помощи. Перехожу на прием.

— Я штаб. Вас понял. Благодарю за проявленный геройзм. Желаю удачи. Все.

— Эй, механик, держись! Помощь идет!

Ответа не последовало. Доносился только равномерный шум двигателей, продолжавших работать на «малый вперед».

— Слышишь? Через тридцать минут они будут здесь. Потерпим, а? Наша посудина выдержит. Обязана выдержать. На всякий случай приготовь кислородные баллоны...

Голос Фукэ все же начал терять обычную уверенность. Очевидно потому, что командир очень уж старался сохранить спокойствие.

К шуму проникающей внутрь воды теперь прибавился скрип корпуса. Давление на ту часть лодки, которая выступала из бреши, было очень велико.

— Ну, давай потерпи, всего тридцать минут. Тридцать минут, понимаешь...

Это Фукэ бормотал уже под нос, словно убеждая себя самого.

Хира молчал.

— Я штаб, я штаб. Вызываю «Хамелеон». Перехожу на прием.

— Я «Хамелеон». Вас слышу. Перехожу на прием.

Теперь в голосе Фукэ чувствовалось напряжение.

— Я штаб. Космический корабль «Кагуя-18» потерпел аварию и превратился в вечный спутник Земли. Экипаж покинул корабль на спасательной ракете. Очевидно, она совершил посадку в открытом море, в районе мыса Сиономисаки полуострова Кий.

— Что-что?!

— Спасательные корабли направляем туда.

К вам высылаем другие корабли. Они прибудут ровно через час. Опасность второй волны цунами миновала. Если положение станет критическим, разрешаем экипажу подводной лодки покинуть судно, оставив его в бреши с двигателями, включенными на малую скорость.

— Идиоты! Испугались общественного мнения! Вам наплевать на человеческую жизнь, если это не жизнь знаменитости!..

— Я штаб, я штаб! «Хамелеон», слышу вас плохо. Слышу вас плохо. Перехожу на прием.

— Да, понял, понял, говорю! Все!

— «Хамелеон», «Хамелеон»! Увеличьте мощность! Я вас очень плохо слышу! Перехожу на прием.

Фукэ резко выключил датчик.

— Что ж, если мы погибнем, про нас напечатают в газете. Только на последней странице и мелким шрифтом.

— Командир, идет вторая волна цунами,— слабым, тусклым голосом сказал Хира.

— Что ты болтаешь! Они же сказали — не будет.

— А я говорю, что будет... Интересно, этот спасся? Да нет, где там. Потонул, наверно. Бедняга, поди, забыл, как сосут грудь... — Хира тихонько рассмеялся.

Фукэ обернулся:

— Хира, что с тобой?

— Вот я и говорю, что это мне подарили в деревне? А песня, песня-то старая какая, давнишняя песня...

Хира сидел, уронив голову на приборы. Наверно, в его помутившемся мозгу проносились картины детства. Или эта темная, закрытая со всех сторон мышеловка показалась ему утробой матери...

Шум просачивающейся воды и скрежет обшивки все усиливалась.

— Эй, Хира, очнись! Давай выбираться, а то не увидишься со своей мамой. Да, брат, рождаться на свет трудно. Наверху высокие волны. Ну, держись! Будь мужчиной! Встать!

Волоча за собой обессилевшего Хири, Фукэ прошел в соседний отсек, вытащил из спасательного шкафа два кислородных баллона. Один укрепил на спине Хиры, другой на своей. Сунул трубку в рот обмякшему механику, чтобы тот сразу начал дышать кислородом. Потом нажал на кнопку спасательного люка.

Задраив дверь, Фукэ сам надел маску и включил подачу воды. Морская вода с шипением лизнула ноги, потом начала подниматься выше. Отсек быстро наполнился водой.

Следя, чтобы Хира не выпустил изо рта трубку, Фукэ ощупью искал кнопку выходного люка. Наконец нашел, нажал. Послышался едва уловимый шум мотора. Но люк не открылся. Фукэ нажимал и нажимал на кнопку. Бесполезно. По-видимому, внешняя обшивка подводной лодки деформировалась и люк засел. Мотор работал вхолостую.

Фукэ бросился к внутренней двери. Она тоже не подавалась! Погас свет. Вода проникла в аккумуляторные отсеки!

И тут впервые он почувствовал настоящий ужас. Словно его окатили водой более холодной, чем ледяная вода...

Сколько часов прошло после этого? Да нет, какие там часы! Ведь запас кислорода в баллонах невелик.

Кислород... Если бы еще немного кислорода... Еще немного...

Но что это? Люк плавно открылся... Тело качнулось и понеслось вверх. Как легко, словно на воздушном шаре...

Скафандр больше не нужен. Фукэ шагал по дамбе плотины. Перед его глазами, которые видели теперь особенно ясно, простиралась огромная осущенная равнина. Вон коричневатые горбы возвышеностей. Вон чернеют сосновые рощи. А там зеленеют поля. Между ними поблескивают соленые озера, окаймленные свежей молодой травой. И всюду, всюду строятся города. Работают гигантские краны. Серебрятся ленты транспортеров. Шагают роботы. Вот она, светлая, полная надежд панорама богатой Японии. Японии, у которой есть будущее.

И над всем этим величаво возвышалась плотина, которую он заставил жить своей смертью. Он был удовлетворен. Он почувствовал небывалую гордость.

На берегу озера, в тени деревьев, стояла Акира. Он сейчас же узнал ее.

Фукэ шел к ней широким, уверенным шагом. Она ждала. Ее глаза сияли.

— Смотри, только один раз! — Акира улыбнулась, и он коснулся губами ее прекрасных губ.

— Ты замечательный парень, Фукэ! И я... люблю тебя... — сказала Акира и сама поцеловала Фукэ...

Фукэ почувствовал, как сердце наполняется удивительным покоем... Становилось трудно дышать...

— Акира!

Нет, голоса не было, губы беззвучно прошептали эти три слога.

Зазвучала песня — он спасен!

Ничего не осталось. Только чувство удовлетворения, огромное, как небо, о котором он когда-то мечтал...

В тесном, наполненном водой люке, прислонившись к стене, стояли двое. Все было спокойно. Над их головами больше не поднимались пузырьки воздуха.

Сакё Комацу

ХАОТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

1.

В последнее время в мире происходит что-то странное. Это еще мягко сказано. А если говорить откровенно, то все человечество просто-напросто сошло с ума. Конечно, если каждое явление рассматривать отдельно, то вроде бы ничего особенного тут нет. Взять хотя бы последние Олимпийские игры в Токио, или увлечение большими скоростями, или наводнение нашей страны периодической печатью, или бешеный рост количества баров и столовок в центральных районах столицы, Гиндза и Синдзюку, а также в центрах других городов и городков; или, скажем, поведение женщин, которые день ото дня становятся все более дерзкими и развязными, и в связи с этим — катастрофическое увядание мужчин; или бесконечный калейдоскоп в международной политике; или бум: «Давайте хорошенько перетрясем нашу Японию!»; или эти разговорчики, что, мол, «тихоокеанская война* была не такая уж плохая штука...» — все это вполне закономерно, каждое явление имеет свои причины. Где же тут безумие? В общем, жизнь идет своим чередом, и идет неплохо, даже отлично идет. Только вот не надо ничего обобщать...

Хотя, впрочем, почему же не обобщать? Когда обобщаешь — тоже нет ничего страшного.

---

* Войну Японии с державами антигитлеровской коалиции (1941—1945) называли в этой стране «тихоокеанской».

Все нормально, естественно, безумием и не пахнет. Однако...

Однако здесь что-то не так... Да-да, это чувствуется в те редкие минуты, когда вдруг выпадает возможность отдохнуть от повседневной суеты. Но на одном чувстве далеко не уедешь. Чувствовать-то чувствуешь, а как по-пробуешь разобраться, разложить все по полочкам, так опять не понимаешь, в чем дело. Действительно, дни бегут за днями, будни сменяются праздниками, праздники — буднями... Ну и что? Одно только можно сказать с полной убежденностью: если люди сталкиваются с каким-либо необычным явлением, им хоть бы что, никто даже не удивляется...

Наверно, поэтому дежурный из полицейского участка тоже ни капли не удивился, даже для приличия. А происшествие было из ряда вон выходящим. Я возвращался домой поздно ночью. Шел через рощу, что в окрестностях синтоистского храма. И вдруг мне в спину метнули средневековые ножи, милые такие штучки, острые, как бритва. Сам не пойму, как спасся. Быть бы мне проткнутым местах в десяти; да как-то я увернулся.

Полицейский и ухом не повел.

— Ниндзя * опять нынче в моде,— сказал он, с явным отвращением глядя на мое возбужденное лицо, — вот и получаются разные неувя-

---

* Ниндзя — человек, которому приписывается чудесная способность быть невидимкой. Ниндзя приписывали владение тайнами черной магии и оккультизма. Считалось, что ниндзя, умеющие делаться невидимыми, использовались в качестве лазутчиков.

зочки... Сколько раз отдел надзора за детьми предупреждал родителей, чтобы не давали ребятам опасных игрушек...

— Игрушки?! — возмутился я. — Ничего себе игрушки! Да вы посмотрите, как они сделаны!

Я бросил на стол четыре орудия убийства. (К сожалению, я нашел только четыре, хотя их было не меньше десятка.)

— Ну, убедились? Острые-то какие! А вес? Разве ребенок поднимет такую штуку? И потом, видели бы вы, с какой силой они вонзились в дерево!

— А кто же, кроме ребятишек, станет так баловаться? — равнодушно бросил полицейский, взглянув на четыре сверкающих клинка. — У взрослых есть занятия поинтереснее. Да что говорить, теперь эти штуки дают в качестве премии за покупку конфет...

— Так назовите мне имя этого торговца, этого безмозглого дурака, который премирует детей орудиями убийства! — вне себя заорал я. — Я ему покажу! Если вы, блюстители порядка, не принимаете никаких мер, то придется мне самому вмешаться!

— Н-да, — промычал полицейский, — неплохо сделаны. Пожалуй, даже очень хорошо для детской игрушки.

Он с видимым удовольствием погладил нож.

— Еще бы! А о времени вы подумали? Интересно, какие это детишки станут играть в храмовой роще в полночь?

— А почему бы им и не порезвиться ночью? Ученики средних и старших классов теперь народ самостоятельный. — Он порылся в ящике стола и вытащил револьвер, по-видимому самодельный. — Вот посмотрите. Только что

отобрал у одного школьника. У его отца маленький заводик, скорее даже мастерская. Станки, всякие инструменты. Ну, парень и смастерили. Для подростка совсем неплохо, а?

И в то время, когда этот осел в мундире вертел в руках револьвер, «игрушка» со страшным грохотом взорвалась. Я ослеп от вспышки, меня обдало жаром, все помещение заволокло едким дымом, и у самого моего уха просвистела пуля. К счастью, я опять уцелел. Пуля разбила стекло и вылетела на улицу. Но больше всего меня возмутило поведение полицейского. Он кинулся вслед за пулей — хорошо еще, что в дверь, а не в окошко, — и стал спрашивать редких прохожих:

— Господа, никого не ранило? Никто не пострадал? Никто? Ну и отлично!

Хозяин табачной лавки, уже вешавший замок на дверь, испуганно таращил глаза.

— Все в порядке, — бросил ему полицейский, — можете спокойно идти спать.

Только после этого он вернулся в комнату и спросил меня:

— А вас не ранило?

Думаете, его интересовала моя персона? Как бы не так! Насвистывая какой-то гнусный мотив, он подобрал обломки пистолета, завернул их в бумагу и бережно спрятал в ящик. Я почувствовал, что еще мгновение — и терпение мое лопнет.

— А вы говорите — метательный нож. — Он словно продолжал прерванную беседу с приятелем. — Метательный нож — чепуха по сравнению с этой штукой. Из нее действительно можно убить человека...

И тут я взорвался. Да как он смеет!

— Чушь! Ерунда! — заорал я. — Пожалуй-

ста, цацкайтесь со своими пистолетами, с пушками, с чем угодно! А когда придет школьник и начнет сооружать малогабаритную водородную бомбу на затах вашего участка, вот будет здорово!

— Что-что вы сказали? — Этот олух, кажется, растерялся. — Вы знаете ребенка, который делает бомбу? Беда нынче со школами! Преподавание-то все вперед шагает. Вот стали обучать ребятишек точным наукам. Да, опасно, очень опасно. Совсем недавно ученики старших классов соорудили ракетный снаряд и...

Я шагнул к выходу. Мой гнев достиг апогея. Мне очень хотелось изо всех сил хлопнуть дверью, но я подумал, что полицейский участок — место кляузное, еще обвинят в порче казенного имущества, и тихонько выскользнул на улицу. Зато у себя дома я так хлопнул дверью, что стены заходили ходуном.

И сразу же раздался истошный визг. От страха я выронил портфель и увидел, что жена вцепилась в столб посреди передней и тряслась мелкой дрожью. Нет, она даже не вцепилась, а вскарабкалась — ее ноги на несколько сантиметров не доставали до пола.

Я снова вышел из себя:

— Как тебе не стыдно! Ты что, ребенок?! Тебе тоже мерещатся ниндзя?

— Д-да-а, — сказала она, заикаясь, — сейчас кто-то ходил по крыше...

— П-по крыше? — Почувствовав, как у меня задрожали колени, я уставился на потолок. — Воры?

— Ниндзя, — выдавила жена. — Не веришь? Я своими глазами видела. Открыла окно, а из-под карниза торчит голова в черном капюшоне...

— Галлюцинация! — отрезал я. — Что же он, язык тебе показал? Или что-нибудь еще?

— Как тебе не стыдно! — взвизгнула жена, словно ее резали.

— Это тебе должно быть стыдно. Вполне уже взрослая женщина, и даже не очень юная, а смотришь по телевизору детские передачи. Вот и досмотрелась. Сколько ты уже серий ви-дела? «Лабазник сёгуна» или как там ее...

— Не лабазник, а лазутчик.

— Это не имеет значения, — сказал я.

Вообще-то я чувствовал, что несправедлив к ней. Ведь полчаса назад мне до смерти хотелось вцепиться в горло идиоту полицейско-му, который не пожелал отнести с должной серьезностью к метательным ножам. А сейчас, когда подобное происшествие случилось не со мной, я начал высмеивать жену.

— Если не веришь, посмотри сам, — сказала жена, — видишь, снаружи на подоконнике что-то страшное..

— Ну на кой черт сдался ниндзя наш дом? — не отступал я. — Нет, подумай хорошенько! Даже если предположить, что ниндзя занялся модным экономическим шпионажем, то я-то тут при чем? Ведь секреты нашей паршивой фирмы давно перестали быть секретами. Наш директор готов трубить о них на всех перекрестках, лишь бы заработать.

— Что ты орешь?! — возмутилась жена.

— Ладно, слезай со столба! Или, может быть, ты и ночевать здесь будешь, как обезьяна на дереве?

Но тут она снова заорала истошным голосом и рухнула сс столба прямо на меня. Ее пальцы, как челюсти бульдога, впились в мою шею мертвой хваткой. По потолку метнулась

черная тень. Какое счастье! Это был не ниндзя, а бабочка, трепыхавшаяся под абажуром. Отодрав от себя полумертвую от страха жену, я открыл окно и выглянул наружу. Во рту у меня пересохло, по спине побежали мурашки: под подоконником, в наружной стене, торчал железный предмет сантиметров двадцати длиной, напоминавший по форме листок ивы, — «клин для прыжка», один из инструментов ниндзя.

2.

В эту ночь больше не было никаких особых происшествий. Впрочем, независимо от всех событий я, как и тысячи подобных мне «белых воротничков», должен был вскочить с постели в половине восьмого утра, хочется мне этого или не хочется, и сломя голову мчаться на службу. «Белые воротнички» всегда по утрам вскакивают и бегут, на ходу дожевывая пережаренный хлеб, завязывая галстук, запихивая в штаны вылезающую рубашку, и потом, на перроне, делают последний бросок и втискиваются в битком набитую электричку. А всякие удивительные события — будь то летающая тарелка совершившая нападение на лоток торговца бататами, или житель альфы Центавра, спросивший прохожего, где можно дешево пообедать, — удивительные события тут же забываются, стоит лишь войти в вестибюль фирмы и отщелкнуть на табельных часах время прихода.

И о том, что случилось со мной прошлой ночью, я лишь упомянул в двух-трех словах, когда болтал с коллегами во время обеденного перерыва. А потом нас захлестнули более

важные дела: прогноз бейсбола, наши успехи в игре в маджонк, прибыли, получаемые нашей фирмой, и в связи с этим возможные размеры годовой премии, перемывание косточек начальству, кинозвездам и даже международным политическим деятелям и так далее и тому подобное...

Однако после происшествия с ниндзя у меня возрос интерес к газетам. Я с затаенным трепетом разворачивал скучнейшие серые листы и все надеялся, что, может быть, где-нибудь случилось нечто подобное. Хотя вряд ли потерпевший даст ход этому делу. Ведь и я сам, оправдываясь перед собственной совестью и внутренне ссылаясь на ужасную занятость, не отнес утром в полицию древнее орудие, с помощью которого невидимый убийца пытался проникнуть в мой дом.

Вообще-то я ужасно невезучий: никогда я не вижу ничего из ряда вон выходящего, и ничего удивительного со мной не случается. А вот среди моих приятелей сколько угодно людей, которые видели не то что летающие тарелки или какого-нибудь паршивого марсианина, а даже самые *настоящие* привидения. Помню, один рассказывал, как вернулся вечером домой — жил он один, квартира была заперта, и окна и двери, — вернулся и видит: сидит за столом некая бледная личность и поедает его ужин. И жадно так ест, просто смотреть противно. Ну, приятель мой и говорит. «Ах, ты, такой-сякой, что это ты тут делаешь?!» И зонтик хватает, хочет его по башке треснуть. А тот и глазом не моргнул, слизнул с тарелки последние крошки, встал и уже на ходу бросил: «Да, я привидение, лет сто назад умер, с тех пор даже корочки во рту не было, теперь ничего, на-

елся...» И прошел сквозь стену... Правда, после того приятель месяца два лежал в психиатрической клинике, но это уже не имеет значения.

А другому еще больше повезло. Он четыре раза был свидетелем невиданных в истории железнодорожных катастроф. Одну из них ему удалось запечатлеть на фотопленке и потом продать снимки в газету. Бешеные деньги заработал! Хотя в пятой катастрофе он уже оказался не свидетелем, а пострадавшим. Бедняга скончался в больнице от ран...

Вот я и говорю: есть же такие счастливчики! А мне бы хоть незначительное происшествие увидеть, ну, хотя бы как велосипед опрокидывает детскую коляску. Так нет — куда там!

Вот я и подумал, что уж если ниндзя на меня напали, то на других-то и подавно. Потому я и рылся в газетах. И что вы думаете? Я был вознагражден за свое упорство. Почти каждые три дня в отделе происшествий появлялись коротенькие заметки о том, что прохожий был ранен неизвестно откуда брошенным метательным ножом. А однажды появилась большая статья о юноше, ходившем в вечернюю школу, которого ранили довольно тяжело. Тут же была фотография юноши с обмотанной бинтом головой и фотография оружия. Нож как две капли воды походили на тот, который бросили в меня.

Самым смешным было то, что в этом же номере поместили интервью с доктором исторических наук, специалистом по ниндзя. Сей учений муж заявил следующее:

«Совершенно очевидно, что метательные ножи, которыми было нанесеноувечье, ни в коей мере не могут считаться детской игрушкой.

Они изготовлены из лучших сортов стали и с большим знанием дела. Очевидно, здесь потрудился даже не обычный оружейник, а опытный мастер, специализирующийся на производстве подобных ножей. Кроме того, не подлежит сомнению, что ножи подобной формы в старину служили оружием ниндзя школы «кога», а не «ига», как утверждают некоторые профаны...»

На соседней полосе красовалась беседа с комиссаром полиции:

«...За последнее время у нас участились случаи хулиганства, я бы сказал злостного хулиганства, с нанесениемувечий мирным гражданам при помощи оружия ниндзя. Судя по величине и весу ножей, а также по силе и точности удара, можно утверждать, что преступник — человек вполне взрослый, очень ловкий и наделен недюжинной физической силой. Органы полиции квалифицируют его действия как злостное хулиганство, которое нужно немедленно пресечь...»

«Немедленно пресечь...» Знаю я эти разговорчики! А что пресекать-то? Ведь в полицию приходили лишь пострадавшие, только их и допрашивали. Ко мне тоже пришли. Тот самый идиот полицейский. На этот раз он разговаривал куда вежливее. Зато уж я ему отплатил: цедил слова сквозь зубы и, кроме «да» и «нет», ни единого словечка он из меня не вытянул! Однако меня не покидало ощущение, что это только первые звенья в цепи удивительных происшествий.

Так оно и было. Время шло, а события разворачивались, охватывая все более обширное пространство.

И вот наконец таинственный преступник был обнаружен патрульными полицейскими на ме-

сте преступления, в тот самый момент, когда он собирался бросить нож. Он пустился наутек, оказал сопротивление и был ранен в ногу. И все это в столице, в одном из аристократических районов! Полицейский тоже пострадал: метательный нож вонзился ему в горло. А этот человек — или не человек, кто его знает, во всяком случае, он был в одежде ниндзя, — как только его ранили, тут же исполосовал себе лицо кинжалом и покончил с собой, откусив язык... Фантастическое мужество!

В столовой нашей фирмы начали поговаривать на эту тему. Акции ниндзя поднялись. Правда, «игра в ниндзя» еще не котировалась по первому разряду, но уж на четвертое место определенно выбилась. Конечно, никто не мог сказать ничего определенного, кроме того, что есть же на свете странные случаи помешательства.

Газеты старались вовсю. Каких только высказываний и бесед не печатали! Появилась даже статейка под заголовком «Предоставляем слово деятелям культуры». А что знали эти самые «деятели культуры»? Просто смех читать — беспомощный детский лепет:

«...чрезмерное увлечение произведениями на тему ниндзя...»

«...телевизионным компаниям пора пересмотреть свои программы...»

«...когда взрослые люди впадают в ребячество, имеющее такие тяжкие последствия, культура и прогресс бессильны — это уже область невропатологии ..» и т. д. и т. п.

Особенную чушь написали в одном третьесортном бульварном журнальчике. Там поместили здоровенную статью под шапкой «„Ниндзя“ — крупная тайная организация?»

Автор пытался связать эти происшествия с деятельностью шовинистических или бандитских организаций, что, впрочем, почти одно и то же. Однако у него ничего не получилось. Конечно, можно допустить, что скопища каких-то фанатиков демонстрируют свою силу. Но тут вставал вопрос: для чего? Ведь все должно быть хоть как-то обосновано. А автору ничего не удалось обосновать. Правильным казалось лишь предположение, что ниндзя, разделившись на две группы, нападают друг на друга, а прохожие являются случайными жертвами.

Один из сослуживцев как-то сказал:

— Подумать только, какие ортодоксы эти самые ниндзя! Что делают — уродуют себя до неузнаваемости, не хотят, чтобы кто-нибудь увидел их лица!

— Ну, знаешь ли, — возразил я, — вряд ли настоящие средневековые ниндзя перед смертью уродовали свои лица. Еще в середине шестнадцатого века, в так называемую «эпоху войн», — может быть. И то лишь в отдельных случаях. Мне кажется, литераторы, для того чтобы взбудоражить читателя, немало постарались, изображая их чудовищно жестокими и сверхстойкими. А на самом деле профессия ниндзя, наверно, была скромной и незаметной.

Правильность моих слов подтвердилась несколько позже. Я долго ломал голову над этим вопросом. Кто знает, не произошло ли тут смешение времен? Может быть, прошлое и настоящее наслонились друг на друга, как об этом пишет в своих бредовых научно-фантастических рассказах писатель С.К.? Ведь никто не поручится, что этого не может быть в действии.

тельности. Об этом же я читал в исследованиях иностранных ученых — Дж. Фени, Ф. Эдвардса, С. Фота. Некоторые наши издательства охотно печатают их книги. Там то и дело описываются подобные явления и подкрепляются примерами из жизни. Однако я был крепок телом и духом, я был «белый воротничок», носитель не-поколебимого здравого смысла и обладатель твердой зарплаты, и моим вкусам куда больше соответствовали высоконравственные произведения, такие, как «Лунь юй» Конфуция, или исторические романы о великих фехтовальщиках средневековья, или на худой конец «Леди Чаттерлей». А научная фантастика казалась мне несусветной чушью. Вот и Конфуций, которого я не переставал и не перестаю бесконечно уважать, сказал: «Не подобает мужу говорить о силах тайных и темных и о божествах, разнужденных в бешенстве своем». И потом, если вдуматься в действия новоиспеченных «ниндзя» и сравнить их с поведением настоящих средневековых ниндзя, разве не станет ясно, что тут мы имеем дело с нашими современниками, надевшими чужую личину, а не с предками, скромными и полными достоинства, бравшими голову и лишь на макушке собиравшими прядь волос в пучок тёномагэ?

3.

Однако таинственные, странные происшествия продолжали происходить. Только опускалась ночь, как немедленно разгоралась жаркая борьба между двумя группами враждующих ниндзя. В каждом переулке, где фонари светили недостаточно ярко или где их вовсе не было, свистели во мраке метательные ножи. Чуть ли

не во все дома вбивались «клинья для прыжка», похожие на листочек ивы. Граждане уже не надеялись на полицию и с наступлением темноты наглухо закрывали все окна и двери. Часам к десяти город совершенно пустел. Издательства и телевизионные компании, боясь общественного мнения, прекратили выпуск комиксов о ниндзя и передачу многосерийных фильмов, посвященных приключениям этих анахронизмов средневековья. Однако дело не ограничилось ниндзя. Однажды произошло следующее событие. Жители улицы Ёцуя-Самон-тё были разбужены страшным металлическим лязгом. Самые храбрые решились приоткрыть окна и выглянули наружу. Они увидели ужасающую картину: два всамделишных старинных самурая дрались посреди мостовой на мечах. Вскоре один зарубил другого и тут же покончил с собой, сделав хаакири. Его труп нашли потом у обочины дороги.

Что ни говори, а случай из ряда вон выходящий. Однако к этому времени уже никто ничему не удивлялся. И когда пронесся слух, что оба самурая, и зарубленный, и сделавший себе хаакири, как две капли воды походят на актеров телевидения, игравших самураев в последней передаче, люди только неопределенно хмыкали.

А ниндзя продолжали бесноваться и бесчинствовать по ночам. И прохожие, завидев их, уже не бежали в полицию, а только старались незаметно смыться, чтобы не попасться на глаза этим сумасшедшим. По-настоящему беспокоились только родители: дети подбирали метательные ножи, оброненные ниндзя, и играли ими.

Потом случилось еще одно происшествие,

действительно трагическое. На взлетной полосе аэродрома ниндзя рассыпали острые гвозди с широкими шляпками, так называемые макибиси. Ниндзя всегда пользовались этими гвоздями, чтобы делать дороги непроходимыми для преследователей. В результате огромный международный лайнер повредил шины колес, ткнулся носом в землю, завалился на бок и взорвался. Погибло более ста человек.

Тут уж общественность подняла настоящий вой. Политические деятели и представители интеллигенции вопили: «Куда смотрит полиция?! Немедленно прекратить дурацкие шутки призрачных ниндзя!..»

Но было уже поздно. Правда, слово «поздно» тут неуместно. «Поздно» можно было бы сказать, если бы раньше существовала возможность пресечь подобного рода явления...

— Наши крупные деятели расшумелись, — сказал однажды мой приятель, сотрудник телевидения, — а ведь такое творится не только у нас, но и за границей. Вот послушай, — он полистал журнал. — «На юго-западе Соединенных Штатов только и говорят об одном странном типе, который повсюду появляется в обличье Х...»

— А что это такое — Х?

— «Черная маска». И он все время орет: «Сильва, ты меня не любишь...»

Я прыснул.

— А-а, это же телепереработка для детей, хорошенъкая такая мешанина из популярных оперетт! Видно, и в Америке психов хоть отбавляй.

— А что ты скажешь, если в Англии какой-то полуумный, вообразивший себя Робин Гудом, стреляет из лука во всех прохожих без

разбору? А в Африке некий шизофреник орет, что он Тарзан, и с истошными воплями скачет с дерева на дерево...

— Нет, ты это серьезно? — Я вдруг почувствовал себя не совсем хорошо. — Неужели психоз — заразная штука? Что же это выходит — он перепрыгивает с континента на континент? По морю плывет, что ли, или летит по воздуху?

— И вовсе это не психоз, — возразил мой приятель, — я-то знаю, в чем тут дело. Это явление не имеет ничего общего с психическим расстройством.

— А что же тогда? — спросил я. — Если это не психоз, то как можно ставить знак равенства между нашими «ниндзя» и американской «черной маской»?

— При чем тут знак равенства? — вспылил приятель. — Вот мы всегда так: уцепимся за хвост какого-нибудь явления, скользнем взгядом по поверхности, и готово — уже нашли ему пару, и давай все валить на нервное расстройство! А на самом деле в мире происходит нечто куда более страшное...

— Что, что именно?

— А я тебе не скажу... — ехидно процедил мой друг. — Надеюсь, ученые и инженеры уже пришли к определенным выводам. Поди, растерялись, не знают, что теперь делать. Больно уж все неожиданно и невероятно. Поэтому и колеблются, боятся опубликовать. Я тебе точно говорю.

Вообще этот мой приятель отличался ослиным упрямством. Как упрется — хоть бейся головой об стену, хоть на коленях перед ним ползай — ни за что не скажет. Ну, что я мог поделать с таким типом? И я решил, что самое

лучшее — перейти к деловому разговору, ради которого мы и встретились. Наша фирма собиралась сделать детский фильм для их телекомпании. Этакую ерунду, этакую дурацкую комбинацию из натурных съемок, мультипликации и рисунков. Вот я и собирался уточнить техническую сторону вопроса.

Только я начал деловой разговор, как мой приятель, который до этого, казалось, совсем не слушал, вдруг пристально посмотрел на меня, его глаза вспыхнули на мгновение, но тут же снова померкли. Взгляд стал совсем отсутствующим.

— Комбинация натурных съемок и рисованных кадров... — пробормотал он. — Оч-чень интересно, очень...

— Да чего там интересного, — уныло возразил я, — старо как мир. Дисней давным-давно это делает. Интересно только одно: такая комбинация создает определенный театральный эффект...

— *Театральный эффект?*! — он посмотрел на меня мутными глазами. — Ах, ты про работу? И слушать не хочу!

— Да что с тобой? Ты как деревянный. Мы же встретились, чтобы обсудить...

— А что обсуждать-то? Ведь никто не знает, как долго мы еще сможем заниматься нашей работой.

— Ничего не понимаю!

— Скажи лучше, как ты себя чувствуешь? Ну, в самом прямом, физическом смысле? Не ощущаешь недомогания? А голова не болит? Ты уверен, что она у тебя в полном порядке? Кстати, посмотри на свои часы, если, конечно, они идут правильно. Запомни эту минуту. Я думаю, осталось уже недолго. Ну, пока!

4.

К несчастью, он был прав. Произошло событие поистине страшное. Конечно, тут была и его вина: он меня испугал. А потом я оказался свидетелем сразу двух катастроф. Это я-то, которому всегда так чудовищно не везло на катастрофы! И вот я своими глазами увидел, как грузовик опрокинулся набок, на ходу потеряв колесо, а затем с рельсов сошла электричка-экспресс. Мне стало нехорошо. Может быть, только потому, что приятель совсем меня запугал. Впрочем, с головой, кажется, творилось что-то неладное. Я почувствовал тошноту и головокружение и из последних сил доплелся до будки телефона-автомата. Позвонил на работу, сказал, что сегодня не приду, заболел. Телефон отчаянно барабанил: монета почему-то не лезла в щель, в разговор врывались посторонние голоса, в трубке что-то гудело и щелкало.

Как всегда, я шел домой через рощу около синтоистского храма. Тут-то и произошло это «ужасное событие». Я встретился с Атомом. С каким? Ну, разумеется, с тем самым — с Атомом Железная Рука.

Герой телевизионного фильма был ростом с ребенка и выглядел точно так, как на рисунках, с которых снимался фильм. Он был плоский, двумерный, словно нарисованный в воздухе. И это было самое страшное. Я похолодел, когда этот кусок плоскости, двигая ногами, как живой человек, вышел из рощи и направился ко мне. На меня надвигался рисунок, и даже не цветной, а черно-белый. Повернувшись спиной, я бы увидел спину, тоже плоскую, нарисованную. Какой ужас: у него не было боков, не

было профиля! Этого милого мальчика-робота нимало не смущило, что я стою как вкопанный и ловлю воздух широко раскрытым ртом. Он подошел вплотную и спросил своим скрипучим, записанным на пленку голосом:

— Скажите, пожалуйста, вы не видели профессора Вода-для-Чая?

— Н-не-н-не-н-не знаю, — выдавил я, обливаясь холодным потом, — очевидно, он в Главном управлении по вопросам науки ...

— Ах, да, конечно! Очень вам признателен!

И тут же робот-рисунок принял позу для полета. Из его пяток, как из сопла ракеты, полыхнул нарисованный огонь, и робот взвился в небо. Его силуэт постепенно растаял в воздухе, а до меня донеслись бравурные звуки широко известной «Атомной мелодии».

Несколько секунд я стоял как истукан, потом мои ноги, сотрясаемые дрожью, выкинули диковинное коленце, и я огромными скачками, петляя словно заяц, понесся к дому. Слава богу, он был в нескольких десятках метров. — И-и-и-а-а-а! — орал я. — Помогите! Помоги-и-и-те!

— Помогите! — еще раз гаркнул я и со скоростью реактивного самолета влетел в переднюю. — Схожу с ума! Спятил! Свихнулся! Звони скорей в мою проклятую, вонючую фирму! Нет, сначала в сумасшедший дом!

— Сейчас не до этого! — срывающимся голосом крикнула жена. — Лучше помоги мне, да поживее поворачивайся!

Она лихорадочно швыряла в чемодан вещи, увязывала какие-то узлы. Весь наш жалкий гардероб и скучные запасы продуктов. Мой парадный костюм уже был безнадежно испорчен: второпях она опрокинула на него бутыль

соевого соуса. Пол стал скользким, потому что я раздавил мыло. Из разорванного полиэтиленового пакета текла тоненькая струя риса. Воняло гуталином, сбежавшим молоком и старой одеждой.

— Ах, ты, дрянь! — сказал я жене, сразу придя в себя. — Куда это ты собралась бежать? Что, наделала тайных долгов, а теперь спасешься от кредиторов? Хоть бы людей постыдилась — дождалась бы ночи. А то среди белого дня!

Но она даже не рассердилась. Только жалко захлопала воспаленными глазами.

— Не говори ерунды, — сказала она, и в ее голосе послышалось рыдание, — только что передали по телевидению и радио, разве ты не слышал? А соседи уже давно сбежали. У них ведь машина. Жмоты бессердечные! Погрузили всю свою мебель, а для меня местечка не нашлось...

— Да что же такое происходит? — спросил я, совершенно забыв о недавнем происшествии в роще. Сердце у меня заныло — такой несчастной выглядела жена. — Что, землетрясение, что ли, будет?

Я погладил ее по плечу. И тут она заревела в голос.

— Ишь, ты, ласковым стал! Нападение Годзиря * будет, вот что!

Годзира! От этого заявления я просто опешил. Сердце екнуло и куда-то провалилось. Но я собрался с духом и сказал жене:

* Годзира — чудовище из фантастического фильма, созданного в 1954 году режиссером Хидэдзи Цубурая (производство кинокомпании «Синтохо»). Фильм повествует о кровожадном существе, появившемся после атомного взрыва в Хиросиме и принявшем облик гигантского тиранозавра.

— Успокойся, дорогая, пожалуйста, успокойся! На вот выпей водички, приведи себя в порядок, и давай пойдем вместе в психиатрическую клинику. А потом позвоним в кинокомпанию «Цубурая»...

Но жена безудержно разрыдалась.

— Да я же правду говорю! Он уже совсем близко! Он уже тут...

В этот момент дом вздрогнул и зашатался. Почва ушла у нас из-под ног, где-то вверху прокатился чудовищный рев, и стены запылали зеленоватым пламенем.

Я продолжал стоять в оцепенении. Но это длилось лишь секунду. Меня подхватила волна леденящего ужаса. Я волчком завертелся по комнате, задевая столы и стулья. Годзира! На самом деле! Конечно, конечно, нет ничего странного, что он появился. Ведь совсем недавно чуть ли не у порога своего дома я встретилсь с мальчиком-атомом!

— Теперь не до вещей! — жена вцепилась в мою руку и потащила меня за собой с силой, удивительной для такой маленькой и хрупкой женщины. — Бежим, скорее бежим!

Все происходило, как в кошмарном сне. Мы выскочили на улицу, и я увидел за домом гигантского, чуть не достигающего облаков тиранозавра. Но я знал, что это не тиранозавр. Это был Годзира, чудовище, раз в сто превосходившее тиранозавра по размеру и лишь принявшее его внешний облик. Я увидел, как Годзира распахнул огромную, как кратер вулкана, пасть, усеянную острыми зубами, и дохнул пламенем.

Мне казалось, что я вижу сон, но, прежде чем я успел ущипнуть себя за щеку, мои ноги споткнулись о камень и я растянулся на земле.

Острая боль в коленке, разодраные штаны и кровь свидетельствовали о том, что все это происходит наяву.

Потом начался хаос. Земля качалась, с неба сыпались огненные молнии, деревья с жалобным треском лопались и рушились. Стало жарко, как в пекле. А я все бежал и бежал, бежал вслед за женой, которая не выпускала моей руки и орала так громко, что заглушала рев Годзiry и вой ураганного ветра.

И вдруг откуда-то раздался голос:
— Э-эй, берегись! Посторонись!

Я посмотрел туда, откуда доносился голос. Из охваченных пламенем кустов выскочили ниндзя и самурай и понеслись куда-то со всех ног.

То и дело вспыхивали новые пожары. Черный вонючий дым спирал дыхание и застипал глаза. Внезапно раздались восторженные крики и аплодисменты. На небе появилась фигура «Стального человека №28», собиравшегося напасть на Годзиру...

Позже я узнал, что нечто подобное произошло во всем мире. Земля стала огромным сумасшедшим домом, кунсткамерой или не знаю чем еще. Какое-то фантастическое явление, абсолютный нонсенс — и этого оказалось достаточно, чтобы пошатнулись и рухнули устои человеческого общества, возводимые веками. В Америке появились Кинг-Конг и чудовище Франкенштейн и учинили безобразия. Один из них, не помню кто, перебил все стекла в Белом доме, а второй гонялся за женщинами... Во Франции и Германии все дороги были наводнены неандертальцами, устроившими охоту на мамонтов. Потом откуда-то вынырнул Наполеон — его узнали по треуголке... Потом Атилла

нокаутировал Чингисхана, якобы за то, что тот хотел встать во главе его армии. Чингисхан не остался в долгу и, применив недозволенный прием, положил гунна на обе лопатки... Вампиры среди белого дня сосали человечью кровь, а потом как ни в чем не бывало утирались салфетками, украшенными в ресторанах... Марсиане безуспешно разыскивали писателя Уэллса, чтобы расkvиться с ним, исказившим марсианскую действительность. Какие-то жители космоса, самые захудальные, наверно из касты «эт»а, выгнанные властелинами из своих жалких лачуг, поспешили занимали особняки на Лазурном берегу... В Англии все выгоны и пастища заросли человекоядным растением, именуемым трифидоном. Сельскохозяйственным рабочим приходилось плохо...

Короче говоря, всю нашу планету наводнили диковинные существа: из прошлого, будущего или сказок — какая разница? Порядок во всем мире был нарушен в мгновение ока. Никто ничего не понимал. А я меньше всех. Мы с женой затерялись в многотысячной толпе. Ее волны несли нас куда-то, и не было никаких сил сопротивляться. Да и к чему сопротивляться? Очевидно, все было кончено. Правительство, армия, полиция делали гигантские, просто нечеловеческие усилия, чтобы хоть как-нибудь восстановить порядок, но что они могли сделать? Как можно управлять своей вотчиной, если вокруг бродят всякие Годзиры, Франкенштейны, фантомы и говорящие звери?..

И вот в этой сутолоке, в этом человеческом месиве я однажды наткнулся на своего приятеля, того самого, который когда-то работал на телевидении. Он сидел на пороге многоэтажного здания и невидящими глазами смот-

рел в небо. Я его окликнул, но он не отозвался и продолжал смотреть в небо.

— А-а, это ты... — произнес он наконец, когда я хорошенько тряхнул его за шиворот. — Ну как, жив-здоров?

— Какое там жив-здоров! — огрызнулся я, сразу выйдя из себя. — Я уж и не знаю, я ли это. Может быть, это уже не я, а кто-то другой...

— Да-да-да, — пробормотал он. Его голос звучал тихо, но в нем явно были слышны восторженные нотки. — Так-так-так. Значит, говоришь, ничего не знаешь... И поделать ничего не можешь...

— Послушай, — я снова его хорошенько встряхнул, — помнишь нашу последнюю встречу? Тогда ты что-то болтал про какое-то удивительное явление. Значит, ты уже тогда знал? Каким образом ты мог предугадать это явление, или, вернее, эту чушь?

— А-а, ты про это... — промямлил мой приятель. Рот у него был разинут, ну, круглый идиот, да и только. — Вот мы... — то есть наша телепередача...

— Мы? — переспросил я. — Телепередача?..

— Да. Это единственное логическое объяснение...

— Ничего не понимаю, объясни толком. — Я решил, что приятель рехнулся от пережитого потрясения.

— Э-э, ну, как тебе объяснить, — начал приятель, раскачиваясь из стороны в сторону, — видишь ли, в чем дело... Мы и сами в некотором роде телевизионные изображения, которые кто-то передает. Жизнь, наша действительность — не более чем огромный экран. А мы, так сказать, персонажи пьесы...

— Как так? — спросил я, уже окончательно

убедившись в его ненормальности. — Не забывай, что наше существование, существование человека на земле, как и всякие формы жизни, будь то на нашей планете, или в космосе, да, наконец, и существование самого космоса — материально. Понимаешь ты или нет? Все мы, все, что нас окружает, — та или иная форма материи.

Невольно я возвысил голос. Почему-то мне очень хотелось убедить его. Не знаю, может быть, я пытался убедить самого себя?..

— Не шуми, — проворчал приятель, — это все я давно знаю. Однако это ничего не доказывает. А вот если принять за истину то, о чем я говорю, то есть что мы некие изображения, тогда еще можно как-то, хоть и смутно, осознать суть этого явления.

— Допустить, что мы — не что иное, как персонажи телевизионного экрана?

— Вот именно! — кивнул он. — Слушай дальше. Возьмем телевизионную постановку. Актер играет определенную роль. Так? Ты понимаешь, что сам актер и то лицо, которое он играет, не одно и то же? Что вымышленный персонаж отличается от реального человека, актера?

— Как будто понимаю, но не совсем, — покачал я головой, — вернее, не понимаю, что из этого следует. Ну, например, актер играет самурая. И что же?

— Вот-вот! Он играет, то есть притворяется. Но мы, зрители, не воспринимаем это как притворство. Через игру, монолог, грим, костюм, декорацию мы воспринимаем самурая, как такого. И мы в этот момент совсем не думаем, что в реальной действительности никакого самурая не существует.

— Что-то голова болит, — сказал я.

— Болит! Болит! — вспылил приятель. — И вообще, на кой черт тебе теперь голова? Продай ее кому-нибудь, что ли...

Потом, немного успокоившись, продолжал:

— Так вот, самурай существует лишь в воображении. Таким образом возникает некая связь между передающим и воспринимающим, осуществляемая при помощи кинескопа и экрана. Но если допустить, что у самурая, существующего в воображении, в этот момент появляется самосознание, тогда он будет воспринимать вымысел, пьесу как реальную действительность.

— Ну, пока, — сказал я, — прощай. Будь здоров. Всего тебе хорошего!

— Подожди! — Его оцепенение как ветром сдуло. Он моментально вскочил на ноги и схватил меня за ворот пиджака. — Заставил меня тут разглагольствовать, сам лез с разными вопросами, а теперь бежать?!

— Ладно, ладно, понял, я все понял... Да ты не тяни меня за воротник! Теперь ведь ни где ничего не купишь, — пробормотал я, теряя надежду, что от него удастся легко отделаться. — Хорошо, пусть персонаж из телевизионной пьесы, скажем самурай, воспринимает сюжет и эпоху как реальную действительность. Ну и что из этого?

— А вот что, — сказал он и сделал широкий жест. — Весь мир, который нас окружает, с его солнечной системой, с другими галактиками, с космосом и со всем прочим не что иное, как своеобразная телевизионная декорация. Нам просто внущили, что это реальная действительность... Или, лучше сказать, мы персонажи, которым предназначено верить в реаль-

ность окружающей нас обстановки и всего того, что с нами происходит...

— Какой бред! — пробормотал я, но так тихо, чтобы он не услышал. А потом громче:

— И откуда же ведется эта телепередача?

— А я почем знаю?! — он опять начал нервничать. — Что ж ты думаешь, самурай, которого только играют, который существует только на экране, может по-настоящему мыслить? Хотя, впрочем...

— Что — впрочем?

— Ты, наверно, знаешь, что существует такая теория. всякое тело во времени и пространстве является всего лишь проекцией сверхобъемности четвертого измерения на третье измерение...

— Но позволь, это же не совсем то, о чем ты говоришь! По-моему, ты пытаешься вложить в эту теорию какой-то свой, особый смысл.

— Это я только к примеру, — отозвался приятель, — очень может быть, что мы, как самурай из телепьесы, представляем собой лишь изображение на двумерном экране. Иными словами, мы стереометрические тела, изображенные в ограниченном трехмерном пространстве. Если допустить, что передача ведется из суперизмерения.

— Но как ты допустишь, что существо, являющееся только изображением, может иметь собственное самосознание и мыслить самостоятельно?

— Вероятно, по ходу действия пьесы мы должны иметь такое самосознание! — воскликнул он, энергично жестикулируя. — А что думают настоящие суперактеры, которые нас играют, — это никому не известно. Как может знать персонаж, что думает и чем живет актер?

— А история? — слабо возразил я. — А подтвержденный наукой факт, что человеческое сознание — одна из высших форм существования материи?

— Подтвержденный наукой факт?! — его голос зазвучал печально. — Пойми ты наконец, что в нашем сценарии все предусмотрено. Это очень сложная и многоплановая пьеса. И, очевидно, авторы позаботились, чтобы наша роль не ограничивалась простейшими действиями. Нет, она гораздо глубже. Мы играем роль существ, способных мыслить и выдвигать гипотезы. И открытия, и научные исследования, и изобретательство — все это есть в сценарии. Как же тогда можно ссылаться на такие вещи, как факт, подтвержденный наукой? Ладно, допустим, что человек проделал сложную эволюцию — от амебы до разумного существа. Но кто был свидетелем этой эволюции? Ведь амебы существуют и сейчас. Но я что-то не встречал такой амебы, которая вдруг превратилась бы в рака-отшельника, потом в черепаху, потом в крысу и, наконец, надела бы сорочку и галстук и отправилась на работу в свою контору...

— Погоди, — сказал я, чувствуя, что голова идет кругом, — а материальные законы, общие для всей Вселенной...

— В том-то и дело, — перебил он, — что все они совершенно несостоятельны! Стоит только задуматься — и видишь, что это здание, построенное на песке. И даже не на песке, а просто в воздухе. Эйнштейн открыл великий закон, так сказать закон всех законов, — постоянство скорости света. Но кто возьмется объяснить, почему скорость света постоянна? И кто может поручиться, что она в один прекрасный день не

изменится, то есть не перестанет быть постоянной?!

— Но...

— Например, то, что происходит сейчас... Мир наводнен странными существами. Кто они — люди, духи, проекции из какого-то еще неизвестного нам измерения? Или просто внезапно воплотившаяся мысль, вечно существующая вне времени и пространства? Или жители неведомой галактики, очень похожей на нашу и совсем не похожей, занесенные в наш мир невиданной катастрофой? Никто ничего не знает, а главное — никто ничего не может изменить и предотвратить... Ученые только напрасно ломают голову.

— Ну, знаешь ли, — возразил я, — пожалуй, можно найти и другие объяснения, кроме твоей теории телевидения. А что, если это странное, удивительное явление, переиначившее весь мир, — материализовавшаяся фантазия какого-нибудь человека? Такого, который обладает сверхъ мощными телепатическими способностями и небывалой концентрацией воли?

— А я что говорю? — понизил голос приятель. — Ведь это только подтверждает мою мысль. Если рассматривать механику этого необъяснимого события, то в мире произошло одно физическое явление — не менее удивительное, — непосредственно связанное с тем, что мы наблюдаем.

— Ага, — сказал я с обидой, — теперь я вспоминаю. Тогда ты на что-то намекал, только не захотел мне объяснить. Говори, что ты имел в виду?

Он ухмыльнулся.

— В различных частях земного шара наблюдается замедление скорости света. И учи,

не всякий свет замедлил свою скорость. Но есть случаи, когда свет независимо от магнитного поля и опосредствующего тела снизил скорость до двухсот пятидесяти тысяч километров в секунду. Вот что обнаружено физиками. Однако никто не мог определить, в каких именно случаях это происходит и откуда идет этот свет. Просто физики констатировали тот факт, что появился второй свет, с замедленной скоростью. Таким образом, у нас теперь два света, один обычный, старый, со скоростью трехсот тысяч километров в секунду, другой — новый, со скоростью двести пятьдесят тысяч километров в секунду...

— А что это может значить? — спросил я, чувствуя, как меня начинает трясти. — Почему такая глупость, такая нелепица?..

— А я почем знаю! — выпалил он. — И кто вообще может утверждать, что в мире существует только один свет, с одной скоростью?

— Но-но,— отрезал я,— ври да не завирайся. Если бы скорость света изменилась до такой степени, то равновесие между веществами, образующими Вселенную, полетело бы к черту и...

— Ох, и глуп же ты! — воскликнул он. — Я и говорю, что скорость *нашего* света, поддерживающая равновесие *нашей* сцены — Вселенной, осталась прежней. Не то мы бы уж давно распались на атомы. Да и сами атомы изменили бы свою структуру. Нет, тут другое. Просто из какого-то неведомого источника появился еще один свет, существующий параллельно с нашим. Может быть, он и проектирует на Землю, в нашу реальную действительность, каких-то существ иного плана, ну, скажем, фантомов, принявших плотские очертания.

Он совсем обессилел и понурился. Потом продолжал:

— Понимаешь, мы ведь используем для коммуникаций радиоволны различной частоты... Может быть, и они там... — Он неопределенно покрутил пальцем в воздухе, — может быть, они использовали другую скорость света, чтобы сконцентрировать в определенном отрезке времени разноплановых существ, принявших реальную, материальную оболочку.

Я бессильно повалился на ступеньку лестницы, рядом с приятелем. Говорить нормальным образом я уже не мог. Голос куда-то исчез, а из моего горла вырывались какие-то тонкие звуки, похожие на комариный писк.

— Как же? Зачем же? Почему же? — пискнул я. — Кому это понадобилось, а? Ведь это глупость, а? Может быть, у них там, — я тоже хотел покрутить пальцем в воздухе, но рука, как неживая, шлепнулась на ступеньку, — может быть, они все с ума посходили? Ну, заехали шарики за ролики — и все. Они и пошли куролесить...

— Я же говорю тебе, ведь можно допустить, что вся наша Вселенная — гигантский экран телевизора, а мы персонажи пьесы... — Его голос тоже звучал подавленно. — Вспомни, мы еще хотели скомбинировать натурные съемки с рисованными кадрами... Может быть, им надоело «Реалистическое космическое представление». Ведь все приедается. Даже богам и разным там сверхсуществам иногда хочется посмеяться. Вот они и придумали этакую веселенькую затею. Небось, и название хлесткое ей дали — «Хаотическая комедия» или еще какое-нибудь...

Я содрогнулся и посмотрел на небо. Гигант-

ская Вселенная. Кажется, все спокойно, все нормально: светит солнце, где-то там звезды. Наступит вечер, и они появятся. И луна появится. И вот в одной точке беспредельного пространства, точке такой малой, как экран телевизора по сравнению со всем небом, происходит дикое, совершенно необъяснимое явление...

Я отчетливо представил какой-то зал, повисший в голубоватом «ничто». Там стоят кресла, или скамьи, или еще что-то, на чем можно сидеть, лежать, стоять. И там полно зрителей... Какие они? Может быть, пятиглавые и сторукие, может быть, огромные, как горы, или крошечные, как блохи... А скорее всего, такие, что нашему воображению и представить трудно, — аморфные, расплывчатые, бесцветные. И эти глыбы слизи или тумана смотрят, как по нашей Земле разгуливают ирреальные существа, отвратительные чудовища, призраки, — и хохочут, хохочут до слез, хохочут, надрывая животики... И мы, до недавних пор уверенные в реальности собственного существования, на самом деле всего лишь фантазия, плод их разыгравшегося сверхвоображения...

— Послушай, — обратился я к приятелю, чувствуя, что еще минута — и я просто умру от горя, — а с нами-то что станется? Что дальше будет, а? Придет все в норму или нет?

— Черт его знает, — неуверенно сказал он. — Не известно, что им еще взбредет в голову. Хорошо, что сейчас их публика как будто увлекается комедией. Видать, благодушное у них настроение. А ну как зритель заявит: давай нам кровопролитную драму? Тогда такое начнется! Чего ведь не сделаешь в угоду зрителю...

Синити Хоси

КРИЗИС

— Вот оно! Наконец-то! — торжествующе воскликнул профессор Эн.

Профессор был еще молод и очень талантлив. Он работал в одном научно-исследовательском институте.

В лаборатории стоял специфический запах — едкий запах химикатов. На столах — колбы, реторты, мензурки, пузырьки с различными жидкостями, порошками и кристаллами, штативы с пробирками, книги, бумаги.

Профессор оторвался от микроскопа, достал сигарету и прикурил от пламени спиртовки. В воздухе поплыли синеватые кольца дыма.

Клерк, который сидел в углу за конторским столом и делал записи в толстенном гроссбухе, тоже поднял голову и сказал:

— От души поздравляю вас! Ну и устали же вы, наверно!

— Действительно, устал. И почувствовал это только сейчас. Пока работаешь, не замечаешь ничего.

— Да-а... Я вот подумал... извините, конечно... Но очень уж странная была у вас тема. Ведь специально построили институт, уйму денег ухлопали... А все для чего? Чтобы создать нечто, которое будут не продавать, а так, даром раздавать. В то время как в стране страшный кризис...

Клерк захлопал глазами и снова углубился в книгу. Профессор рассмеялся.

— А это уж меня не касается! Мое дело маленькое: сделал то, что мне заказали акционеры, и все. Теперь работа завершена, и скажу

не хвастаясь, справился я отлично. Остается лишь получить гонорар, предусмотренный договором.

— Что ж, вам можно только позавидовать. Такие деньги! А что вы собираетесь с ними делать?

— Разве я вам не говорил? Я собираюсь жениться, друг мой. По-моему, прекрасное предпринятие для помещения денег: Свадьба, дом, обстановка и все прочее... Мы с ней давно любим друг друга. Месяца два назад обручились, а теперь начнем семейную жизнь. Мне и во сне не снилось, что все получится так здорово.

— Ого, профессор, да вы, оказывается, романтик!

— А что — разве это плохо? Любое увлечение прекрасно. Признаюсь, я действительно склонен увлекаться...

— Очень хорошо, — отозвался клерк и потянулся к телефону, — я думаю, надо сейчас же сообщить заказчикам об успешном завершении работы.

Минут через двадцать на улице послышался шум машины — приехал господин Ар. Этот пожилой мужчина занимал видное место в финансовом мире и сейчас представлял интересы вкладчиков этого научно-исследовательского института.

— Добрый день, господин профессор, — сказал он, пожимая руку ученому и отдуваясь. — Как только мне позвонили, я тут же примчался. Значит, ваша работа успешно завершена?

— Да. Так сказать, сделал последний бросок и причалил к пристани.

— Ну и слава богу! А то вкладчики последнее время меня просто извели. Поскольку я

рекомендовал вас, они наседали на меня. И капиталовложения уже достигли значительной суммы.

— Поэтому я и торопился.

— Отлично, отлично! Я сгораю от желания взглянуть на результаты собственными глазами.

— Разумеется. Прошу вас вот сюда.

Професор провел господина Ара во внутренний дворик института. Там, под стеклом парников, пестрели красивые, яркие цветы. Господин Ар слегка нахмурился.

— Не понимаю. Причем тут цветы?

— Дело не в цветах, а в пчелах. Вот видите — два совершенно одинаковых парника. Но во втором пчелы собирают меда вдвое больше, чем в первом.

Финансист заглянул в улей, сделанный из тонкого, совершенно прозрачного пластика. Сверился с контрольной шкалой.

— Да, действительно...

— Все очень просто. Пчелам второго парника привита моя бактерия. Та самая, над выведением которой я работал все это время... А теперь прошу вас взглянуть вот сюда...

Професор подвел господина Ара к ящику с белыми мышами. Там находились два колеса. Одно вращалось довольно медленно, другое крутилось с бешеною скоростью.

— Мыши... А... а что они делают?

— Видите, как быстро вращается второе колесо? Запущенные туда мыши тоже подверглись обработке моими бактериями. Они бегают в два раза быстрее контрольных.

Господин Ар все внимательно осмотрел, но еще больше нахмурился.

— Я прекрасно понял, какой эффект произ-

водит выведенная вами бактерия. Но я человек дела, и меня в первую очередь интересует практическая сторона. Какую пользу можно извлечь из бактерии? Надеюсь, вам известно, что производство искусственного меда уже освоено нашей промышленностью. Скоро он поступит в торговую сеть. Далее. Конечно, очень интересно добиться, чтобы животные бегали быстрее, но, как ни старайся, до ракетомобиля им далеко. Боюсь, вы неправильно поняли цель работы.

— Я попросил бы вас не делать поспешных выводов, — несколько обиженно ответил профессор Эн. — Я как ученый докладываю о моем открытии...

— Понятно. Но нельзя ли побыстрее?

— Так вот. Вы сейчас могли наблюдать, какое воздействие оказывает моя бактерия на животных и насекомых. На людей же она влияет совсем по-другому. Наибольшая трудность в моей работе заключалась в том, чтобы приспособить бактерию к человеческому организму. Если перечислить все пущенные в ход средства, в том числе и облучение радиоактивными элементами...

— Простите, трудности, которые вам пришлось преодолеть, меня не интересуют. За трудности мы выплатим вам договорную сумму да еще премиальные. Я хочу поскорее увидеть результат.

— Что ж, как вам будет угодно... Пройдемте в кинозал. Я привил мою бактерию одному мальчику, разумеется, после того, как убедился, что она совершенно безвредна для организма. На пленке зафиксировано поведение ребенка. Прошу вас внимательно следить за его действиями.

Свет в зале погас. На экране замелькали кадры.

...Мальчик вместе с родителями входит в универсальный магазин. Останавливается у прилавка с игрушками.

— Купите мне электровоз! — говорит мальчик.

— Электровоз? Мы же неделю назад купили тебе электровоз, — вразумляют его родители.

Мальчик упорно настаивает на своем:

— А я хочу еще один! Еще один!

Он начинает капризничать. Родители в конце концов уступают и покупают ему второй электровоз...

На этом месте профессор Эн прервал демонстрацию фильма и принялся объяснять:

— Как вы уже убедились, бактерии, попав в организм животных, воздействуют на их движения, убыстряют ритм работы мышц. На человека они оказывают иное действие: они возбуждают его психику.

Профессор снова пустил проектор.

...Мальчик с родителями вышел из универсмага. Семья направилась в кафе. Заказали мороженое. Мальчик съел порцию и потребовал еще одну. Родители возражали. Он настаивал. Пришлось согласиться с требованием ребенка.

Профессор Эн опять прервал демонстрацию фильма. Минуту он молчал. Потом в темноте послышался его самодовольный голос:

— Вы видели, что мои бактерии так воздействуют на человёка, что его желания удваиваются. Разумеется, при этом не наблюдается никаких вредных побочных явлений. Ну, что скажете?

Казалось, господин Ар был поражен. После небольшой паузы он восторженно произнес:

— Это великолепно! Именно то, что нам нужно. Нет, просто удивительно: желание покупать возрастаet вдвое! Чего уж лучше!

— Ну, вот видите — все в порядке. Благодарю вас за лестный отзыв. Значит, я потрудился не зря.

— Еще бы! Ведь сейчас войны совсем прекратились. Во всем мире воцарился мир, понимаете — мир! И что происходит? Сразу возникает проблема перепроизводства. С каждым днем симптомы кризиса делаются все более явными. Потребление катастрофически падает: у всех все есть, люди не хотят покупать...

— Ну-да, вы правы, — перебил его профессор, — тут как ни крути, а желание приобретать вещи не может быть безграничным. Взять хотя бы меня: я никогда не покупаю две одинаковые книги, они ведь мне ни к чему.

— Вот видите! А нам нужно, чтобы покупали. Что покупатель сделает с покупкой, нас уже не касается. Пусть хоть выбросит. Лишь бы купил! Что бы там ни было, а люди должны покупать, прежде всего покупать. Ради этого и существуют все виды реклам — и телевизионные, и радио, и все прочие. Однако на одной рекламе далеко не уедешь. Если человек купил все, что ему надо, то его уже не заставишь покупать еще. Понимаете, как важно ваше открытие? Если удастся разжечь покупательные страсти масс и потребление возрастет вдвое, то промышленность сразу оживится.

Господин Ар ликовал. Но профессор обеспокоился.

— Мне становится как-то не по себе, хотя я сам вывел эту бактерию, — взволнованно сказал он. — Ведь удвоится нерациональное по-

требление. Я не уверен, что стоит заражать людей такой бактерией.

— Да вы не беспокойтесь! Не забывайте, что суть цивилизации именно в ее бесполезности. Так было, и так будет. Взять хотя бы пирамиды. Зачем их построили? Как видно, уже в древности люди только и делали, что впустую растрачивали свою энергию. А как развивалось человечество дальше? По этой же линии. Вино, табак, кофе, духи, галантерея, безделушки — разве это предметы первой необходимости? А калейдоскоп моды? Да и само искусство, наконец. Ведь от всего этого нет прямой пользы. А наука? Все ли проблемы, которые она решает, жизненно необходимы? Даже проблема долголетия и та, если рассуждать здраво, сплошная чушь. Что получает человек, если его жизнь продлевается сверх нормы? Да почти ничего. Наоборот, вступают в силу разные ограничения: того не ешь, этого не пей, следи за каждым своим шагом, за каждым чихом. Скукотища! И ведь боятся же учёные над этой проблемой! А пользы — никому никакой.

— Ну-да...

— Однако посмотрим, что получается из бесполезности. Чем больше существует бесполезных вещей и чем больше денег на них можно истратить, тем больше радуется человечество. Оно просто в восторге от высокого уровня своей цивилизации. А кто посмеет противиться человечеству? Ваша бактерия — великое достижение. Я бы назвал ее «бактерией радости». Действительно, ведь если бесполезные затраты удвоются, у всех будет такое ощущение, словно над миром взошло второе солнце. Люди просто с ума сойдут от счастья, сочтут, что

цивилизация сделала огромный скачок вперед. Видите, какое хорошее дело вы сделали. И нечего тут сомневаться!

— Вы меня убедили. Я же ученый. В своей области разбираюсь отлично, а вот в экономике и культуре совсем ничего не смыслю... Разрешите продолжить демонстрацию фильма?

— А что там еще?

— Излечение мальчика и превращение его в нормального ребенка.

— Что?! — гаркнул господин Ар. — Вы и такое средство создали?

— А как же? У всякого яда должно быть противоядие. А вы считаете, оно не нужно?

— Конечно, не нужно! Спрячьте ваше противоядие подальше. Ведь оно подавляет желание покупать, а следовательно, тормозит развитие цивилизации. Мы не вправе идти против эпохи.

— Что ж, учту в дальнейшем. Но на всякий случай — такое средство есть.

Они покинули кинозал и вернулись в лабораторию. Профессор Эн открыл сейф, порылся там и вытащил какую-то банку.

— Что это у вас? — спросил господин Ар.

— Самые жизнестойкие из моих бактерий. — Он любовно погладил банку. — Я выводил их в культуре антибактерина. Многие погибли. А оставшихся я помещал в еще более концентрированный раствор. Таким образом у бактерий выработался иммунитет. Против них бессильны любые средства. Вот я и держу их в сейфе: вдруг потребуется сразу всех уничтожить.

Профессор Эн хотел было поставить банку назад, в сейф, но господин Ар удержал его руку.

— Погодите, погодите! Дайте сюда вашу банку. Это же самое ценное, что у вас есть. Прелестная бактерия! Не вредит здоровью человека и приводит к росту цивилизации. И главное, никто с ней ничего не сможет сделать. Вы просто молодец. Кроме договорной суммы, я увеличу вам сумму премии...

С этими словами господин Ар заглянул в сейф. Он увидел там еще одну банку, тоже герметически закрытую.

— А в этой банке что?

— Здесь бактерии с максимальной способностью к размножению. Если открыть эту банку, весь мир моментально будет заражен.

Господин Ар даже затрясся.

— В самую точку! Это-то нам и нужно! Волшебное лекарство! Оно возродит наш захивевший мир. Грандиозно: одна минута — и на всей земле наступает деловое оживление... Давайте договоримся насчет премии. Сумма будет такой, какую вы назовете.

Професор замялся.

— Разрешите мне немного подумать...

Но господин Ар уже вытащил чековую книжку.

— Да что тут думать! Давайте решать сейчас. Я хочу взять эту банку немедленно, — он усмехнулся, — и потом, я немного боюсь: когда вы заразитесь, пожалуй, у нас не хватит денег с вами расплатиться.

— В таком случае...

Професор Эн медленно назвал цифру. Он подсчитал в уме, сколько денег ему понадобится, чтобы всю жизнь жить в роскоши, и на всякий случай удвоил эту сумму. Цифра не была астрономической, но все же очень внушительной.

Господин Ар без колебания вписал в чек названную сумму.

— Вот, пожалуйста. Вы это заслужили. Вы сможете в любом банке обменять мой чек на наличные.

— Спасибо. Забирайте бактерии. Здесь именно те, о которых я вам говорил. Слово ученого!

Сделка благополучно завершилась. Господин Ар одной рукой сжимал банку, другой — пальцы профессора, изъеденные химиакалиями.

— От всей души благодарю вас! Вы совершили великое открытие. Ваши труды не пропадут даром: очень скоро в мире начнется всеобщее оживление и веселье...

И он вышел из лаборатории танцующей походкой.

Весь следующий день профессор Эн провел в институте — ликвидировал дела. А вечером такой же танцующей походкой направился в дом своей невесты.

Какое счастье! Наконец-то осуществляются все его мечты. Он женится и заживет безоблачной жизнью. Конечно, может случиться, что жена, заразившись его бактериями, потребует еще одну виллу. Что ж, пожалуйста, хоть десять — денег хватит.

Едва переступив порог, профессор Эн обнял свою невесту и восторженно воскликнул:

— Дорогая, работа завершена. Мне все удалось! Я стал богачом. Перед нами открыт весь мир. Мы с тобой будем очень счастливы!

— Как я рада, дорогой! — воскликнула она, подставляя щеку для поцелуя.

Ее глаза сияли. И вдруг профессор заметил, как что-то блеснуло на ее пальце. Не поверив своим глазам, он опустил руку в карман и на-

щупал точно такую же вещь. Совершенно растерянный, он спросил:

— Что это у тебя за кольцо? Какие глупости! Неужели ты купила сама? Но ведь, милая моя, так никто не делает! И потом, я как раз сегодня принес тебе кольцо. Вот оно.

И он протянул ей изящный футляр, где на черном бархате лежало обручальное кольцо.

Девушка надела его на палец.

— Как я счастлива, милый!

— Но ты не ответила на мой вопрос. Что это за кольцо?

— Тоже обручальное.

— Как так?

— Понимаешь, я тебя очень люблю и не собираюсь расторгать нашу помолвку. Но видишь ли... даже не знаю, как объяснить... Я вдруг начала чувствовать, что тебя одного мне будет мало... Ну, вот... недавно ко мне приходил один человек и сделал мне предложение. Он мне нравится. И мы тоже обручились...

Профессор Эн некоторое время молчал, потом сказал:

— Кажется, я понимаю... У меня тоже такое чувство, что я не смогу удовольствоваться одной тобой...

И после короткой паузы добавил:

— Да, как видно, наш старый мир действительно ожила... Начинается веселенькая жизнь...

Синити Хоси

КОГДА ПРИДЕТ ВЕСНА

Словно игла, ракета пронзает черную, ледяную космическую ночь. Ракета... Изящные линии. Рыба в струях потока... Пантера, распластавшаяся в стремительном прыжке... Длинное лезвие остро отточенного ножа...

О, ее форма совершенна. Но раскраска! Какой диссонанс! Корпус и хвостовое оперение размалеваны рекламами.

На носовой части красуется бутылка с яркой этикеткой — пейте прохладительные напитки! По соседству — улыбающаяся красотка с алыми губами и подведенными глазами. Да здравствует косметика! Хвост гордо несет похожую на герб торговую марку электрокомпании. Рядом — другие рекламы: оптических приборов, готового платья, продуктов питания...

Нет, рекламы исполнены неплохо. Совсем неплохо, если взять каждую в отдельности. А вот все вместе... Не поймешь, что это — космическая ракета или рекламная колонна в увеселительном парке. Светящиеся краски, разгоняющие мрак, мигающие и мерцающие буквы...

— Как работают осветительные установки?

Это спросил профессор Эн, командир корабля. Ему ответил пилот, его ассистент:

— Отлично... Но, профессор, мне и не снилось, что нашу ракету так разукрасят.

— А что я мог поделать?..

Профессор Эн горько усмехнулся. Он был основоположником оригинальной теории высо-

ких скоростей. Применив ее на практике, он создал проект этой замечательной ракеты. Но работа над проектом поглотила все его состояние. Денег на постройку не осталось. Нетрудно представить, какое разочарование он пережил.

Конечно, можно было бы продать проект; при этом не только окупились бы все расходы, но еще и осталась бы кругленькая сумма — чистая прибыль. Но стоит его продать — и конец всем мечтам, ракету уже не используешь по собственному желанию. А он и думать об этом не мог — отказаться от всего после стольких лет работы! В конце концов ему пришла в голову хорошая идея. Профессор Эн обошел многие фирмы и везде делал одно и то же заявление:

— Не угодно ли ознакомиться с моим проектом? Я изобрел сверхскоростную ракету. Да, да, да, да, совершенно новый принцип... Что? Говорите, мы уже освоили достаточно много планет? Но это же детские игрушки! Моя ракета полетит гораздо дальше! Я готов рекламировать и продавать продукцию вашей фирмы... Только не думайте, что я заинтересован именно в вашей фирме... Многие торговые компании просто ухватились за мое предложение. Еще бы! Такие возможности...

Успех был необычайный. Профессор сам не ожидал такого. Деньги потекли к нему рекой. Ракета стала реальностью. И теперь она поднялась в космос. Зато пришлось расписать ее корпус рекламами, все отсеки завалить товарами. Профессор смог взять с собой только своего ассистента. Для других не хватило места.

— Вижу планету! Вижу планету! Недалеко

от красного солнца! — прерывающимся от волнения голосом доложил ассистент.

Профессор попросил:

— Дайте характеристику планеты!

— Включаю видеоскоп... Атмосфера похожа на земную... Пейзаж тоже. И люди...

— Определите уровень цивилизации населения!

— Сейчас... Уровень цивилизации несколько ниже, чем у нас...

— Ну, слава богу! Хороши бы мы были, если бы попали на планету с высокой цивилизацией! С нашими-то товарами! Местные жители померли бы со смеху. А мы бы зря притащились в такую даль... Возьмите курс на планету!

Отдав приказание, профессор нажал кнопку на специальном щите. Все рекламы вспыхнули еще ярче. О, профессор был честным человеком! Он дал слово фирмам и собирался добросовестно его сдержать.

Ракета пошла на сближение с планетой и, постепенно сбавляя скорость, совершила посадку на широком лугу, недалеко от маленького городка. Профессор нажал на другую кнопку. Из мощного громкоговорителя полилась рекламная песенка. Ее легкая, веселая мелодия расплеснулась над неведомой страной.

Время года на планете, по-видимому, соответствовало земной осени. Желтые листья тихо падали с деревьев. Глядя на этот чужой, но такой знакомый пейзаж, профессор пробормотал:

— Как бы собрать население?..

— Да вы не беспокойтесь, профессор. Вон — сами уже бегут к нам. Смотрите, смотрите, —

ассистент указал рукой, — какие добродушные...

Действительно, население выглядело мирным. Все были безоружны и отнюдь не походили на дикарей. Они приветливо улыбались.

Професор понаблюдал еще некоторое время, убедился, что им не грозит никакая опасность, и вышел из ракеты. Ассистент и профессор заговорили с местными жителями. Вернее, это был не разговор, а своеобразная пантомима, в которой два человека жестами, мимикой и замысловатыми телодвижениями старались объяснитьaborигенам, что они прибыли с планеты другой солнечной системы, с планеты, называемой Земля.

— Вот так-то... — заключил свое выступление профессор. — Мы хотим установить с вами дружбу на вечные времена. Понятно? Дружбу! Навсегда!

Аборигены одобрительно закивали и объяснили в свою очередь:

— Мы очень рады. У нас только что кончился сбор урожая. Надо это дело хорошенько отпраздновать. Мы вас приглашаем.

Професор и ассистент, радостно улыбаясь, переглянулись. Они поняли, почему так веселятся аборигены: закончен сбор урожая! Как раз то, что надо для торговли! Им неслыханно повезло. Прилети они на полмесяца раньше — все было бы зря. Кто станет заниматься с гостями в страдную пору?!

— Великолепно! Великолепно!.. — возбужденно сказал профессор и тут же заговорил о торговле. — Господа, не думайте, что мы приехали с пустыми руками. У нас на борту много отличных, первоклассных товаров. Мы заранее предвидели, что встретим здесь друзей, а быть

полезными для друзей — таков закон Земли. Надеюсь, ваши товары вам понравятся и мы установим торговые отношения. Понимаете? Торговые отношения на многие годы! Это я беру на себя! Не беспокойтесь, гарантия полная!

Профессор приказал ассистенту пошире открыть люк ракеты и пригласить всех внутрь, на своеобразную выставку.

Какое великолепие! Готовое платье, добротное, красивое. Предметы домашнего обихода, незаменимые в быту. Пищевые продукты высокой питательности и отличных вкусовых качеств. Конечно, здесь было много вещей, которые на Земле давно вышли из моды, и товаров, не имевших сбыта из-за перепроизводства. Но жителям планеты они казались сказочными драгоценностями. Они смотрели, не скрывая восхищения, широко открыв глаза, и время от времени осторожно трогали эти диковинки и тихо переговаривались между собой.

— Ну, как? Нравится? Все самого лучшего качества!

Профессор важно прохаживался взад и вперед и без устали расхваливал товар. Он уже не сомневался в успехе своего предприятия. Но реакцияaborигенов была совершенно неожиданной.

Качая головами и размахивая руками, они объяснили, что им ничего не нужно. Профессор и ассистент пришли в полное замешательство. Что происходит? Ведь видно, что жители планеты просто умирают от желания иметь эти вещи... Так почему же они ничего не покупают?.. Надо это выяснить.

— Что вы медлите?! Да вы не сомневайтесь, за качество я ручаюсь головой!

— М-м-да.... Видите ли, нам очень хочется купить. Очень. Но сейчас мы не можем... Придется подождать до будущего года...

Таков был их ответ.

— До будущего года? Но, милые мои, какая вам разница — сейчас или через год? Зачем тянуть?

— На нашей планете скоро начинается зима. А зимой... зимой нам все это ни к чему... Вот когда наступит весна, тогда другое дело...

Но профессор был не такой дурак, чтобы подобные доводы сбили его с толку. Он начал с жаром уговаривать:

— Зима начинается? Ну и прекрасно! Тут как раз много зимних вещей... Вот, например, электроодеяло. В подкладке атомная батарейка. Работает безотказно. Всегда будете в тепле. А косметические средства! О, некоторые из них незаменимы при больших холодах. Взглядите! Я предложил бы вам...

Ноaborигены опять замахали руками и отрицательно затрясли головами.

— Видите ли, когда на нашей планете наступает зима, мы все погружаемся в спячку... Так что в зимнее время все эти вещи нам ни к чему...

— Ах, вот в чем дело... Как странно... У нас на Земле нет такой привычки... Вы уж извините, я никак не мог подумать. Хотя... отчего бы вам не закупить все необходимое заранее? А? Ведь это будет просто великолепно: проснешься — и все под рукой, ни о чем не надо заботиться...

— Да мы бы с удовольствием... Еще бы — так удобно. Но, готовясь к зиме, мы уже убрали весь урожай на склады. Чтобы расплатиться с вами, пришлось бы все открывать и вытаски-

вать. А это нам не под силу — уж очень большой труд.

Понимающие кивнув, профессор посоветовался с ассистентом.

— Ну, что же нам делать? Как быть? Мне кажется, народ здесь честный, добропорядочный...

— Пожалуй, им можно довериться... — согласился ассистент.

— Я тоже так думаю. Ведь планета-то какая! С большим будущим! Второй такой не сыщешь! И потом, не везти же нам все обратно на Землю! Такая уйма товаров! Ладно. Пусть расплатятся весной. На самом деле — не убегут же они от нас вместе со своей планетой!

— Вы правы, профессор. Симпатичный народец. И совсем не воинственный. Да и цивилизация у них не на том уровне, чтобы они за такой короткий срок развязали войну и истребили друг друга...

Профессор Эн обратился к аборигенам со следующим предложением.

— Господа, мы вам верим, — важно сказал он, упиваясь собственным великолдушием. — Мы решили передать вам товары сейчас. А вы расплатитесь потом. Мы подождем. Будущей весной мы опять прилетим к вам. И тогда вы дадите нам в уплату долга основные продукты вашей планеты.

— О, благодарим, благодарим! Как это замечательно! На будущий год, как только придет весна, мы обязательно расплатимся! Не сомневайтесь.

Как они обрадовались! О, эти открытые, честные сердца не способны лгать! Растворенное влияние высокой цивилизации еще не коснулось их! Слово у них твердое. При такой договорен-

ности все будет в порядке. Фирмы останутся довольны. И профессор открыл все отсеки и отдал товары аборигенам. Он сказал:

— Вот, пожалуйста! Получайте! Берите! Встретимся в будущем году. Я привезу вам еще больше товаров!

— Спасибо, спасибо! Привезите обязательно! Будем ждать вас! До свидания!

Счастливые аборигены радостно махали руками. Прозвучали прощальные возгласы. Ассистент закрыл люк, нажал кнопки на пульте управления, и легкая, опустевшая ракета взвилась в небо. Вот она уже снова несется в космическом пространстве...

Профессор подошел к иллюминатору и бросил последний взгляд на гостеприимную планету.

— Какой удивительный народ! Приятно будет встретиться весной... Да, кстати, рассчитайте-ка период обращения этой планеты. Чтобы зря не ездить. А то вдруг попадешь не в сезон... Вдруг у них еще не кончится эта зимняя спячка... Это будет очень обидно...

— Слушаюсь, — ответил ассистент и погрузился в вычисления. Он копался что-то уж очень долго.

— В чем дело? Почему вы не докладываете? Или расчеты очень сложны?

— Да как вам сказать... Сложного-то ничего нет... Но и приятного тоже... Пожалуй, следовало рассчитать период обращения планеты до посадки на нее.

— Да в чем дело?

— Видите ли... Орбита этой планеты образует очень вытянутый эллипс. Как и планеты нашей Галактики, она в настоящий момент удаляется от своего Солнца... и скоро окажется

в космическом мраке и холоде, на ней все замерзнет. Конечно, без зимней спячки тут не выжить...

— То есть вы хотите сказать, что зима на ней длинная?

— Да, получается так...

— А сколько потребуется времени, чтобы планета приблизилась к Солнцу и на ней вновь наступила весна?

— Гм... В пересчете на наше, земное время— примерно пять тысяч лет...

Сакё Комацу

МИР—ЗЕМЛЕ

Мелькнула человеческая тень. Он машинально спустил предохранитель, прицелился и затаил дыхание. Впереди тихо покачивался колос мисканта. Высокая пожелтевшая трава зашуршала, заколыхалась, и оттуда высунулся крестьянин плутоватого вида, с обмотанной грязным полотенцем головой и вязанкой хвороста за плечами.

Тогда он поднялся и шагнул навстречу старику, держа наготове карабин.

Старик в ужасе шарахнулся. Испуганное лицо на миг исказилось злобой, но тут же стало непроницаемым. Тот подошел вплотную к старику.

— Жратва есть? — спросил он. — Я голоден!

Тусклыми, точно высушенная солнцем речная галька, глазами крестьянин смерил его с головы до ног. Под гноящимися веками снова вспыхнул злобный огонь.

Перед крестьянином стоял исхудалый мальчик в рваной, висевшей клочьями одежде. Его шею и тощие, как куриные лапки, руки покрывала чешуйчатая пыль.

— Ты чего карабином тычешь? — сердито пролаял старик. — Не японец я, что ли?

Парнишка опустил карабин, но на предохранитель не поставил.

— Ты где живешь? — спросил мальчик.

— Недалеко... за горкой, — ответил крестьянин.

— Мне жратва нужна! Сейчас поесть и на дорогу.

Крестьянин снова нахмурился. Он злился.

Еще бы не злиться! Какой-то мальчишка ему угрожает, карабином в грудь тычет. Еще покрикивает. Героя из себя строит. Добро бы действительно солдат был — не так уж обидно, стерпеть можно, а то сопляк какой-то!..

— Ты что, один или с дружками? — спросил крестьянин.

Мальчик покачал головой. Огляделся по сторонам.

— Один я. Меня в разведку послали. Вернулся. Наших всех перебили. А кто жив остался, видать, в горы подался.

— Всех поймали! — со злорадной усмешкой сказал старик. — Вон по той тропиночке спускались, подняв руки. Их лупили, подгоняли прикладами... даже раненых...

— Не может быть, чтобы всех... Кто-нибудь уцелел.

— И ты зря прячешься... Все одно — рано или поздно схватят.

Щелкнул затвор. Крестьянин прикусил язык. Он взглянул на мальчика затравленными глазами, налитыми кровью, как у быка.

— В Синсю прoberусь, к нашим, — упрямо проговорил мальчик, поджав губы. — Там еще крепко держатся.

— В Синсю? — ехидно переспросил крестьянин. — А знаешь, как туда добираться? Все дороги охраняются.

— Ничего, без дорог, лесами, горами прoberусь.

— Все одно сцарапают, — тихо пробурчал старик и тут же, спохватившись, искоса взглянул на мальчика; потом добавил осторожно: — Сдавайся в плен... тебе же лучше будет.

Мальчик вскинул карабин.

Ну, вот! Слова им не скажи — сразу на ро-

жон лезут. Бешеные какие-то! Такому ничего не стоит пальнуть. И дают же им оружие в руки!

— Пре-датель! — прошипел парнишка сквозь зубы. — Из-за вас проиграли!

— При чем тут мы? — пробормотал старик и торопливо добавил: — И вы не виноваты... На их стороне сила. У них всего вдоволь. А у нас что? Ни одного самолета, ни одного...

— Это не поражение, — упрямо повторил мальчик. — Умереть в бою, не сдавшись врагу... Наши в Синсю будут держаться до конца!

— Тогда всех японцев перебьют.

— А что, по-твоему, лучше холуем быть, лишь бы в живых остаться? — Он говорил таким тоном, точно отчитывал первоклассника. — Даже ребята вроде меня сражаются в смертном бою. Эх, ты!.. А еще взрослый!..

— Старуха у меня парализованная да дочка на шее, — ворчливо ответил крестьянин, — а вы-то что жрать будете, если крестьяне работать перестанут?

Но, увидев, что мальчик снова приходит в ярость, старик повернулся и, сказав: «Пойдем!», зашагал прочь.

Одинокий дом в долине. Тощая, с торчащими ребрами корова щиплет траву, на морде у нее выражение полного безразличия и покорности. Поля вдоль ущелья давно убраны, всюду, как великаны, высятся скирды рисовой соломы.

— А их нет? — подозрительно спросил мальчик.

Старик покачал головой.

— Все до одного ушли... тут неподалеку... в соседней деревне, кажись, остался отряд...

Голос крестьянина заставил мальчика еще больше насторожиться. С этим старым пугалом надо держать ухо востро.

— Мать, это я! — крикнул крестьянин.

Вблизи дом казался большим. По двору бродили куры. Пахло перегноем и свежей соломой.

От одной мысли о яичнице рот переполнился слюной.

В доме кто-то заворочался. Старик вошел и с кем-то заговорил вполголоса. Парнишка разглядел уставившиеся на него выцветшие старческие глаза. Старик успокаивающе говорил: «Ничего, обойдется», а старуха требовала гнать оборвыша в шею.

Он сел, вытер пот. Еле сдерживался, чтоб не уснуть. Сон одолевал его.

— Сейчас приготовлю поесть, — сказал старик приветливым голосом. Он прошел в кухню, неслышно ступая по земляному полу. — Дочери дома нет, я дам тебе пока холодного рису.

— Ладно, все равно.

Урчало даже в горле. Шутка ли сказать: вторые сутки ничего в рот не брал. Так и спятить недолго.

— Замори покамест червячка, а к вечеру курочку зарежем. Переночуешь у нас, утревком уйдешь себе...

— Оставь! Ни к чему это, — сказал мальчик, недоверчиво вслушиваясь в елейный голос старика. — Съем рис и на дорогу возьму немногого. Курицу резать жалко!

— Чего ее жалеть? Старенькая. А то еще им достанется.

— «Им» достанется не за так, а в обмен на что-нибудь.

Старик расхаживал по кухне и сладко ворковал:

— Ты наедайся, наедайся, а то до Синсю не доберешься.

Рисовая каша, тушеные овощи, яйца, вяленая рыба.

Он знал, много есть опасно—расстроится желудок, так и умереть недолго, но остановиться не мог. Он отхлебнул зеленого чая, с трудом подавив в себе желание есть еще, набить желудок до отказа. Голод в нем сидел, как бес. Проклятый червь скребся не только в кишках, но и во всем теле, до кончиков пальцев.

Послышились шаги. Мальчик машинально схватил карабин. Старик глянул икоса и процидил: «Это дочка моя!» Потом вышел во двор. Не выпуская из рук карабина, мальчик подкрался к окну. Со двора доносился голос женщины и торопливый, глухой — старика. Говорили на местном диалекте. Казалось, σ чем-то спорили.

Вдруг на миг к окну прижалось плоское женское лицо и тут же исчезло. Легкие удаляющиеся шаги затихли за домом. Тяжелой поступью в комнату вошел старик, насупленный, мрачный, но, встретившись глазами с мальчиком, деланно улыбнулся.

— Не слушает дочка отца... Да ты ложись, ложись, поспи...

Даже из упрямства не было сил держать глаза открытыми. Желудок отяжелел, усталость сковала ноги, руки.

— Поспи, а я пока баньку приготовлю.

— Какую еще баньку? — нахмурился мальчик.

— Помыться тебе надо, смотри, какой потный, грязный.

— Ничего не надо. Понял?

Веки слипались сами собой. Последним усилием

лием воли он крепко сжал одной рукой карабин, другой — пистолет и заснул тяжелым свинцовыми сном там, где сидел.

Проснулся от боли в животе: это было возмездие за обжорство. Солнце зашло, в полу-мраке комнаты при свете угасающего дня пропадали очертания предметов. В кухне — никого, в комнате — темнота. Мальчик окликнул старика, хотел спросить, где уборная. Никто не отозвался, только в глубине комнаты заворочалась парализованная старуха.

Мальчик, взяв карабин, поплелся во двор. Обогнул дом. Нашел отхожее место.

«Если старик к ужину зарежет курицу, все равно буду есть. Подумаешь, понос! Идти, правда, будет нелегко, но ничего, от курятине не умирают. Куда же делся этот старик?»

Мальчик вышел. Вдали слышался гул. Не придав этому значения, мальчик обошел дом вокруг. В пристройке горел свет. Проходя мимо, мальчик заглянул в окно. Мелькнуло что-то розовое и красное. Он задержал на минуту взгляд. На стене висели два платья: розовое и красное.

Сидевшая перед зеркалом девушка испуганно повернула голову: сильно напудренное лицо, подведенные брови, накрашенные губы. Девушка смущалась, точно застигнутая врасплох, отвела взгляд. Она хотела улыбнуться, но при виде его сурового лица еще больше смешилась.

В углу комнаты стояла раскрытая коробка. А в ней аккуратно сложенные вещи: пачки сигарет, лимонная эссенция, печенье. Из довольствия врага.

— Вы... — девушка запнулась, голос у нее был хрипловатый.

— Так вот кто сюда шляется! — прошипел парнишка.

Девушка, точно приняв какое-то решение, прервала его:

— Уходите! Сейчас же!!! Сегодня они не собирались приходить, но отец... мог...

Не докончив фразы, она прислушалась.

— Значит, ты любовница врага! — вырвалось у него.

Он был слишком молод, чтобы делать различие между мужчинами и женщинами. Его мать покончила с собой, перерезав горло. Сестра скорее всего погибла при бомбеке. Единственное исключение он делал для солдат, попавших в плен ранеными. Ведь и с ним это могло случиться. Но женщина, позволившая врагу осквернить себя, ничего с собой не сделавшая после этого, не наложившая на себя руки... Он выхватил пистолет, сам не зная еще, решится ли на что-нибудь. Девушка побледнела, глядя, как он судорожно и бездумно ищет пальцем предохранитель. И вдруг разразилась гневом:

— Дурак!

Эта неожиданная вспышка заставила его отступить. Он дрожал от ярости, однако, натолкнувшись на ответную ярость, на секунду поколебался. На миг он сопоставил светлый образ матери, по его мнению идеал женщины, с этой девкой, которая, точно взбесившаяся корова, обрушила на него свой гнев.

Вдруг послышался шум мотора. Мальчик испуганно оглянулся. Раздались выхлопы, за скрипели тормоза, и машина остановилась. Чужая, режущая слух речь смешалась с тяжелой поступью многих ног. Девушка одним прыжком очутилась в углу комнаты, схватила коробку и сунула мальчику.

— На! Беги! — сказала она.— Леском можно пробраться в горы.

Он побежал. Сзади раздался крик. Мальчик обернулся: возле окна пристройки стоял старик, указывая рукой ему вслед. Другой рукой старик держал за шиворот дочь и тряс ее. Прежде чем прожектор нащупал мальчика в темноте, он обернулся и разрядил пистолет. Девушка, словно мешок, осела рядом со стариком. Тут же ударила автоматная очередь. Мальчик спрыгнул в неглубокую ложбинку и пополз в сторону. Он сунул пистолет в кобуру и сдернулся с плеча карабин. Сорвал гранату, подвешенную к плечу, зубами рванул предохранитель.

— Come out! *

В промежутках между очередями автомата орали чужие, сытые глотки:

— Не уйдешь! Стой! Сопротивление бесполезно! Выходи!

Он знал английский настолько, чтобы разгадать значение слов, хотя у преподавателя в гимназии было скверное произношение. Не переставая ползти, мальчик на глаз измерил расстояние до солдата с прожектором. Улучив момент, когда прожектор направили в другую сторону, он размахнулся и швырнул гранату. В тот самый момент, когда прогремел взрыв, спрыгнул с небольшого обрыва и бросился бежать к лесу у подножия горы. По ту сторону холма бешено застрекотали автоматы. Добежав до леса, он юркнул в бурьян. Перевел дыхание. В животе урчало, началась резь. Коробку он где-то обронил. Голоса и выстрелы отдалились, воздух наполнился гудением насекомых.

---

* Выходи (англ.).

...Ни одного утешительного сообщения. Ни на одном участке ничего не обнаружено.

— Участок 1805! — вызвал начальник департамента.

Из усилителя послышался неясный голос:

— Пока никаких новостей.

— Поторопитесь! — приказал начальник, стиснув зубы. — Надо спешить, пока не случилось беды. Трагедия может повториться!

— Есть спешить!

— Людей вам подбросить?

— Нет, обойдемся.

Голос умолк. Начальник нервно похрустел пальцами. Сумасшедший продолжает нагромождать одно преступление на другое. А они даже не знали, где он, этот бешеный.

Вдруг вспыхнул сигнальный огонек вызова. Начальник вскочил с места.

— Важное сообщение, начальник! — объявил голос.

Послышался нарастающий гул мотора. Парнишка уткнулся в траву. Здесь, в горах, она редкая, короткая — ничего не стоит заметить человека сверху. Он выпрямился и одним махом юркнул за выступ скалы. Из сырой расщелины выползла огромная сколопендра. Схватив ее двумя пальцами возле головы, парнишка размозжил ей голову камнем. Жаль, масла нет, из нее получилось бы отличное лекарство.

Над головой с диким ревом пронесся темно-зеленый самолет. До него было метров пятьдесят, не больше. Выхваляется, сволочь! На крыльях четко вырисовывались белые звезды, рыло тупое, точно лоснящийся жирный нос. Самолет сделал круг над вершиной и повернулся обратно. Неужели засек?

Пролетая над горой, самолет накренился — вот-вот коснется скалы. Был виден летчик в желтом шлеме: он смотрел вниз, высунув за борт сияющее, розовое лицо. Казалось, до него можно дотянуться. Руки крепче сжали карабин. У, гад! Пальнуть бы по нему! Но если промах, тогда конец! На голой горе нигде не укроешься. Вспомнилось, как обучали стрельбе из карабина по самолетам. Можно со смеху лопнуть!.. Целься в небо — ха! — точно по воробьям стрелять учили...

Самолет с авианосца педантично готовился к новому заходу. Тонкий, стройный корпус, уходящие назад, как у чайки, крылья — самолет класса «корсика». У изгиба крыла устрашающе чернеет дуло двухдюймовой автоматической пушки, а под брюхом висит бомба килограммов на двести пятьдесят... Гад, гад, гад!.. Хоть бы один свой истребитель... Самолет, круто задрав нос и сверкнув ярким лезвием фюзеляжа, взмыл вверх, туда, где плыли перистые облака. Вдруг отчетливо донеслось пение птицы. Мальчик поднялся и сделал шагов сто к седловине вершины. В горле пересохло, кружилась голова. Стоял ясный, погожий день бабьего лета. Даже зло брало, какая тихая погода!

Достигнув вершины, мальчик присел на камень, вытер пот, сделал последний глоток из фляги. Болел живот, все еще неслось. Интересно, сколько осталось до Синсю? Мальчик сдвинул брови, прикинул в уме. Он случайно взглянул за седловину — перед глазами блеснуло море. Откуда море? Верно, озеро?

Нет. Все-таки море; чуть пониже горизонта скользил черный длинный силуэт — авианосец! Разумеется, вражеский. Все японские военные корабли, и «акаги», и «танкаку», и «сёкаку», и

«синано», давно пущены на дно. У островов японского архипелага не осталось и следа от боевых кораблей императорского военно-морского флота, некогда приводившего в трепет весь мир. Ходили слухи, что несколько покалеченных легких крейсеров скрываются в Японском море, но их тоже потопят — это вопрос времени.

Что за чушь! Откуда здесь море?.. Неужели он сбился с дороги? После того как его чуть не накрыли в доме крестьянина, он передвигался только с наступлением темноты. Ночи стояли безлунные, ориентироваться приходилось по звездам, но что это за ориентир в горах: мальчик постоянно сбивался с пути. Горы тянутся на восток, значит, море на юге. Что же это за море? Придется поискать какое-нибудь человеческое жилье и узнать. Пожалуй, на этот раз лучше припрятать карабин и прикинуться бездомным сиротой. Обидно все-таки! Прятаться в своей собственной стране! На петлицах его формы — черные эбонитовые знаки отличия, цветок сакуры. А это значит, что он боец императорского отряда обороны. Он потрогал значок рукой и посмотрел на небо.

Стояла осень. В воздухе носились паутинки. Кончался октябрь. Еще месяц, и все покроется инеем. Необходимо добраться до Синсю раньше. Это самая гористая местность Японии. Там еще сражаются десять дивизий. Главная ставка уже давно перенесена туда, в город Нагано, и его величество там.

— Все равно доберусь! — сказал мальчик вслух.

Слова тут же унесло ветром. Вдруг его охватило чувство дикого одиночества. Желтые, соломенные лучи солнца, горные массивы, рас-

цвеченные багряными кленами. И уходящая в бесконечную даль горная цепь с поблескивающим в проемах морем. И он один, сбившийся с пути, голодный, измученный, между небом и землей, на вершине какой-то безыменной горы, открытой солнцу и ветру.

— Обнаружен! — кричал начальник департамента в трубку членам поисковой группы, рассеянным по разным участкам.

— Всем бригадам, начиная от бригады DZ и до бригады MU включительно, переправиться на участок LSTU-3506! Остальным бригадам оставаться на местах и продолжать поиски. Как только все бригады, от DZ до MU, прибудут на место, установить взаимную связь и объявить осадное положение!

— Докладывает бригада QV... — раздался едва слышный голос. — Участок ХТ-6517 реагирует на сигналы.

— RW! Алло! RW! Окажите помощь QV! Повторяю, окажите содействие QV!

— Говорит RW, говорит RW! Вас понял!..

Итак, дело подвигается. В двух местах уже засекли. Интересно, есть ли еще где-нибудь? На участке LSTU обнаружили совсем случайно, благодаря сообщению внеучасткового сотрудника. Кто мог предположить!.. Значит, надо искать всюду... Этот психопат черт знает что может натворить, если не обнаружить его самого.

— До сих пор никак не найдут! — уже вслух проговорил начальник.

Примерно 10 августа пронесся слух, что война проиграна. О применении нового смертонос-

ного оружия — сверхмощной бомбы — слышали все. Об этом с осторожностью сообщалось в газетах. Говорилось, что такую же бомбубросили в Хиросиме, но она не взорвалась и теперь изучается военным ведомством.

14 августа налета не было. Под палящими лучами солнца мальчики шли из общежития на завод, где производилось новое оружие. Ребята гордились, что участвуют в создании нового оружия, хотя ничего о нем не знали, кроме названия: человек-торпеда. К вечеру пошли слухи, что завтра в двенадцать часов ожидается важное сообщение и выступление по радио самого императора. Газеты подтвердили слух, и учитель с подобающей случай торжественностью сообщил об этом ученикам.

15 августа опять выдался жаркий день. Снова ни одного налета. Незадолго до двенадцати часов возле огромного станка в цехе собралась толпа: под станком находилось бомбоубежище, правда не очень надежное. Радиоприемник трещал, ничего нельзя было разобрать.

В двенадцать часов две минуты голос диктора произнес:

— Назначенное на двенадцать часов выступление его императорского величества, — тут защелкали каблуки: все вытянулись по стойке «смирно», — ввиду особых обстоятельств переносится на четырнадцать часов. Не отходите от приемников — сейчас будет передано важное сообщение.

Все ждали. Минуты три длилось молчание, потом в приемнике снова затрещало и из него полились бравурные звуки «Песни ударного отряда»: «Врагов десяток тысяч я выведу из строя и жизнь отдам взамен». Потом исполни-

ли «Песню мобилизованных студентов» и «Марш победы».

— Простите, что заставили напрасно ждать. Передача важного сообщения переносится на четырнадцать часов. Просим в четырнадцать часов включить радио.

Люди взъерошились. Работа не ладилась. О предстоящем сообщении высказывались самые противоречивые мнения. Учитель ходил по рядам, подгоняя мальчиков, но и это не помогало. Они вдруг поняли: работать бессмысленно. Это было страшнее всего. Сборочный цех разбомбило, токарный засыпало битым кирпичом. Правда, из литейного потоком шло литье, но в станочном не было станков: ни двенадцатифутовых токарных, ни фрезерных, ни револьверных, так что обрабатывали одну мелочь. Обработанные детали складывали прямо во дворе: ведь сборочного цеха больше не существовало.

Передачу перенесли с двух часов на три.

В три почему-то заиграли «Марш скорби»: «Выйдешь в море — трупы в волнах...» Все расстерьялись. Перед тем как высочайший голос прозвучит в эфире, надлежало исполнять государственный гимн «Кимигайо».

— Простите за вынужденное ожидание. Ввиду особых обстоятельств выступление его величества отменяется. Слушайте важное сообщение. Сегодня на рассвете во время экстренного заседания Тайного совета в результате несчастного случая погибли и получили тяжелые ранения члены кабинета министров, старейшины: премьер-министр генерал Кантаро Судзуки...

Далее следовали имена погибших и раненых.

— Это конец! — тихо произнес рабочий лет сорока. Он был очень бледен.

Погибли министр военно-морского флота Ионай, министр двора Кидо, председатель Информационного бюро Ситамура и многие другие. Остальные были тяжело ранены.

— На заседании присутствовал его величество император, — продолжал диктор, — но благодаря милости небес высочайшая плоть не пострадала.

Все заволновались. Самые легкомысленные восторженно закричали «бандзай», человек десять подхватили, но без воодушевления. Потом голоса стихли.

— Полномочия премьер-министра временно взял на себя военный министр Анами. Сегодня ночью будет сформировано новое правительство... Через минуту вы услышите речи временно го премьера генерала Анами, а также начальника Главного штаба военно-морских сил Тоёта.

Премьер-министр Анами заговорил скорбным голосом. Священная родина богов непобедима, послужим ей, исполним свой великий сыновний долг, дадим решительный отпор врагу на нашей территории. Подданные, сплотитесь еще теснее, будьте готовы принять смерть у подножия трона высочайшей особы его величества.

Выступивший вслед за премьером Тоёта сказал: для того чтобы дать врагу решительный бой, необходимо сплочение всех сил, мобилизация всех ресурсов. Все данные и расчеты свидетельствуют об обязательной победе войск его величества.

По выступлениям можно было догадаться, что именно произошло. Не случайно ведь остался невредимым военный министр. Не случайно уцелел и император. Почти весь народ

догадывался о причине происшедшего. Догадывался, о чем сказал бы в своей речи его величество. Народ, приученный не протестовать, как всегда, молчаливо принял новый кабинет министров. Народ запел «Реформа Сёва». Песня эта была в моде лет десять назад. Теперь ее вспомнили и запели. Ее можно было понять двояко: и как одобрение нового правительства, и как осуждение его. Свыше был дан указ о запрещении петь эту песню. И все же нет-нет да кто-нибудь замурлычет ее в перерыве.

16 августа возобновились бомбейки. Массированные и длительные. Весь промышленный район приморья был полностью уничтожен, шесть крупнейших городов Японии, за исключением Киото, превратились в руины.

Работать было негде. Заводов не стало.

Ребят погнали строить укрепления на побережье. Тем временем Советская Армия ураганом пронеслась с севера на юг Маньчжурии и отрезала Квантунской армии путь к отступлению у маньчжуро-корейской границы. Через несколько дней из гимназистов сколотили особый отряд обороны империи и началась муштра. Каждому хотелось, чтобы отряд назывался «Бяккотай», но так назывался отряд юношей, выступавших за сёгунат, против императора*. И назвали его «Отряд черной сакуры».

---

* Речь идет о событиях 1868 года, так называемой «революции Мэйдзи», японской буржуазной революции. Сёгунат — военно-феодальная диктатура, столп феодализма в Японии — был свергнут, «восстановлены» права императора. К власти пришла буржуазия, договорившаяся с крупными аристократами-землевладельцами.

«Бяккотай» (Отряд белых тигров) — один из отрядов добровольцев юношей, выступивших на стороне сёгуната.

В отряд брали только добровольцев от пятнадцати до восемнадцати лет. Большой частью тут были пятнадцатилетние. Ведь им представлялась возможность принять участие в настоящей войне, с настоящим оружием.

— Иди! — решительно сказала ему мать. — Сын военного должен быть достоин имени отца.

В эвакуации они жили в чьем-то доме, на втором этаже. В полумраке комнаты на фоне домашнего алтаря лицо матери казалось особенно торжественным. Отец погиб на войне, не дослужившись даже до майорского чина, но зато мать была дочерью генерал-майора.

— Сын мой, за меня ты можешь быть спокоен.

Она достала меч, оставшийся после отца, изделие древних мастеров Сосю.

— В критическую минуту... я думаю, ты и без меня знаешь, как тебе следует поступить с собой.

В первом же ночном бою из восьмидесяти человек вернулись живыми семнадцать. Меч так и не пришлось ни разу вытащить из ножен: его разнесло в щепки осколками снаряда. На душе полегчало, словно с нее камень свалился. К тому же этот чертов меч уже давно не воспринимался как память об отце. Видимо, еще раньше в самом мальчике что-то умерло. Единственное, что осталось в душе, — это нежелание свыкнуться с мыслью о поражении: думать об этом было слишком уж горько.

В начале сентября между полуостровом Сацума и южным побережьем Сикоку показались американские корабли. Значительно раньше, чем их ожидали. В «нихякутока», в двести десятый день года — время, когда над Японией проносятся ураганы, уничтожающие посевы, —

на корабли противника налетели истребители-смертники. Однако под защитой превосходящих воздушных сил вражеские корабли спокойно отступили на запад, затем, когда опасность для них миновала, вернулись.

В середине сентября у города Тёси появились другие корабли американцев, пришедшие с Гавайских островов. Они разделились на две группы: одна направилась в Токийский залив, другая — к берегам Идзу.

Ребята молча смотрели, как истребитель с иероглифами «као» на фюзеляже поднялся в воздух и исчез в южном направлении. Вероятно, в этой машине, словно специально предназначеннной для самоубийства, их старший товарищ, уже безразличный ко всему, шел навстречу смерти. Всякий раз с появлением в воздухе этих самолетов-смертников с авианосца противника в небо взмывало звено истребителей. И на глазах мальчишек японский сигарообразный самолет, изрыгая рыжее пламя, накренялся и падал вниз. Прежде чем он врезался в воду, раздавался взрыв, поднимался высокий столб воды.

Иногда со стороны моря доносился еле слышный гул орудий, похожий на отдаленный гром.

— Должно быть, бомбардировка с кораблей, — произносил кто-нибудь в окопе.

Остальные молчали, скавшись в комок.

Они были вооружены карабинами устаревшего образца да двадцатью патронами. Окопы были защищены мешками с песком. Но останется ли что-нибудь от этих позиций? В какую кашу превратятся десять шестидюймовых гаубиц, пять восьмидюймовых полевых орудий да несколько станковых пулеметов и противо-

танковых ружей, если по ним шарахнут шестнадцатидюймовые корабельные орудия «Миссисури» или «Айовы»?

Мальчишки сидели, сжавшись в комочек, не высказывая своих опасений. Говори не говори — ничего от этого не изменится. Они утратили всякое представление о войне, о смерти, о возможных потерях, и не было у них сил думать обо всем этом. Знали одно: сегодня обед состоит из комочка риса с соевым жмыхом да двух ломтиков горькой редьки.

Тупо, равнодушно смотрели они, как на небесной глади поблескивали эскадрильи Б-29, направлявшиеся бомбить города. Забыв жару, усталость, голод, ребята упивались этой суровой и строгой красотой. Вдруг небо прорезала полоска белого дыма. Дым еще таял в небесной лазури, когда донесся глухой отдаленный треск и один бомбардировщик Б-29, перекувырнувшись в воздухе, стал падать. Мальчики ликовали. Кто-то сообщил, что это и есть ракетный снаряд «сюсуй». Всем хотелось узнать о нем поподробнее, но толком никто ничего не мог сказать.

А как-то раз, когда над ними кружили вражеские самолеты с авианосца и мальчики, прижавшись к земле, сидели в замаскированном окопе, кто-то вдруг завопил:

— Самолет задом наперед летит!

Все посмотрели вверх. Самолет с уходящими далеко назад крыльями, с ярко-красным изображением солнечного диска на фюзеляже скользил в воздухе, почти касаясь земли. Долетев до моря, он круто взмыл вверх. Обладая преимуществом в скорости и маневренности, он в одиночку вступил в бой с звеном «граманов» и тут же сбил двоих. На этот раз мальчики за-

выли от восторга. Все в один голос повторяли одно слово: «Классически!» Сбив две вражеские машины, этот невиданный самолет, словно подразнивая врага, отказался преследовать остальные машины и исчез.

Некоторое время только и было разговоров, что о новом самолете. Каждый день ждали его появления в воздухе. Думали, вот-вот мелькнет его быстрая, стремительная тень. Но вместо этого пришли вести о флотилии неприятеля, продвигающейся на север к Суйдо.

Как всегда, эскадрилья шла под прикрытием истребителей. Возле Суйдо навстречу им поднялись два истребителя-смертника. Вероятно, тыловой аэродром был уже основательно разгромлен.

Все застыли в своих береговых укреплениях, когда вражеские корабли проходили мимо. Затаив дыхание, бледные от страха, смотрели они на линкоры класса «Айова», тяжелые крейсеры и суetливо вертевшиеся вокруг них эсминцы.

«Кто же атакует вражеские корабли, какие самолеты — «сакурабана», «татибана» или «кайтэн»? Но атаки не было: флотилия беспрепятственно прошла мимо и исчезла. Вскоре издалека донесся глухой грохот, к небу поднялось множество белых облачков. Корабли бомбардировали город О.

Когда вражеская флотилия на обратном пути проходила мимо, с холма по ней ударило орудие. Кто-то крикнул: «Идиоты! Что делают!»

Вытянувшись в цепь, корабли развернулись бортом к берегу. После первого же залпа двух линкоров батарея умолкла. Корабли врага, точно забавляясь, повернулись другим бортом и ударили двумя перекрестными залпами: слева

направо и справа налево. Снаряды легли где-то сзади, но от взрывной волны мальчишки оглохли и ослепли. Когда они подняли свои землисто-серые лица, флотилии и след простили. Стояла гробовая тишина. Лишь слышно было, как кто-то, не то раненный, не то тронувшийся от пережитого, заунывно плакал высоким детским голосом.

Не успели передохнуть, как был получен приказ выступать: километрах в пятидесяти на безлюдном побережье высадился вражеский десант и теперь находился в тридцати километрах от них.

Мальчик встал на ноги и начал спускаться по выступу седловины. Должна же где-то быть тропинка! Надо было найти человеческое жилье и набить желудок. Солнце клонилось к закату, но жара не унималась. Коснувшись ногой выступа скалы, парнишка случайно взглянул на свои башмаки и похолодел от ужаса: они вот-вот развалятся. Долго им не выдержать!

— Второй, третий, четвертый взводы, вперед!
— Третий взвод, в цепь!

На холмы, возвышавшиеся по обеим сторонам белеющего шоссе, втащили станковый пулемет и противотанковое орудие. Трясущимися руками спешно строили маскировочные сооружения. Прорвав линию фронта, большой вражеский отряд пехоты продвинулся вперед и оказался в двадцати километрах от линии обороны японцев. Японский танковый батальон застрял где-то глубоко в тылу. Было не ясно, зачем оказывать сопротивление про-

внику именно здесь, почему не отойти на более выгодные позиции, прикрывая отход артиллерией. Но так решило командование: дать бой именно здесь. Казалось, ими жертвовали, как пешками. У всех были бледные лица, воспаленные глаза. Но хуже других пришлось ребятам из второго, третьего и четвертого взводов. Они должны были окопаться у самой обочины шоссе, чтобы встретить врага гранатами. И не только бросать гранаты, но и самим бросаться в обнимку с противотанковыми минами под вражеские танки. Тощие, изможденные гимназисты спускались по откосам холма, еле волоча ноги. С их лиц градом струился пот. Что-то мягко шлепнулось: один упал, потеряв сознание. Командир взвода, старшеклассник, побежал и ударил упавшего по лицу.

Какое счастье, что он не попал в эти подразделения всего за два человека перед ним стоял последний, отобранный туда.

У обочины показалась тень.

— Не стрелять! — раздалась команда. — Свой!

Еле волоча ноги, приближался отряд. От пыли и грязи люди казались черными. Даже издали было видно, что они вконец измотаны. Двух раненых несли на спине. У одного голова была перевязана окровавленным бинтом. Вдруг из последнего ряда выскочил солдат и, выбежав вперед, истошно завопил:

— Танки!

Несколько человек бросились на него. Но солдат продолжал отчаянно вопить:

— Танки! Танки! Танки!

Издалека донесся нарастающий гул. Внезапно застремотали кузнецы и тут же умолкли. Он прижал к плечу приклад ручного пулемета

и вдруг почувствовал, как под штаниной вниз по ноге поползла теплая, липкая жидкость.

— Докладывает группа FT. Цель запеленгована!

Долгожданная весть наконец пришла.

— FT! Алло! FT! Слушайте внимательно! Координаты цели сообщите в Главный штаб и по всем участкам.

— FT понял. Передаю координаты цели.

Вскоре раздался свист вычислителей. Весь аппарат Главного штаба пришел в действие.

— Говорит Главный штаб. Бригадам от DZ до MU направиться в помощь FT. FT! FT! Вам посланы две боевые машины. Они в пути. Сообщите свое местонахождение в течение ближайших сорока минут. Бригадам из группы Е и G, находящимся вблизи от бригады, оказать содействие в установке переключателя. Остальным продолжать поиски на своих участках.

— DZ, MU поняли.

— FT понял. Разрешите выслать разведывательный отряд для проверки.

— Разрешаю. Высылайте, — сказал начальник. — Не забывайте докладывать обстановку. Переходите на прямую связь.

Хватаясь за стволы, мальчик спускался с крутого склона, поросшего криптомериями. Глазам открылась крохотная поляна с одной крьшей. Мальчик лег на живот и огляделся по сторонам. Там, где кончался лес, виднелась скалистая площадка. Он пополз на животе к краю обрыва. Внизу показалось несколько

домишек, между которыми, петляя, бежала дорога. Перед домишками стояли палатка и два грузовика. По дороге, поднимая клубы пыли, приближалась колонна грузовиков с пехотинцами и боеприпасами. Мальчик выждал, когда грузовики поравняются с палаткой, и вынул из вещевого мешка бинокль. Этот бинокль достался ему от студента, его начальника, когда тому размозжили голову снарядом. Мальчик давно зарился на бинокль. Из-за него у них с мальчишкой из другой гимназии даже вышла потасовка. Тот тоже имел виды на бинокль, но ему так досталось, что даже вспомнить страшно. Не начнись тогда атака, мальчишка наверняка применил бы оружие. А ведь двоих ребят расстреляли за применение оружия в драке. По приказу старшего лейтенанта, этой старой развалины. В гимназии он занимался муштвой. Там над ним здорово потешались, над этим лейтенантишкой...

В бинокль мальчик увидел немолодое багровое лицо американского офицера. Тот без умолку болтал, держа в зубах сигару.

Потом в глаза бросилась походная кухня. Она стояла рядом с большим сараем, перед которым прохаживался часовой. Очевидно, там хранились какие-то припасы. Из сарая вышел другой солдат, без оружия. Он что-то нес, вероятно продовольствие. Да, склад охраняется слабо, можно обойти его сзади и оттуда прорваться.

Мальчик отполз от края обрыва и лег наизнечь, дожидаясь темноты.

Первый танк подбили одновременно двумя выстрелами из гранатомета и противотанковово-

го ружья. Но заплатили за это гибелью второго, третьего и четвертого взводов: их в упор расстреляли снарядами и огнеметами.

Сжав губы и захлебываясь от слез, мальчик стрелял из пулемета. Четыре танка, повернув башни, ударили из орудий по сопке. Гимназисты не кричали, сидели молча. Только некоторые вдруг высказывали из укрытий и тут же падали. Один с оторванной рукой тихо скулил. Кричать уже не было сил.

Танки отступили. Дали команду прекратить стрельбу, и тогда стали слышны стоны раненых.

— Нужно отходить, — сказал младший сержант, уже побывавший на войне.

Боевых солдат среди них было только тридцать человек, включая артиллеристов.

Командир колебался, не зная, на что решиться.

— Заминируем шоссе и отступим. А то сейчас начнется артиллерийский обстрел, вот увидите, — уверенно сказал младший сержант.

Не успел он договорить, как на шоссе разорвался первый снаряд. Взвалив на спины раненых, стали отступать. Но было поздно. Плотная огневая завеса поднялась спереди и сзади. Лейтенант, стоявший на небольшом бугорке, взмахнул руками и исчез. Поднятые взрывами снарядов тучи песка и пыли не давали дышать.

Ничего не соображая, мальчик перебрался на ту сторону холма и стал скатываться вниз, на равнину.

Положение резко ухудшилось. Довольно быстро их отрезали от главных сил, и им оставалось только одно — отступать. Иногда, натолкнувшись на своих, устраивали ночной привал, но ненадолго: приходилось снова отступать. По шоссе на север тянулись нескончаемые потоки

беженцев из самого большого в этом районе города О. Старики и старухи едва плелись, на-груженные домашним скарбом. Женщины с грудными младенцами за спиной вели за руку детей, поддерживали самых дряхлых и боль-ных. Молодые мужчины при виде вооруженных людей опускали глаза, старались затеряться в толпе.

К концу сентября союзные войска создали предмостные укрепления на острове Сикоку, на юге острова Кюсю, на берегу Кудаюкури-хама и на полуострове Кий. В начале октября прове-ли десантную операцию у Йоцукаити. Почти в то же время у бухты Цуру высадились две со-ветские дивизии. 7 октября западнее долины Сэкигахара был сброшен американский па-шютный десант. Американские линейные ко-рабли, появившиеся в заливе Исэ, открыли огонь по району Нагоя. Было совершенно оче-видно, что враг намеревается вклиниваться в са-мый центр острова Хонсю и разделить его на две части.

Предугадав замысел противника, централь-ный и западный военные округи мобилизовали все силы, чтобы сорвать эту операцию. Сомк-нувшись было части неприятеля удалось разъединить, но ненадолго. В то же время вра-жеские войска, высадившиеся в районах Кан-то и Кинки, шаг за шагом продвигались в глубь страны, а флот, обстреляв и разрушив форты Юра и Агадзи, очистил водные пути Кий, про-ник в Осакский залив, и вся береговая линия обороны оказалась под ударом. Войска, оборо-няющие Кинки, терпя поражение за поражени-ем, быстро откатывались под натиском врага.

Две дивизии засели в горах Кий, у верховья реки Ёсино. В конце октября враг повторил по-

пытку проникнуть в глубь страны с помощью парашютно-десантных войск.

К тому времени Отряд черной сакуры уже состоял всего из одного взвода и, отрезанный от главных сил, скитался в горах.

Наконец-то!.. Получена радостная весть: сумасшедший схвачен на участке VOOR 6877. Его задержали как раз в тот момент, когда он готовился совершить третье преступление. Он довольно быстро и легко признался, что назначил для своих преступных действий три основных пункта. В двух из них он орудовал беспрепятственно, в третьем его задержали.

— Благодарю тебя, боже! — произнес начальник департамента нелепую фразу. — Благодарю тебя за то, что ты оградил его от совершения еще больших преступлений.

Сумасшедший! Но полно — сумасшедший ли он? При таком-то уме! При такой энергии! Разве не знания высшего порядка толкнули его на изыскание особых средств для осуществления своих преступных замыслов?.. А если так, то можно ли назвать это преступлением? Разве он виноват, что его открытие опередило духовный рост человечества? Всякое великое открытие есть предвосхищение этого роста и требует жертв. Ему можно способствовать, только экспериментируя, то есть ошибаясь и исправляя ошибки. Как это ни печально.

Наступила глубокая ночь. При тусклом свете звезд мальчик соскользнул со скалы. Днем он заметил, что задняя стена сарая находится под обрывом. Если удастся туда пробраться,

то, вероятно, нетрудно будет проникнуть в сарай. А если обнаружат — справа от шоссе тянется лесок, со всех ног броситься туда. Главное — перебежать шоссе.

Затаив дыхание, мальчик сполз с обрыва. В палатке горел свет, порой мелькали зажженные фары виллисов. В темноте по площадке взад и вперед расхаживал часовой с автоматом. Когда часовой удалялся в противоположную сторону, мальчик осторожно, часто останавливаясь, полз к сараю. Наконец рука коснулась задней стенки сарая. Доски прибиты крепко. С трудом удалось отодрать конец одной доски, но сквозь узкую щель рука не пролезала. Часовой перестал ходить, закурил. Воспользовавшись шумом проезжающего грузовика, мальчик изо всех сил рванул доску на себя. Часовой насторожился, прислушался — ничего. В образовавшееся отверстие легко прошла рука. Пошарила. Нащупала деревянный ящик — ожгло прикосновение холодных металлических глыб. Видно, снаряды. Парнишка пошарил в другой стороне. Кончики пальцев прикоснулись к гранатам. Он с трудом вытащил две штуки — больше рука не доставала. Жратвы никакой! Полный злости и отчаяния, он сунул гранаты в мешок и пополз назад. Когда взбирался на обрыв, из-под ног у него обрушился камень.

— Кто идет? — окликнул часовой.

При тусклом сиянии неба блеснули черное лицо и белые зубы — негр. Не давая противнику опомниться, мальчик выстрелил. По нелепой случайности пуля угодила в цель. Солдат-негр вскрикнул высоким, как флейта, голосом и, воздев руки к небу, словно для молитвы, рухнул. Его автомат упал, полоснув темноту

ночи огненной очередью. Возле палатки заметались черные тени. Съежившись в комок, мальчик швырнул обе гранаты, одну — в сарай, другую — в палатку, и перебежал на другую сторону шоссе. Раздались два глухих взрыва. Надо было убраться подальше, пока не взлетел на воздух сарай с боеприпасами. Сверху хлестнули пересекающиеся струи огня.

— Стой!

Очередью из автомата ему раздробило плечо. В тот же миг за спиной раздался оглушительный треск. Взрывной волной его подбросило кверху. Сознание застлало туманом. Его тело, ударившись обо что-то, глухо шлепнулось на землю.

Веки тяжелее свинца. Мальчику казалось, что глаза его открыты, но он ничего не видел. Мельтешили белые точки света.

Вернулось сознание. Небо было усеяно звездами. С двух сторон в небо вздымались рваные линии горизонта. Все тело ныло. Зудящая, обжигающая боль в плече. В горле пересохло. Левую щеку и лоб стягивала засохшая грязь, а может, и кровь.

Воздух звенел от неугомонных стенаний насекомых.

Мальчик лежал навзничь на крутом склоне обрыва, зацепившись за что-то. Сердце бешено колотилось. Ощущив тупую боль в правой ноге, попробовал пошевельнуть ею — и не мог. Крик разорвал горло. Сломана! Сломана! В затылке появилась тупая, холодная, приковывающая к земле тяжесть. Он глубоко вздохнул и снова устремил глаза в небо. И только теперь отчетливо осознал, что вот он, Ясую Коно, пят-

надцати с половиной лет от роду, погиб, защищая родину. При этом он уничтожил склад боеприпасов и вражеского офицера. Эта мысль явно доставила ему удовольствие, он усмехнулся. Для пятнадцати с половиной лет не так уж и плохо. Отец у него погиб, и мать погибла, и старший брат, и старшая сестра — все погибли. Теперь пришла его очередь — в этой горной глуши в единоборстве с противником погибнет и он. Японцы будут драться до последнего. Горы, леса и реки исчезнут под грудой трупов, земля пропитается кровью.

Левой, здоровой рукой он потрогал раненое плечо. Оно было мокрое, липкое, но боли уже не чувствовалось. Эта сковывающая слабость тоже скоро пройдет. Мальчик пошарил у себя за плечами — рука нащупала последнюю гранату. Он зажмурился и почувствовал, что весь покрылся потом. Вздохнул. В рюкзаке, под ним, был еще пистолет, но до него не дотянутся.

Не открывая глаз, мальчик зажал зубами предохранитель. «Должен же я что-то ощущать», — подумал он, но в голову ничего не лезло. Сжимая зубами предохранитель, он в последний раз открыл глаза и взглянул на звездное небо. И вдруг, ощущив чье-то присутствие, невероятным усилием воли повернул голову.

Шагах в двадцати от себя он увидел тень. Судя по росту и облику, это был враг. Оружия у него не было.

— Подожди! — крикнул он мальчику. — Не бросай!

Странный акцент, с каким были сказаны эти слова, вызвал определенный рефлекс. Мальчик знал, что на двадцать шагов ему гра-

нату не кинуть, и все же кинул. Граната упала рядом, шагах в пяти-шести от него. Он снова зажмурился в ожидании: сейчас его разорвет в клочья. Однако взрыва не последовало. Мальчик потерял сознание.

— Докладывает номер пятнадцатый из первого отряда бригады FT... — затрещало в звукоизлучающем приемнике; телеприем был невозможен из-за страшных искривлений во времени-пространстве. — Говорит номер пятнадцатый... Алло, Главный штаб, как слышимость?

— Слышимость нормальная, сообщите, как дела.

— Страшнее не придумаешь... — Голос пятнадцатого стал затухать. — В десантной операции с обеих сторон погибло сто пятьдесят тысяч... Слышите?

— Слышу, продолжайте.

— Потери повсюду огромны. В рядах японцев сражаются и гибнут подростки, почти дети. Алло, Главный штаб, примите срочные меры. Остатки японских частей сосредоточиваются в центральных районах острова Хонсю... Алло, вы слышите? С каждой минутой растет число самоубийств среди женщин и детей... Лежи, лежи, не шевелись... Что, больно?.. Алло, Главный штаб! Докладывает номер пятнадцатый из передового отряда бригады FT. Партизаны в западном и центральном районах продолжают бои без всякого расчета на победу.

— Алло! Пятнадцатый! — с беспокойством прервал начальник департамента. — Вы не один? Что это значит?..

— Видите ли...

— Вы нарушаете первый пункт устава!

— Но он ранен...

— Докладывает номер шестнадцатый из передового отряда, — перебил другой голос. — В промышленном районе Хансии восстали рабочие. Вы меня слышите? Восстанием руководят японцы, пользующиеся покровительством Советской Армии. Начались вооруженные стычки между разного рода рабочими группировками, а также выступления против японских и американских солдат. Поторопитесь, пожалуйста, с Д-переключателем.

— Алло, докладывает номер пятнадцатый из передового отряда... — на этот раз голос был едва слышен. — Часть японских войск перешла на сторону союзников. Давайте Д-переключатель.

Да, бесспорно, положение казалось хуже, чем можно было предположить. Что это? Нужели такая крохотная страна намерена бороться против всего мира? Это же самоубийство!

— Транспортная бригада! — вызвал начальник департамента. — Слышите? Транспортная бригада, немедленно сообщите свои координаты! Поторопитесь с переключателями! Дорога каждая секунда, а то эти психопаты и в самом деле уничтожат себя!

— Докладывает транспортная бригада, — ответил бодрый голос. — Оба Д-переключателя доставлены в полюса указанных зон, приступаем к их установке.

— Группа Е! Группа G! Всем бригадам вернуться и оказать помощь бригаде FT! Поторопитесь с установкой переключателей!

На участке ХТ-6517 действие разворачивалось в девятнадцатом веке, масштабы соответствующие, так что управится одна бригада

QV. К счастью, третья попытка сумасшедшего осталась нереализованной. Так что можно сконцентрировать все свободные силы на участках LSTU и XT. В особенности в LSTU...

— QV, RW, — вызвал начальник. — Докладывайте, что у вас?

— Говорит QV. Переключатель получен. Пока изменений никаких!

— Ладно, действуйте по своему усмотрению, полагаюсь на вас! — Начальник обратился ко всем бригадам: — Всем отрядам поисковых групп перебраться на участок LSTU-3506. Помогите бригаде FT установить переключатель!

— Болит? — спросил незнакомец.

Мальчик открыл глаза. При свете звезд он увидел светлое, прекрасное лицо незнакомца. Плечо было плотно забинтовано, но, когда мальчик дотронулся до него, он нашупал что-то упругое, похожее на резину.

— Хорошо бы тебе принять болеутоляющее, но я не медик: у меня с собой только средства первой помощи.

Мальчик с удивлением прислушался к странному акценту незнакомца. Происходило что-то необъяснимое. То незнакомец разговаривал с мальчиком, то пропадал, словно превращаясь в невидимку, потом опять появлялся. Мальчик вспомнил, что незнакомец пропал и в тот момент, когда он бросил гранату. Потом возник совсем рядом с ним и снял шлем.

Из-за скалы выглянула луна. При ее свете мальчик увидел красивые золотистые волосы незнакомца. Он посмотрел мальчику в глаза и улыбнулся.

— Убей! — пробормотал мальчик.

Лицо незнакомца вытянулось от удивления.

— Убей меня! — повторил мальчик.

Боли он не чувствовал, но все равно после всего случившегося жить не хотелось.

Незнакомец склонился над ним и ласково сказал:

— Я же тебя спас.

Мальчик пристально взглянул на незнакомца, и лицо его осветилось догадкой.

— А-а-а, понимаю: вы немец. Верно? А то, думаю, зачем вы меня спасли?

Мужчина слегка покачал головой.

— Нет, я не гитлеровец.

— Кто же вы?

— Я из Службы времени, — ответил тот. — Хотя тебе этого все равно не понять.

Послышались голоса. По небу скользнул луч прожектора.

— Плохо, — пробормотал незнакомец. — Придется отступить. Не сочтут же нарушением устава перемещение с одного места на другое.

— Махни на это рукой, — сказал чей-то тихий голос.

Мальчик повернулся голову и посмотрел туда, откуда донесся голос, но никого, кроме золотоволосого незнакомца, вблизи не было. Незнакомец взял мальчика за руку. Раздался щелчок, похожий на звук откупориваемой бутылки. Взор застлало серой пеленой.

— Хочешь знать, кто я? — спросил незнакомец.

Они очутились над обрывом и смотрели сверху на то место, которое только что оставили. Это произошло в мгновение ока, точно во сне, мальчика даже слегка подташнивало.

— Скажи тебе — ты все равно не поверишь...

Мальчик задумался, не в силах понять, почему это он не поверит, и только сказал:

— Главное — друг вы или враг?

Мужчина задумчиво почесал в затылке. Вопрос был настолько наивен, что мужчина просто пришел в умиление.

— На это ответить еще труднее. Дело в том, что я не имею никакого отношения к вашей эпохе.

Мальчик, видимо, решил, что у того мозги не в порядке.

— Почему ты не дал мне умереть? — сурово спросил он.

— Мог ли я поступить иначе? — ответил тот. — Если бы мы обнаружили ваше время часа на два раньше, тебя бы вообще не ранили. Разумеется, при условии, что мы с тобой встретились бы.

— Что ты собираешься со мной делать? — снова спросил мальчик. — У меня сломана нога, плена мне не избежать. Сделай милость: убей меня!

— Почему ты так торопишься умереть? — спросил мужчина, в недоумении разведя руками. — Я не понимаю, что вы тут затеяли, но через пять часов этот мир все равно исчезнет.

Мальчик тряхнул головой. Какая ерунда! Мальчику было наплевать, исчезнет мир или нет, — так или иначе его ожидала смерть.

— Пожалуй, я выразился неточно. Мир не исчезнет а войдет в свою историческую колею.

— А мне плевать! — запальчиво выкрикнул мальчик. — Помоги мне добраться до своих или убей. А впрочем, можешь оставить меня здесь!

— Ну и оставлю! — вспылил мужчина. —

Безумный мальчишка!.. А я-то думал, что японские гимназисты этой эпохи смысленее. Я и так нарушил устав, вступив с тобой в контакт! Прощай! Я ухожу.

— Стой! — крикнул вдогонку мальчик. Приведя рукой по воротнику, он нащупал на петличке значок черной сакуры, оторвал его и протянул мужчине. — На, возьми! Если встретишь по дороге наших, скажи, что Ясую Коно из 1077-го Отряда черной сакуры был тяжело ранен и не мог покончить с собой, но живым в плен не сдастся.

Мужчина поглядел на мальчика долгим, проникновенным взглядом и мгновенно исчез. Значка черной сакуры он не взял. На глазах у мальчика выступили слезы. Какой позор — не суметь умереть! Собрав последние силы, преодолевая боль, мальчик перевернулся на живот, орудуя одной здоровой рукой и одной ногой, подполз к краю обрыва и бросился вниз. Если упасть на скалу с десятиметровой высоты, вполне можно разбиться... Но его подхватали в воздухе.

— Брось свои дурацкие штучки! — взмолился мужчина. — Не дам я тебе умереть у меня на глазах. Послушай, я тебе все объясню, только дай мне слово, что перестанешь искать смерти... Пойми: сражения, в которых ты участвуешь, ненастоящие.

— Как это ненастоящие?

Ясую, снова водворенный на скалу, со злостью накинулся на мужчину.

— Мы участвуем в исторической битве! Что же тут ненастоящего? Мы сражаемся против этих хищников, американцев и англичан, и погибнем все до одного — сто миллионов человек. Знаешь, как разбивается яшма? Вдребез-

ги! Так же и мы. С нами его величество... Поданные японской империи до конца дней своих останутся верны чувству долга и справедливости. Что же тут ненастоящего?..

— Пожалуй, «ненастоящее» — это не то слово, — неторопливо прервал мужчина и тряхнул головой. — Я хотел сказать — все это неправильно. Потому что на самом деле в ваше время Япония безоговорочно капитулировала. Пятнадцатого августа. По рескрипту, подписанному императором.

— Что? Что ты сказал? — У Ясую загорелись глаза. — Япония капитулировала?!

— Но ведь так было на самом деле — это история.

Мужчина снял шлем и пригладил золотистые волосы.

Далеко в небе мерцала Полярная звезда, она переместилась. Стояла глубокая ночь. Мальчик взглянул в лицо мужчины. Оно было необыкновенно добрым.

— Ты хочешь сказать, что наша война не-всамделишная? — с издевкой спросил мальчик. — Моя мать проткнула себе кинжалом горло. Все мои товарищи погибли. Все японцы — женщины, старики, дети — сражаются до последней капли крови. Я убил много американских солдат, теперь сам умираю... И после этого ты осмеливаешься говорить, что все выдумка?

— Я не сказал — выдумка, — с состраданием возразил мужчина. — Я хотел сказать — придуманный ход истории. На самом деле все у вас было совсем не так.

— Ну, что ты понимаешь в нашей истории? По-твоему, лучше было капитулировать, да? — почти крикнул Ясую.

Вдруг над обрывом вспыхнула ракета и упала, просвистев над головой.

Мужчина ладонью прикрыл мальчику рот.

— Подлец! Шпион! Рыжая сволочь!.. Что ты понимаешь!..

— Молчи! — сказал мужчина. — Какой ты бесстолковый мальчишка! Неужели тебе не ясно, что лучше всего было капитулировать пятнадцатого августа?

— Чем же лучше? — заскрежетав зубами, гневно спросил Ясую, — Кто дает тебе право так говорить?!

— Никто. Просто история должна быть такой, какой была на самом деле. Ход истории един. А если история выходит из своего правильного русла, наш долг вернуть ее туда, иначе нарушится ход всемирной истории.

— Но кто вам дал на это право? — злобно повторил Ясую. — Разве ты поймешь, за что я воюю, за что умираю?.. Я горжусь тем, что умираю за императора... А ты готов все это разрушить!

— Почему «разрушить?» Исправить! — горячо возразил мужчина. — Пойми, что с ликвидацией неправильного хода истории исчезнет и неправильное осмысление событий. Понимаешь? Человек не может ратовать за собственное уничтожение. Он не ищет уничтожения. Наоборот, боится его.

— Значит, в то, другое время Япония капитулирует?.. — с сарказмом произнес мальчик. — А я что же? Я-то ведь все равно покончу с собой!

Мужчина взглянул на него строго, точно на мореваясь принять какое-то важное решение.

— Не все ли равно, покончишь ты с собой или нет, — ответил он немного погодя. — Пусть

так. Но ведь то, что ты называешь «другим временем», все равно существует, а это время, где ты собираешься умереть в пятнадцать лет, само умрет через четыре часа. И ты ничего не вспомнишь, что было здесь. Эх, так и быть, сделаю еще одно нарушение: покажу тебе твою настоящую жизнь.

Мужчина взял мальчика за руку и сказал:

— Я не уверен, что разыщу тебя, но попробую. Где ты жил? Где учился?

Мальчик сказал. В следующий миг его глаза снова застлало туманом. Когда туман рассеялся, он увидел перед собой мрачную картину. Черные и коричневые развалины — следы пожарищ и бомбек. Он сразу узнал местность — это были здания, прилегающие к гимназии. Рядом высился и ее обгорелый корпус.

Ясую не помнил, чтобы когда-нибудь перед станцией железной дороги слонялось столько грязных оборванцев. Расстелив на голой земле рогожки, они торговали едой и всяким хламом. Тут были бататы, ириски, галеты, кастрюли, сковородки. Неопрятно одетые мужчины с землистыми лицами сновали взад и вперед, держа в руках дырявые мешки. Вдруг появились ребята с гербами их гимназии на фуражках. Разговаривая между собой, гимназисты с жадностью поглядывали на еду.

И среди ребят — он! Без обмоток на ногах, в таком затрапезном виде! Промчался виллис. Ребята помахали ему вслед. Водитель, американский солдат, бросил им пакетик жевательной резинки. Гимназисты набросились на нее.

— Подлец — крикнул Ясую. — Разве такое можно терпеть!

— Ты не торопись, — утихомирил его мужчина.

По улице, едва прикрывшись каким-то тряпьем, расхаживали под руку с американскими солдатами японки... Издалека надвигалась толпа. Впереди несли красное знамя. Мужчины с решительными лицами пели: «Вставай, поднимайся, рабочий народ!»

— Разве Японию заняли красные? — спросил мальчик.

Мужчина покачал головой. Картина снова сменилась. Над потоком демонстрантов реяли полотнища лозунгов. «Эй, взяли! Эй, взяли!» — раздался дружный крик, и демонстранты побежали зигзагами. И вдруг впереди демонстрантов мальчик снова увидел себя, теперь студентом.

Не вынеся такого, он закричал:

— Это подлость!

И вновь картина сменилась. На сей раз он гулял с девушкой вечером в парке. Он не поверил собственным глазам. Вдруг все исчезло.

— Это преступление! — сказал светловолосый. — Нельзя сидеть сложа руки! Мне сообщили, что Америка приготовила третью атомную бомбу. С Марианских островов уже вылетел самолет Б-29.

Он появится над Синсю. Начальник департамента приказал переключить установку преобразователя времени через полчаса. Надо устраниТЬ этот мир до взрыва третьей атомной бомбы. Нельзя нагромождать одну трагедию на другую. Прощай!

— Постой! — крикнул мальчик ему вслед. — Перенеси меня в Синсю. Я хочу умереть там, где его величество...

Мужчина в недоумении пожал плечами и взял мальчика за руку. Глаза застлало серой пеленой тумана... На этот раз мальчик почув-

ствовал резкий толчок. Он шлепнулся в траву, тронутую первым налетом инея. Перед его мутным взором поплыла уходившая вдаль горная цепь с острыми зазубренными вершинами на фоне безоблачного неба. Сознание медленно угасало.

Он понял, что умирает. Он уже не чувствовал ни рук, ни ног. Только ощущал зудящую легкую боль в ране, точно по ней водили волоском. Этот зуд все удалялся, удалялся и отступил куда-то далеко, за много километров. Холод смерти подступал снизу — от ног, подбирался к животу, полз выше, готовясь завладеть сердцем. Мелькнула мысль: человек начинает умирать с ног. Раза два-три волна мрака захлестывала сознание, а когда в промежутках оно возвращалось, мальчик видел горы и небеса, безмятежные, словно поверхность огромного озера. Он лежал на траве и глядел, как там, наверху, точно примерзшие к небосводу, сияют тусклые звезды.

Из горла вырвался предсмертный хрип. И Ясую понял — конец. И вдруг он вспомнил, что забыл исполнить последний долг: собрав оставшиеся силы, хотел крикнуть: «Его величеству бандзай», как вдруг перед глазами пронеслись недавние видения. Япония потерпела поражение! Нет! Глупости! Этого не могло быть... Но страшные мысли о возможности такого исхода, словно призраки, роились в сознании. И он опять собрал последние силы, чтобы бороться со своими мыслями. Ведь это же чудовищно — на пороге смерти потерять веру в Японию! Нет, нет, невозможно! Иначе его смерть и смерть всех японцев окажется бессмысленной... Внутренняя борьба поглотила все его силы. Он уже не мог крикнуть: «Его ве-

тичеству бандзай!» — и решил провозгласить эту здравицу в душе. Однако им завладела еще более неуместная и дурацкая мысль: «Куда я дел значок черной сакуры? Я держал его в руке и...»

Перед Ямамото, начальником департамента особого управления по розыску во времени, сидел сумасшедший, доставленный из далекого иномерного временного пространства. Желтоватая кожа, орлиный нос, черные волосы... Из-под нависающего лба класса «экстра-1» умственных способностей глядели глаза страстного, почти одержимого человека. Бросало в дрожь при мысли об умственном потенциале этой феноменальной личности. Безумие и власть при исключительной гениальности — истинный князь тьмы!..

— Как вы решились на такой чудовищный поступок? Во имя чего? — Начальник департамента говорил вежливо: сидящий перед ним человек все же был доктором наук. — В практике нашего департамента особого розыска во времени вы — первый настоящий преступник против истории. Будем надеяться, что и последний тоже... Так ответьте, зачем вы это сделали?..

В департаменте особого розыска было зарегистрировано немало нарушений во времени. Большой частью преступники пытались своим вмешательством изменить ход истории. Однако чаще всего это были маньяки, фанатики и люди умственно неполноценные. Фантазии у них хватало только на то, чтобы отправиться в прошлое, убить какую-нибудь историческую личность... Например, один из преступников,

начитавшись Паскаля, решил изуродовать нос Клеопатры. Он даже понятия не имел о том, что Клеопатр может быть несколько. Или, скажем, другой, который убил Наполеона ребенком. А ведь еще в XIX веке Жан Батист Перес отрицал существование Наполеона. Ну, что дало убийство Наполеона? Ровным счетом ничего: появился другой Наполеон, который и стал императором. Свойство Неопределенности Частных Фактов (коэффициент НЧФ Симса) при неизменяемости исторических событий прошлого исключало возможность преступлений против истории.

Однако открытие субпространственного способа космонавигации, позволявшего скачкообразно передвигаться в разномерные пространства, дало такую возможность. Соединение установки переключения измерений с машиной времени допускало создание желаемого числа ходов истории одной и той же эпохи. Первым указал на эту возможность доктор Адольф фон Кита, молодой ученый из Института истории. Однако, поскольку это открытие сделал человек гуманитарной специальности, физики не придали ему значения, а поэтому и не учли опасности, которую оно в себе таило.

Лишь инспектор департамента особого розыска Инри Вовазан заинтересовался этим открытием. И тотчас подал о нем рапорт, где, между прочим, указывал, что доктор Адольф фон Кита — натура импульсивная, склонная к действиям атавистического характера; он стоит членом некой тайной организации; в области исторических наук доктором открыта весьма оригинальная теория о возможности изменения хода истории...

И вдруг из галактики Поллукса, откуда с

давних пор велись наблюдения за иномерными пространствами, было получено сообщение о появлении в иномерном пространстве солнечной системы. Благодаря бдительности инспектора Вовазана департамент принял все меры предосторожности.

— Ответьте, пожалуйста, на вопрос, — снова сказал начальник департамента. — Вас не удивило, что мы вас так быстро нашли?

— Я предпочел бы, чтобы меня не тревожили, — спокойным голосом проговорил сумасшедший.

— Увы, простите, это невозможно, — возразил начальник департамента. — Нельзя нарушать основной ход истории.

— Ну вот еще! — закричал сумасшедший. — По какому праву вы судите?

Пятнадцатый, стоявший возле начальника, вздрогнул. Это были слова того мальчика.

— Скажем... — начальник на мгновение прикрыл глаза, задумался — ...с нравственной позиции.

Сумасшедший расхохотался.

— Теперь мне ясно, — сказал он. — В деле, которое вы на меня завели, написано: маньяк, поклонник тиранов и героев-разрушителей. Опьянен самурайской моралью, существовавшей в Японии примерно с десятого века. Темы научных работ: Калигула, Нерон, сын Люцизы император Ши, Цезарь Борджа, Робеспьер, Наполеон, Гитлер. Последняя тема: работы из истории Японии.

— Почему вы выбрали Японию? — спросил начальник департамента. — Принесли победу войскам сёгуната в реформации Мэйдзи, применили тактику выжженной земли в войне сороковых годов двадцатого века... Были у вас

какие-нибудь особые основания для такого выбора?..

— Первый опыт, так сказать проба сил, — ответил маньяк. — И потом, я хорошо осведомлен во всем, что касается этого времени... Но, главное, во мне течет японская и немецкая кровь. Хотелось поэкспериментировать здесь, потом приняться за другое...

Лицо начальника департамента потемнело. Если бы этому психу удалось создать несколько ходов истории, то в корне изменилась бы мораль и система современного мира.

— В мои планы входило: принести победу нацистам на европейском фронте с помощью атомных бомб и ФАУ; в Америке принести победу на президентских выборах не Франклину Рузвельту, а более прогрессивному кандидату — Уоллесу; а в послевоенной Франции и Италии предоставить власть коммунистам...

Доктор фон Кита перечислял, загиная пальцы.

— Ну, зачем вам это! — не выдержав, крикнул пятнадцатый. — Для чего столько перемен в двадцатом веке? Вы знаете, сколько это породит новых трагедий? Я вам могу рассказать про одного пятнадцатилетнего мальчика, которого там встретил...

— Трагедия?! — У доктора загорелись глаза. — А разве бывает история без трагедий? Вопрос в том, что́ человечество получает, пройдя через эти мучительные испытания. Во второй мировой войне погибли десятки миллионов людей, почти половина из них — зверски замученные евреи. Но ведь вы не знаете, каким стал бы мир, если бы тогда действительно было уничтожено десять процентов людей! Понимаете ли вы, к чему привела тогдашняя поло-

винчатость? Вот тысяча лет прошло с тех пор, а ведь человечество еще не освободилось от своих язв.

Доктор стукнул кулаком по столу и вскочил — теперь это был действительно сумасшедший. Его воспаленные глаза дико горели, в уголках губ выступила пена.

— Жертвы принесены, а я вас спрашиваю: где польза? Такая история бессмысленна. Двадцатый век оказал влияние на последующие века именно своей половинчатостью. Оппортунизм в мировых масштабах. Короче говоря, жертвы, принесенные во второй мировой войне, оказались бесполезными. Человечество, испугавшись ужасов, которые само изобрело, побоялось трагедий и пошло на компромисс. В Японии реескрипта императора оказалось достаточно, чтобы все подняли руки. А что они получили в результате?

Инспектор Вовазан переглянулся с начальником департамента, и тот понимающе кивнул.

— Японии следовало понести большие жертвы, но все же вырвать у истории что-нибудь по-настоящему дельное. Ведь на протяжении долгих веков она только и делала, что страдала. Какая же разница? Так не лучше ли пойти на самоуничтожение, применить тактику выжженной земли? Не лучше ли, чтобы государство, именуемое Японией, вовсе перестало существовать? Погибло бы одно государство, зато родился бы новый Человек, проникнутый сознанием космической солидарности. В истории есть такое положение: «Превратить империалистическую войну в гражданскую». Когда вы меня обнаружили, в Японии как раз вспыхнуло восстание рабочих,

— Доктор... — тихо вмешался инспектор

Вовазан, — насколько нам известно, вы несколько раз побывали в Японии той эпохи, чтобы изучить ее историю.

— Ну и что? — воскликнул сумасшедший.

— Разве вам не известно, что пункт первый правил водительства машины времени запрещает ездить в одну и ту же эпоху несколько раз подряд? В результате длительного пребывания в иновременных условиях наступают нежелательные мозговые изменения. Возможна потеря памяти и даже психическое заболевание.

— Вы хотите сказать, что изучение японской истории сказалось на моей психике? — спросил сумасшедший, ослабившись.

— Нет, я хочу сказать, что вы рассуждаете, пожалуй, как некоторые японцы той эпохи.

— При чем тут та эпоха? Мой метод годится для любой эпохи и любой страны, — раздраженно возразил доктор. — Почему бы не изменить ход истории, если это осуществимо? Не создать несколько параллельных и независимых друг от друга ходов истории? Это принесет только пользу! Если человечество в состоянии испробовать безграничное число исторических вариантов, зачем ему ограничиваться одним-единственным? Право всегдадается возможностью. Мы вправе выбрать лучший вариант исторического события. — Сумасшедший воздел руки к небу. — Я освободил человечество от неизбежности истории!

— Вы ошибаетесь, — спокойно возразил начальник департамента. — Ваша мания сама есть продукт исторической обусловленности.

— Мания?! — с издевкой переспросил сумасшедший. — Да где вам это понять!

— Наша эра давно отказалась от такого под-

хода к истории, — спокойно возразил начальник департамента, барабаня пальцами по столу. — Человечеству он не нужен, ибо, только живя в истории, которая едина и неизменяема, человек остается человеком. Человек отказывается от многих исторических перспектив в интересах самосохранения. — Начальник департамента усмехнулся. — Даже таких рационалистических, как, например, поедание друг друга... Человек отказался от хирургической операции, дающей ему вечную жизнь. Отказался от пересадки человеческого мозга в машину...

— Вы консерваторы! Вы и есть преступники против истории! — закричал сумасшедший в гневе. — Вы лишили человечество его безграничных возможностей!

— Для того чтобы сохранить вид, именуемый человеком, — отвечал начальник департамента. — История — это монолитный процесс, она не нуждается в различных вариантах. Только при сохранении ее монолитности каждая данная эпоха будет иметь свою, соответствующую ей культуру. В условиях многообразия исторических течений человек перестанет понимать самого себя. — Начальник обернулся и взглянул на хроноскоп. — Нравственность нашей эры заключается в том, чтобы сохранить существующий порядок вещей. Она сильно напоминает мораль, бытовавшую несколько десятков веков назад... Очевидно, возврат к старинной нравственности происходит в силу исторической необходимости...

— Идемте, — сказал инспектор Вовазан, бря доктора за локоть.

— Итак, в Суд времени?

— Нет, в больницу, — спокойно поправил

инспектор. — На психиатрическую экспертизу. Я уверен, что вам удастся избежать судебного наказания.

— Вопреки очевидности вы подозреваете меня в идиотизме?

— Мне неприятно говорить вам об этом. Но, вероятно, в связи с частыми путешествиями во времени у вас произошло смещение исторического сознания.

— Ну, знаете ли! Я же историк. Я просто увлечен конкретной исторической эпохой.

— Не в том дело, доктор, — мягко улыбнулся инспектор. — Не только в том, что вы рассуждаете как человек двадцатого века. Это можно было бы отнести за счет сильной впечатлительности... А вы действительно считаете себя нормальным?

— Что за вопрос?

— Вот это мне и хотелось знать. В разговоре с начальником департамента вы обмолвились, что раны двадцатого века сказываются на современности даже теперь, спустя тысячу лет. То есть вы мыслите и чувствуете как человек тридцатого века... Но ведь со временем второй мировой войны прошла не тысяча... а пять тысяч лет...

— Яч-ча-ан!.. Ясухико-chan! — прозвучал женский голос.

Жена звала ребенка. Ясую закрыл книгу. Он как раз прочел «Обнаруженное время», главу из книги Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Он мечтал об этом еще со студенческой скамьи. Ясую развалился на траве.

Над головой простипалось бездонное голубое небо. Веял прохладный осенний ветерок. От его

прикосновения по телу пробегал озноб. Это было плоскогорье Сига.

Послышались голосок трехгодовалого сынишки и звучный альт жены. Голоса приближались. Ясую слушал, прикрыв глаза.

Мир на земле! Свет в небе!..

Сейчас к нему направятся маленькие ноги и в лицо уткнутся нежные, пахнущие молоком губы. Притворившись спящим, он ждал.

Впервые после шести лет работы в фирме выдался спокойный отдых. Но завтра он снова пойдет на работу. Кончилось лето.

Опять послышались голоса жены и сына.

— Брось! Ясухико-chan! Фу! Бяка! Брось! Ты слышал, что я сказала?

— Не-е-ет! — ответил упрямый ребенок.

Упрямством мальчик пошел в него. Ясую невольно улыбнулся. Послышался топот ножек, из травы вынырнула круглая головенка, и сынишка разжал кулачок.

— На, папочка!

Улыбаясь, Ясую взял из рук мальчика какую-то круглую маленькую пластинку из эbonита.

— Ясухико-chan нехороший! Не слушается маму... Ясую, что он там нашел?

Ясую стер с пластинки присохшую грязь — появился рисунок.

— Какой-то значок, — ответил он жене. — Значок в виде цветка сакуры.

— Не может быть! Какой сакуры? — рассмеялась жена. — Разве сакура черная?

И вдруг он сжал в кулаке значок, точно вспоминая о чем-то. На мгновение, всего лишь на мгновение, темные глубины сознания сковал ледяной холод. Все кругом потускнело, словно небо заволокло тучами. И все, что его очаровывало, — высокое, чистое небо, отдых в кругу

семьи, он сам и все окружающее — показалось таким серым, темным, позорным, словно от него исходило зловоние.

Но это длилось всего лишь мгновение. Ясую вернул значок малышу и поднял мальчика высоко в небо.

— Ну, пошли в гостиницу. Пора обедать.

— Я хочу есть, — торжественно произнес малыш.

— А завтра поедем домой. Хорошо?

— Папочка... красное, красное...

Вдали опускалось огромное багряное солнце.

Муж, жена и ребенок — все втроем запели: «День кончается пламенем алой зари... Мир — земле!..»

— Ясухико-chan, дай мне, я это выброшу!..

— Это бяка... Выброшу...

Маленький черный значок, брошенный детской рукой, полетел в траву, пересекая багровый диск заходящего солнца.

— Бай-бай! — кричит малыш.

«Звонит колокол в храме на горе...»

МИР — ЗЕМЛЕ!

Содержание

Предисловие	5
<i>Сакё Комацу. Времена Хокусая</i>	13
<i>Сакё Комацу. Бумага или волосы?</i>	19
<i>Рю Мицусе. Возвращение героев</i>	48
<i>Синити Хоси. Премия</i>	89
<i>Синити Хоси. Мужчина в космосе</i>	97
<i>Морио Кита. Машина времени</i>	110
<i>Синити Хоси. Табак</i>	137
<i>Синити Хоси. Надежда</i>	147
<i>Ясукуни Такахаси. Песня морских глубин</i>	155
<i>Сакё Комацу. Хаотическая комедия</i>	184
<i>Синити Хоси. Кризис</i>	216
<i>Синити Хоси. Когда придет весна</i>	227
<i>Сакё Комацу. Мир — Земле</i>	236

ВРЕМЕНА ХОКУСАЯ

Редактор *Е. Г. Ванслова*

Художник *В. Янкилевский*

Художественный редактор *Ю. Л. Максимов*

Технический редактор *А. Г. Резоухова*

Корректор *А. Я. Шехтер*

Сдано в производство 19/X 1966 г.

Подписано к печати 16/II 1967 г.

Бумага 70×90^{1/32}=4,50 бум. л. 10,53 усл.

печ. л. Уч.-изд. л. 11,04. Изд. № 12/3476.

Цена 59 коп. Зак. 849.

Темплан 1967 г. изд-ва «Мир», пор. № 209

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР,

Ярославль, ул. Свободы, 97

59 коп.